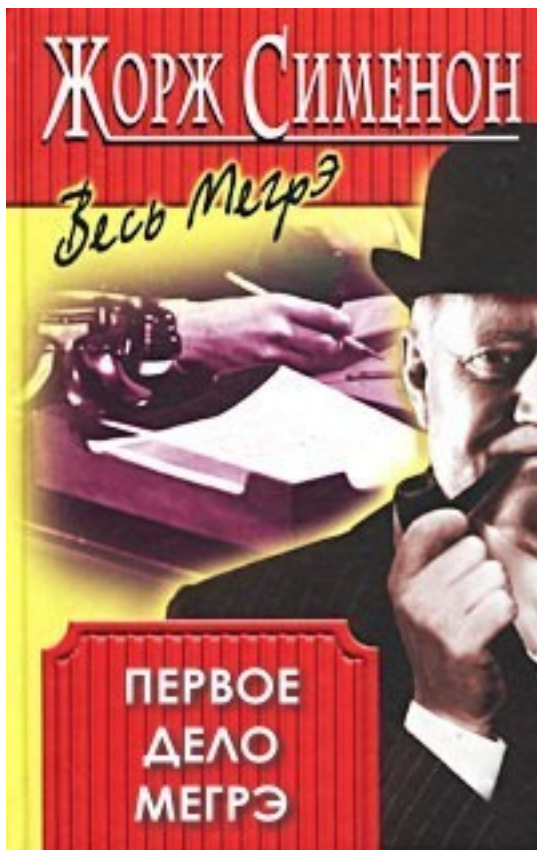

ЖОРЖ СИМЕНОН

Весь Мегрэ

ПЕРВОЕ
ДЕЛО
МЕГРЭ

Жорж Сименон
Первое дело Мегрэ
Серия «Комиссар Мегрэ»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=124831

Оригинал: Georges Simenon, "La premiere enquete de Maigret", 1949

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	28
Глава 3	51
Глава 4	73
Глава 5	93
Глава 6	112
Глава 7	134
Глава 8	155
Глава 9	177

Жорж Сименон

«Первое дело Мегрэ»

Глава 1

Показания флейтиста

Низкий черный барьер разделял комнату пополам. В той половине, которая предназначалась для публики, у выбеленной стены, сплошь оклеенной служебными объявлениями и плакатами, стояла только черная скамья без спинки. Другую половину комнаты занимали столы с чернильницами, полки, забитые толстенными справочниками, тоже черными, так что все здесь было черное и белое. Но главной достопримечательностью комнаты была печка, красовавшаяся на листе железа, – чугунная печка из тех, что в наши дни можно встретить разве только на вокзале какого-нибудь захолустного городка. Труба печки сначала круто поднималась вверх, к самому потолку, а потом, изогнувшись, тянулась через всю комнату и исчезала в стене.

Лекер, полицейский агент с детским лицом, чуть розовым и припухлым, сидел в расстегнутом мундире и пытался вздремнуть, положив голову на согнутую в локте руку. Стенные часы в черном футляре показывали двадцать пять ми-

нут первого. Время от времени единственный газовый ро- жок, освещавший комнату, тихо покашливал. Сухо потрес- кивали дрова в печке.

Тишину ночи все реже и реже нарушали возгласы подгу- льявших прохожих, разухабистая песня какого-нибудь пьян- чуги или стук колес фиакра, с грохотом катившегося по кру- той улице.

Секретарь комиссариата квартала Сен-Жорж сидел в ле- вом углу комнаты и, низко склонившись над столом и шеве- ля губами, словно школьник, читал только что вышедшую брошюру: «Курс описательных признаков (словесный порт- рет) для офицеров и инспекторов полиции».

На форзаце книги чья-то рука аккуратно вывела лиловы- ми чернилами: «Ж. Мегрэ».

Трижды за ночь молодой секретарь комиссариата Жюль Мегрэ поднимался со своего места, чтобы помешать дрова в печке. Воспоминания об этой печке он пронесет через всю свою жизнь: почти такая же будет стоять у него на Набереж- ной Орфевр, а позднее, когда центральное отопление будет проведено во все помещения Сыскной полиции, Мегрэ – уже дивизионный комиссар и начальник оперативной группы – добьется разрешения сохранить такую печку в своем каби- нете.

Итак, наступило 15 апреля 1913 года. Сыскная полиция называлась тогда еще Сюртэ.¹ В то утро некий коронован-

---

¹ Сюртэ – служба безопасности.

ный иностранец прибыл на вокзал Лонгшан, где был встречен торжественно президентом Республики. Кортёж, эскортируемый частями национальной гвардии в парадной форме, медленно двигался по авеню Дю Буа и по Елисейским Полям.

В тот же день в Онере состоялся торжественный вечер, и только к ночи стих гул народных гуляний и погасли огни фейерверков.

Полиция просто с ног сбилась. Несмотря на меры предосторожности, несмотря на заранее произведенные аресты и на договоренность с некоторыми лицами сомнительной репутации, можно было в любой момент опасаться какой-нибудь выходки со стороны анархистов: того и гляди, по маршруту следования высокого гостя могла взорваться бомба.

Мегрэ и полицейский агент Лекер коротали ночь в комиссариате полиции квартала Сен-Жорж, на тихой и спокойной улице Ля Рошфуко.

Ровно в час двадцать пять минут оба одновременно подняли головы, заслышав торопливые шаги на тротуаре. Дверь распахнулась. Запыхавшийся молодой человек, шурясь, осмотрелся, ослепленный светом газового рожка.

– Господин комиссар? – спросил он, с трудом переводя дыхание.

– Я его секретарь, – ответил Мегрэ, не поднимаясь с места.

Он и не подозревал, что в этот момент началось его первое самостоятельное дело.

Молодой человек оказался хилым блондином с голубыми глазами и нездоровым румянцем на щеках. Поверх черного костюма на нем был прорезиненный плащ, в одной руке он держал котелок, другую то и дело прикладывал к распухшему носу.

– На вас напали бандиты?

– Нет. Я пытался помочь женщине, которая звала на помощь.

– На улице?

– В особняке на улице Шапталь. Вы должны немедленно отправиться туда!.. Они выставили меня за дверь.

– Кто?

– Какой-то верзила... Не то дворецкий, не то консьерж.

– А не лучше ли рассказать все сначала? Что вы делали на улице Шапталь?

– Я возвращался с работы. Меня зовут Жюстец Минар. Я второй флейтист в оркестре Лямурэ, а по вечерам играю в ресторанчике «Клиши». Живу на улице Ангиен, как раз напротив «Пти Паризьен». Я шел, как обычно, сначала по улице Баллю, а потом по Шапталь.

Мегрэ добросовестно и подробно записывал все показания тщедушного блондина.

– Когда я был уже на середине улицы, почти всегда безлюдной в этот час, я заметил автомобиль. Это был «дион-бу-тон», мотор его работал, хотя он стоял на месте. В нем си-

дел мужчина в сером кожаном пальто, большие темные очки скрывали часть его лица. Когда я поравнялся с ним, на третьем этаже особняка распахнулось окно.

– Вы запомнили номер дома?

– Да. Семнадцать-бис. Это, как я уже сказал, особняк с большим подъездом. Нигде не было света. Только второе окно, если считать слева, было освещено – то самое, которое открылось. Я поднял голову и увидел силуэт женщины, которая выглянула в окно и закричала: «На помощь!..»

– Вы что-нибудь предприняли?

– Погодите... Кто-то, по-видимому, оттащил ее назад. И в тот же миг раздался выстрел. Я обернулся к автомобилю, мимо которого только что прошел, но он резко взял с места и умчался.

– Вы уверены, что это был выстрел, а не треск мотора?

– Уверен... Тогда я подошел к двери и позвонил.

– Вы были один?

– Да.

– У вас было оружие?

– Нет.

– Что же вы собирались делать?

– Но... Вопрос сбил флейтиста с толка: он растерялся и не знал, что ответить. Если бы не усики и редкая борода, ему можно было бы дать не более шестнадцати лет.

– Соседи ничего не слышали?

– Мне кажется, нет.

– Вам открыли?

– Не сразу. Я звонил по меньшей мере три раза. Потом стал стучать ногами в дверь. В конце концов я услышал шаги, потом кто-то снял цепочку, отодвинул засов.

В подъезде света не было, но как раз перед самым домом горел газовый фонарь.

Час сорок семь минут... Флейтист то и дело бросал испуганный взгляд на часы.

– Верзила в черном костюме – должно быть, дворецкий – спросил меня, что мне угодно.

– Вы говорите, он был одет?

– Ну да!

– В брюках и при галстукe?

– Да.

– А между тем в доме было темно?

– Кроме освещенного окна на третьем этаже.

– Что вы ему сказали?

– Точно не помню. Я хотел войти в дом.

– Зачем?

– Посмотреть, что там происходит. Он заслонил собой дверь. Тогда я сказал ему о женщине, которая звала на помощь.

– Он казался смущенным?

– Он смотрел на меня угрожающе и, не говоря ни слова, старался оттолкнуть от дверей.

– А потом?

– Он пробурчал несколько слов. Точно я не разобрал. В общем, нечто вроде того, что мне все приснилось, что я просто пьян. Потом в темноте вдруг раздался голос – мне показалось, что крикнули на площадке второго этажа.

– Что именно?

– «Живее, Луи!»

– А дальше?

– Тогда он меня толкнул. А так как я сопротивлялся, ударил меня прямо в лицо, и я очутился на тротуаре перед закрытой дверью.

– На третьем этаже по-прежнему горел свет?

– Нет.

– Автомобиль вернулся?

– Нет... Может быть, нам следовало бы пойти туда сейчас?

– Нам? Вы намерены сопровождать меня? Поразительный контраст между почти женственной хрупкостью флейтиста и его отчаянной решимостью одновременно и смешил, и трогал.

– Разве не мне съездили по физиономии? Так вот, я подаю жалобу.

– Ваше право.

– Мне думается, нам следовало бы тотчас же отправиться туда. Вы не находите?

– Номер дома вы уже назвали?

– Семнадцать-бис.

Мегрэ нахмурился – этот адрес о чем-то смутно ему напо-

минал. Он снял с полки толстый справочник, перелистал его, задержался на одной из фамилий и нахмурился еще больше.

В тот вечер он был в мундире. Это был, можно сказать, первый мундир в его жизни. За несколько дней до описываемых событий служебная записка рекомендовала всем служащим полиции по случаю визита коронованной особы быть в парадной форме – каждого могли в любую минуту вызвать.

Его прорезиненный плащ, купленный в магазине готового платья, был как две капли воды похож на плащ Жюстена Минара.

– Пошли! Если меня спросят, Лекер, скажите, что я еще вернусь.

Мегрэ волновался. Фамилия, которую он отыскал в справочнике, была столь громкой, что ему стало не по себе.

Ему было двадцать шесть лет, и он всего пять месяцев как женился. Все четыре года, что он прослужил в полиции, ему приходилось выполнять самые скромные обязанности, начав с дежурств на дорогах, вокзалах и в больших магазинах. Только год назад он был назначен на должность секретаря комиссариата квартала Сен-Жорж.

Самой уважаемой фамилией во всем квартале была, безусловно, фамилия обитателей дома номер 17-бис по улице Шапталь.

Жандро-Бальтазар. Кафе «Бальтазар». Это имя, выведенное огромными бурыми буквами, мелькало на всех станциях метро. Фургоны торгового дома «Бальтазар», запряженные

четверкой великолепных лошадей в роскошной сбруе, являли собой как бы неотъемлемую часть парижского пейзажа.

Сам Мегрэ с удовольствием пил кофе «Бальтазар».

И когда он шел по авеню Дел'Опера, он никогда не пропускал случая вдохнуть прекрасный запах жареного кофе, доносившийся из магазинов фирмы «Бальтазар».

Ночь была светлой и холодной. На улице – ни души, ни одного фиакра. Мегрэ в ту пору был почти такой же худощавый, как и флейтист, так что, когда они шли вверх по улице, их можно было смело принять за двух подростков.

– Надеюсь, вы были трезвы?

– Я никогда не пью. Врач запретил.

– Вы уверены, что видели, как открылось окно?

– Абсолютно уверен.

Это была первая самостоятельная вылазка Мегрэ. До сих пор он только сопровождал в нескольких полицейских облавах своего начальника, господина Ле Бре, самого светского из всех полицейских комиссаров Парижа.

Улица Шапталь была так же безлюдна, как и улица Ла Рошфуко. В окнах особняка Жандро-Бальтазар, одного из самых красивых зданий квартала, света не было.

– Вы сказали, что у дома остановился автомобиль?

– Не совсем у дома. Чуть выше.

Мегрэ, голова которого была набита только что прочитанными теориями доказательств, зажег восковую спичку и склонился над брусчатой мостовой.

– Видите! – торжествующе воскликнул музыкант, указывая на большое маслянистое темное пятно.

– Пошли. Хотя не очень-то я уверен, что поступаю правильно, разрешая вам идти со мной.

– Но ведь меня же стукнули кулаком по физиономии.

И все-таки на душе у Мегрэ было тревожно. Поднимая руку к звонку, он почувствовал, как сжалось сердце. Он сам себе задавал вопрос, на какую статью закона он может сослаться. Ордера у него не было. Кроме того, сейчас ночь. Могли он объяснить мотивы своего вторжения, если единственным доказательством преступления являлся распухший нос флейтиста?

Как и флейтисту, ему пришлось позвонить три раза подряд. Потом голос за дверью спросил:

– В чем дело?

– Полиция! – неуверенно заявил Мегрэ.

– Минуточку. Только схожу за ключом.

Что-то щелкнуло. В особняке зажегся свет. Затем прошло еще несколько долгих минут ожидания.

– Это он, – подтвердил музыкант, тотчас же узнав голос говорившего.

Наконец загремела цепочка, заскрипел засов, показалась заспанная физиономия, и взгляд, мельком скользнувший по Мегрэ, остановился на Жюстене Минаре.

– Все-таки вы его задержали! – сказал мужчина. – Вероятно, он еще где-нибудь выкинул тот же фортель?

– Разрешите войти?

– Если вы считаете это необходимым. Попрошу вас не шуметь, чтобы не разбудить весь дом. Пройдемте сюда.

Слева над тремя мраморными ступеньками поблескивала двухстворчатая застекленная дверь, выходящая в холл с колоннами. Впервые в жизни Мегрэ попал в дом, роскошь и величавость которого напоминали резиденцию по меньшей мере министра.

– Вас зовут Луи?

– Откуда вы знаете?

Луи открыл дверь не в салон, а в комнату для слуг. Он был полуодет. Наспех натянутые брюки и белая ночная сорочка с красной вышивкой на воротнике создавали впечатление, будто он только что встал с постели.

– Мосье Жандро-Бальтазар дома?

– Который из них, простите? Отец или сын?

– Отец.

– Мосье Фелисьен еще не возвращался. А мосье Ришар, его сын, должно быть, давно спит. Прошло не более получаса, как этот пьяница... Луи был рослый, плечистый мужчина. Он выглядел лет на пятьдесят. Подбородок его был выбрит до синевы, над глазами с очень темными зрачками нависли невероятно густые пышные брови.

Мегрэ судорожно глотнул воздух. Испытывая чувство человека, которому предстоит броситься в ледяную воду, он произнес:

– Я хотел бы поговорить с мосье Ришаром.

– Прикажете разбудить его?

– Вот именно.

– Предъявите, пожалуйста, документы.

Мегрэ протянул свое удостоверение.

– Давно вы работаете в нашем квартале?

– Десять месяцев.

– Вы прикреплены к комиссариату Сен-Жорж?

– Совершенно верно.

– Значит, вы знаете мосье Ле Брэ?

– Это мой начальник.

Тогда Луи произнес с напускным безразличием, за которым слышалась плохо скрытая угроза:

– Я тоже его знаю. Я имею честь прислуживать ему, когда он приходит сюда завтракать или обедать. – Он выждал несколько секунд, глядя в сторону. – Вы все еще настаиваете на том, чтобы я разбудил мосье Ришара?

– Да.

– У вас имеется ордер?

– Нет.

– Прекрасно. Соблаговолите обождать. Прежде чем удалиться, дворецкий демонстративно достал из стенового шкафа крахмальную манишку, воротник, черный галстук. Потом надел висевший здесь же сюртук. В комнате стоял только один стул. Ни Жюстен Минар, ни Мегрэ не сели. Вокруг царила тишина. Дом был погружен во мрак. Все выглядело

как-то необычайно торжественно и внушительно.

Дважды Мегрэ вынимал часы из жилетного кармана. Прошло двадцать минут, прежде чем Луи появился вновь, по-прежнему холодно официальный.

– Прошу вас следовать за мной... Минар хотел было идти вслед за Мегрэ, но дворецкий обернулся к нему:

– Не вас. Если только вы тоже не имеете отношения к полиции... Какое-то странное чувство овладело Мегрэ. Ему казалось предательством оставить здесь одного этого жалкого флейтиста. Комната для слуг, облицованная темным деревом, на какой-то миг представилась ему темницей, и он без труда вообразил, как верзила дворецкий с синим подбородком возвращается сюда, чтобы наброситься на свою жертву.

Следуя за Луи, он прошел через холл с колоннами и поднялся по лестнице, покрытой темно-красной ковровой дорожкой.

Вдоль лестницы горело несколько ламп, тускло освещая ступеньки и стену. Дверь, выходящая на площадку второго этажа, была открыта. В двери стоял человек в халате.

– Вы желаете говорить со мной? Входите, пожалуйста... Оставьте нас одних, Луи.

Комнага служила одновременно и гостиной и кабинетом. Стены были обтянуты кожей, пахло сигарами и духами, не знакомыми Мегрэ. Приоткрытая дверь вела в спальню, где виднелась разобранная кровать.

Ришар Жандро-Бальтазар запахнул халат, накинутый на

пижаму. На ногах у него были сафьяновые туфли.

Ему было, вероятно, лет тридцать. Лицо его под шапкой черных волос казалось бы заурядным, если бы не кривой нос.

– Луи сказал мне, что вы из комиссариата нашего квартала. Не так ли?

Он открыл украшенную резьбой коробку с сигаретами и придвинул ее посетителю. Мегрэ поблагодарил и отказался.

– Вы не курите?

– Только трубку.

– Тогда я не предлагаю вам закурить, потому что не выношу запаха трубочного табака. Полагаю, что, прежде чем прийти сюда, вы позвонили моему другу Ле Брэ?

– Нет.

– Ах вот как! Прошу простить, если я недостаточно осведомлен относительно порядков в полиции. Ле Брэ часто бывает в этом доме, однако хочу вас сразу же предупредить, не в качестве комиссара полиции. Впрочем, он так мало походит на полицейского! Это действительно очень порядочный человек, и у него очаровательная жена. Но перейдем к делу. Который час?

Он сделал вид, что ищет часы, и Мегрэ вытащил из кармана свою серебряную луковицу.

– Двадцать пять минут второго.

– Светать в это время года начинает, кажется, часов в пять, не правда ли? Я прекрасно знаю это, ибо мне довольно часто случается выезжать верхом в Булонский лес как раз в

это время... Мне казалось, что жилища граждан неприкосновенны с заката и до рассвета.

– Совершенно верно, но... Он оборвал Мегрэ на полуслове.

– Заметьте, я упомянул об этом только для того, чтобы и вы не забывали о существующих законах. Вы молоды и, по-видимому, еще малоопытны. Вам повезло, однако, что вы попали к другу вашего шефа. Смею думать, что вас сюда привели лишь самые добрые намерения. Луи успел мне вкратце рассказать о происшедшем. Очевидно, субъект, которого он вышвырнул за дверь, весьма опасный тип? Но даже в этом случае, друг мой, не считаете ли вы, что вам следовало подождать до утра? Присаживайтесь, прошу вас.

Сам же он ходил взад-вперед по комнате, дымя египетской сигаретой с позолоченным мундштуком.

– А теперь, после того как я преподал вам этот маленький урок, который вы заслужили, скажите мне, что вас интересует?

– Кто занимает комнату этажом выше?

– Простите?

– Знаю, вы не обязаны отвечать мне, во всяком случае в данный момент.

– Обязан? – повторил Ришар с изумлением.

У Мегрэ покраснели кончики ушей, но он продолжал:

– Этой ночью в комнате над вами кто-то стрелял.

– Простите... Простите... Вы, надеюсь, в своем уме?... Хо-

чу сказать, что народные гулянья – это, конечно, повод, но не слишком ли много вы выпили?

На лестнице послышались шаги. Дверь была открыта, и Мегрэ, обернувшись, увидел смутно вырисовавшийся силуэт, словно сошедший с обложки модного журнала. Человек был одет во фрак, пелерину и цилиндр. Он был худ и стар, и его тонкие усы с загнутыми вверх концами были нафабрены.

Не решаясь войти, удивленный, а может быть, испуганный, он остановился на пороге.

– Войдите, отец. Полагаю, что вы от души посмеетесь. Мосье, которого вы видите здесь, служит у нашего друга Ле Брэ... Удивительное дело, Фелисьен Жандро-Бальтазар-отец вроде бы и не был пьян, а между тем выглядел как-то странно и держался весьма неуверенно.

– Вы видели Луи? – продолжал сын.

– Он внизу с кем-то... – Совершенно верно. Какой-то пьяница – если только это не сумасшедший, вырвавшийся из Вильжуиф, – незадолго до вашего прихода чуть не выломал дверь. Луи стоило огромных трудов помешать этому пьянчуге вломиться в дом. А теперь мосье... Он подождал, просительно глядя на Мегрэ.

– Мегрэ.

– ...мосье Мегрэ, секретарь нашего друга Ле Эрэ, здесь у нас для того, чтобы спросить меня... Так что же вас интересует.

– Кто живет в комнате над вами, второй от угла?

Мегрэ показалось, что отцу не по себе и что волнение его вызвано какими-то необычными обстоятельствами. Как только старик вошел в комнату, он бросил на сына взгляд, полный страха и покорности. Он не осмеливался и рта открыть. Казалось, он ждет разрешения Ришара.

– Моя сестра, – сказал наконец последний. – это все?

– Она сейчас здесь?

Мегрэ обратился не к сыну, а к отцу. Но и на этот раз ответил сын.

– Нет. Она в Ансевале.

– Простите? Не понял.

– В нашем замке, замке Ансеваль, около Пуи-сюр-Луар, в департаменте Ньевр.

– Так что комната ее пуста?

– Имею все основания так полагать. – И иронически добавил:

– Быть может, вы хотите в этом удостовериться? Пожалуйста, я вас провожу. О, завтра я смогу поздравить нашего друга Ле Брэ с необычайным усердием его подчиненных. Прошу вас, следуйте за мной.

К величайшему удивлению Мегрэ, отец тоже робко поплелся за ними.

– Вот комната, о которой вы говорили. Как удачно, что она не заперта. Он повернул выключатель. Мебель в спальне была из белого лакированного дерева, стены обтянуты голубым шелком. Боковая дверь вела в будуар, где царил идеаль-

нейший порядок – каждая вещица, казалось, лежит на своем месте.

Старый Жандро-Бальтазар-отец был одет во фрак, пелерину и цилиндр.

– Убедительно прошу все осмотреть. Сестра будет в восторге, когда узнает, что полиция рылась в ее вещах.

Не давая сбить себя с толку, Мегрэ направился к окну. Тяжелые шелковые шторы были темнее шелковых обоев. Раздвинув шторы, он обнаружил за ними тюлевые занавески для смягчения дневного света и заметил, что один край занавески прихвачен оконной рамой.

– Никто не входил сюда сегодня вечером?

– Может быть, одна из горничных... – У вас их несколько?

– Конечно! – саркастически ответил Ришар. – Их две, Жермен и Мари. Есть еще жена Луи, наша кухарка, есть еще прачка, но она замужем, приходит утром и уходит вечером.

Фелисьен Жандро-отец поочередно глядел то на одного, то на другого.

– В чем дело? – спросил он наконец.

– Право, не знаю. Спросите у мосье Мегрэ.

– Человек, проходивший мимо вашего дома примерно в половине второго, слышал, как вдруг распахнулось окно в этой комнате. Он поднял голову и увидел обезумевшую женщину, звавшую на помощь.

Мегрэ заметил, что рука отца сильнее сжала золотой набалдашник трости.

– А дальше что? – спросил Ришар.

– Женщину оттащили от окна, и в тот самый миг раздался выстрел.

– Ах вот как?

Жандро-младший, будто заинтересовавшись, посмотрел вокруг, делая вид, что ищет след пули в шелке, которым были обтянуты стены.

– Вы знаете, что меня особенно удивляет, мосье Мегрэ... Простите, я не перепутал вашу фамилию? Мегрэ, не так ли?.. Меня удивляет, что, подозревая нас в столь тяжком преступлении, вы не приняли элементарных мер предосторожности и не предупредили своего начальника. Думается, вы несколько легкомысленно поступили, примчавшись сразу сюда. Знаете ли вы хоть что-нибудь об этом прохожем, обладающем столь богатой фантазией?

– А он, между прочим, внизу.

– Мне необычайно приятно, что он находится под моей кровлей. Итак, не только вы сами вломились сюда среди ночи, пренебрегая законами, охраняющими свободу граждан, но еще и привели с собой подозрительного субъекта. Так, во всяком случае, кажется мне. Тем не менее, поскольку вы уже здесь и поскольку вам безусловно придется завтра доложить обо всем подробно нашему другу Ле Брэ, я прошу вас приступить к необходимым формальностям. Полагаю, вы хотели бы убедиться, что постелью моей сестры сегодня ночью никто не пользовался?

Он сорвал с кровати шелковое покрывало, под которым оказались простыни без единой складки и безупречно чистая подушка.

– Ищите же, прошу вас. Обшарьте все углы. У вас, конечно, есть лупа?

– В этом нет необходимости.

– Прошу прощения. За исключением Ле Брэ я имею честь быть знакомым с полицией только по романам... Вы говорите, стреляли? Как знать, может, где-нибудь здесь спрятан труп? Пойдемте. Поищем вместе! Посмотрим в стенном шкафу. Всякое бывает!

Он распахнул створки, и Мегрэ увидел множество платьев, аккуратно развешанных на вешалках.

– Теперь прошу вас сюда. Это обувь Лиз. Она, как видите, помещана на обуви. Перейдем к ней в будуар. Войдя в роль, он все больше и больше возбуждался.

– Эта дверь?.. Она забита со дня смерти нашей матери. Мы попадем туда через коридор. Идемте. Да нет же! Прошу вас... Целых полчаса длился этот кошмар. Мегрэ не оставалось ничего другого, как повиноваться – Ришар говорил тоном приказа. А присутствие следовавшего за ними по пятам старика Жандро-Бальтазара, с цилиндром на голове, с пелериной на плечах и с палкой с золотым набалдашником в руках, придавало их блужданию по особняку какой-то привкус комедии ужасов.

– Нет, нет. Еще не время уходить. Не забывайте, над нами

есть еще мансарда, где спят слуги.

Лампочки без абажуров освещали покаты́й потолок. Ришар постучал в дверь.

– Откройте, Жермен. Вы в сорочке? Не имеет значения. Пустяки, открывайте. Это полиция.

Пышная девица с заспанными глазами появилась в дверях. Смятая постель, на туалетном столике гребень с приставшими к нему волосами.

– Вы слышали выстрел?

– Что?!

– В котором часу вы легли?

– Я поднялась к себе в десять.

– И вы ничего не слышали? Все вопросы задавал Ришар.

– Пошли дальше!.. Откройте, Мари... Ничего страшного, моя милая... Девчушка лет шестнадцати в накиннутом поверх сорочки зеленом пальто дрожала всем телом.

– Вы слышали выстрел?

Она смотрела на Ришара и Мегрэ с нескрываемым ужасом.

– Давно вы легли?

– Точно не помню.

– Вы слышали что-нибудь?

– Нет! Почему вы спрашиваете? Что-нибудь случилось?

– У вас есть вопросы, мосье Мегрэ?

– Я хотел бы спросить, откуда она родом?

– Откуда вы, Мари?

– Из Ансеваля.

– А Жермен?

– Тоже из Ансеваля.

– А Луи?

– Из Ансеваля, мосье Мегрэ, – ответил Ришар, не скрывая издевки. – По-видимому, вам неизвестно, что владельцы замков обычно привозят слуг из своих поместий.

– А следующая дверь чья?

– Комната мадам Луи.

– Ее муж тоже там спит?

– Он спит внизу, в швейцарской.

Госпожа Луи довольно долго не открывала. Это была маленькая, чернявая, очень толстая женщина с недоверчивым взглядом.

– Скоро вы прекратите всю эту кутерьму? Где Луи?

– Внизу. Скажите, вы слышали выстрел?

Она почти выставила их за дверь, довольно громко выражая свое возмущение. А Ришар все продолжал открывать дверь за дверью – пустые комнаты, кладовки, чуланы.

Мегрэ заставили даже посетить чердак. Оттуда ему пришлось спуститься вниз и осмотреть апартаменты отца и сына.

– Теперь гостиные. Нет, нет, обязательно. Я настаиваю на этом!

Ришар включил свет, и большая хрустальная люстра за сверкала, издавая мелодичный звон.

– Прощу вас. Никаких трупов? Раненых тоже нет? Вы все осмотрели? Не хотите ли спуститься в погреб? Заметьте, сейчас три часа пятнадцать минут.

Он открыл дверь в комнату для слуг. Жюстен Минар сидел на стуле, а недалеко от него, в углу, неподвижно стоял Луи, – казалось, он стережет вора.

– Это и есть тот самый молодой человек, который слышал выстрел? Счастлив, что имею возможность видеть столь необыкновенную личность. Полагаю, мосье Мегрэ, что теперь я имею все основания принести жалобу по поводу клеветнического обвинения и попытки нарушить неприкосновенность жилища.

– Ваше право.

– Доброй ночи... Луи, проводите этих господ.

Старик Жандро открыл было рот, но ничего не сказал. Что касается Мегрэ, то ему все же удалось выдать из себя:

– Благодарю вас.

Луи проводил их к выходу и захлопнул за ними тяжелую дверь.

Встревоженные, сбитые с толку, они оказались на тротуаре по левую сторону улицы Шапталъ. Мегрэ машинально повернулся к маслянистому пятну на брусчатой мостовой, словно это вещественное доказательство могло его поддержать, одним своим видом подкрепляя его подозрения.

– Клянусь, я не взял в рот ни глотка.

– Верю.

– И я не сумасшедший.

– Безусловно...

– Вы думаете, эта история может вам повредить? Кое-что я ведь слышал...

Так Мегрэ обновил этой ночью свой первый мундир, который немного жал ему под мышками.

Глава 2

Ришар лгал

Без десяти девять утра улыбающаяся, свежая, распространившая запах хорошего мыла госпожа Мегрэ раздвинула шторы в комнате, впустив в нее поток веселого ласкового солнечного света. Она совсем недавно вышла замуж и не успела еще привыкнуть к виду этого спящего мужчины, с рыжеватыми усами, с широким лбом, собиравшимся складками, когда на него садилась муха, с густыми волосами, подстриженными ежиком. Она засмеялась. Она всегда смеялась, когда по утрам подходила к его постели с чашкой кофе в руках, а он смотрел на нее затуманенными сном, детскими, как ей казалось, глазами.

Госпожа Мегрэ была кругленькой, пышущей здоровьем молодой женщиной – такие часто встречаются в кондитерских или за мраморными прилавками молочных. Она и не думала скучать в те дни, когда Мегрэ оставлял ее одну в их квартире на бульваре Ришар-Ленуар.

– О чем ты думаешь, Жюль?

В ту пору она еще не звала его Мегрэ, но уже и тогда питала к нему чувство глубочайшего уважения. Точно такое же чувство испытывала она к своему отцу и, несомненно, перенесла бы его на сына, если бы он у нее появился.

– Я думаю... И он наизусть прочел ей текст, который вспомнил в тот момент, когда открыл глаза после недолгого двухчасового сна.

Это были выдержки из правил внутреннего распорядка полиции:

«Незыблемое правило служащих Сыскной полиции – все свое время отдавать службе».

«Всякое начатое следствие или наблюдение должно быть проведено в кратчайший срок, и в эти часы или дни служащему не может быть гарантирован отдых».

Он ушел из комиссариата в шесть часов утра, когда заместитель секретаря Альбер Люс заступил на дежурство. На улице было так свежо и парижские улицы источали такое благоухание, что ему невольно захотелось пройтись пешком, и он сделал круг, пройдя через Центральный рынок, чтобы насладиться запахом весенних овощей и фруктов.

Не один Мегрэ не спал в эту ночь. Визит коронованной особы был рассчитан лишь на три дня, но полиция сбилась с ног, вот уже добрых три недели следя за порядком. Особенно доставалось тем, что работали на вокзалах и в гостиницах, наблюдая за иностранцами.

Полицейские отделения «одалживали» друг другу людей, комиссариаты тоже. Часы прогулок и поездок короля, заранее выверенные с точностью до минуты, в квартале Сен-Жорж предусмотрены не были, и все незанятые служащие были отправлены в комиссариат квартала Оперы.

Не только анархисты не давали полиции спать. Были просто сумасшедшие, которых такие торжественные церемонии неизбежно выводят из равновесия, были карманники и прочий сброд, готовый обвести вокруг пальца незадачливых провинциалов, привлеченных в Париж блеском фейерверков.

– Этот кофе от «Бальтазара»? – спросил Мегрэ жену.

– Почему ты спрашиваешь? Он тебе не нравится?

– Просто хочу знать, почему ты выбрала именно этот кофе. Он более ароматен?

– Ты сам знаешь, какой у него аромат, и потом, ведь есть еще и картинки... Он совсем забыл про альбом, в который она тщательно клеивала картинки, спрятанные под крышкой каждой коробки. На картинках были изображены различные цветы – от лютика до орхидеи.

– Если собрать три полные серии, можно получить ореховую спальню.

Мегрэ принял душ – тогда в их квартире еще не было ванны. Потом съел суп – он всегда ел суп по утрам у себя в деревне и сохранил эту привычку в городе.

– Ты не знаешь, когда вернешься?

Он повторил, улыбаясь:

– «...в эти часы или дни служащему не может быть гарантирован отдых».

Госпожа Мегрэ это правило знала наизусть. Смеясь, она надела шляпу и взяла мужа под руку. Она любила провожать

его, словно ребенка в школу, но до самого комиссариата не доходила – он смущался, как школьник, встречая кого-либо из коллег.

Как только часы показывали десять, на улице Ла Рошфуко останавливался кабриолет комиссара, лошадь звонко била копытом по мостовой, а кучер принимал вожжи от хозяина. Максим Ле Брэ был, вероятно, единственным комиссаром полиции в Париже, который имел свой собственный выезд и жил в Монсо, в одном из новых домов на бульваре Курсель.

До работы он успевал посетить клуб, пофехтовать, поплавать в бассейне и побывать у массажиста.

Рапорт Мегрэ лежал у него на столе, и Мегрэ со смутной тревогой думал о том, какую реакцию вызовет его донесение у начальника. Он работал над рапортом со всей добросовестностью, стараясь использовать все теоретические познания, которые были еще так свежи в его памяти.

После событий беспокойной ночи, когда Жюстен Минар возвращался с улицы Шапталь вместе с Мегрэ, они остановились у дверей дома, в котором жил Мегрэ.

– Вы женаты? – спросил Мегрэ.

– Да.

– Ваша жена, наверно, волнуется?

– Какое это имеет значение!..

И Жюстен зашел к Мегрэ. Последний записал все показания флейтиста и дал ему подписать протокол. Но тот все не

уходил.

– Жена устроит вам скандал...

Жюстен повторил с мягким упорством:

– Какое это имеет значение!..

Почему Мегрэ думал об этом сейчас? Ему с трудом удалось выпроводить Жюстена почти на рассвете. Уходя, флейтист с какой-то робостью, смешанной с настойчивостью, спросил у него:

– Вы позволите мне прийти повидать вас?

Он подал жалобу на дворецкого Луи, решительно требуя вмешательства полиции.

Все бумаги были в полном порядке, они лежали на столе у комиссара поверх ежедневных, менее важных донесений.

Никто и никогда не видел, как появлялся Максим Ле Брэ, – он всегда шел коридором и сразу же проходил в свой кабинет, – но все слышали его шаги. И на этот раз у Мегрэ екнуло сердце.

Вся скамья уже была занята посетителями – главным образом бедняками и оборванцами. Он по очереди вызывал каждого из них, выдавал им справки о месте жительства или нужде, регистрировал потерянные вещи или находки, отправлял в камеру задержанных на бульварах нищих или торговцев запрещенными товарами.

Прямо под часами в черном футляре поблескивал колпак электрического звонка, и когда раздастся звонок... Он рассчитал, что чтение его доклада и жалобы Минара должно

занять приблизительно минут двенадцать. Прошло двадцать минут, а его все еще не вызывали. Наконец легкий щелчок звонка дал ему знать, что начальник просит соединить его с кем-то по телефону.

Кабинет Ле Брэ от зала комиссариата отделяла обитая войлоком дверь, заглушавшая даже самые громкие голоса.

Быть может, Ле Брэ уже связался по телефону с Ришаром Жандро, гостем которого он был столь часто.

Вдруг дверь приоткрылась без звонка:

– Мегрэ!

Доброе предзнаменование? Или плохое?..

– Войдите, голубчик.

Прежде чем усесться за письменный стол, комиссар, попыхивая сигарой, несколько раз обошел кабинет.

Наконец, задумчиво положив руку на папку с делами и словно подыскивая слова, он сказал:

– Я прочел вашу бумажку.

– Да, господин комиссар.

– Вы сделали то, что полагали своим долгом сделать. Ваш рапорт составлен очень подробно, очень точно.

– Благодарю, господин комиссар.

– В нем даже я упомянут.

Он жестом остановил Мегрэ, попытавшегося было открыть рот.

– Я вас ни в чем не упрекаю, напротив.

– Я старался как можно точнее записать все сказанное и

виденное.

– Да, ведь вы получили возможность осмотреть весь дом.

– Меня водили из комнаты в комнату.

– Значит, вы убедились, что ничего подозрительного нет.

– В комнате, указанной Жюстеном Минаром, тюлевая занавеска была зажата оконными створками, словно кто-то наспех захлопнул их.

– Это могло произойти когда угодно, верно же? Нет никаких доказательств, что занавеска не находилась в таком состоянии уже несколько дней кряду.

– Отец, мосье Фелисьен Жандро-Бальтазар, был крайне удивлен, застав меня в своем доме.

– Вы написали «испуган».

– Таково мое впечатление.

– Я знаком с Жандро – мы с ним несколько раз в неделю встречаемся в клубе.

– Да, господин комиссар.

Комиссара, красивого, породистого мужчину, можно было встретить на всех светских раутах, так как он был женат на одной из самых богатых наследниц Парижа. Однако, несмотря на свой образ жизни, он все же заставлял себя регулярно работать... Веки у него всегда были помятые, у глаз вырисовывались гусиные лапки морщин. Надо полагать, что в эту ночь, как, впрочем, и в большинство других, он спал не больше Мегрэ.

– Вызовите ко мне Бессона.

Бессон был единственный инспектор, которого оставили в комиссариате на время королевского визита.

– У меня есть для вас небольшая работенка, старина Бессон.

Произнося эти слова, он записал на листке блокнота фамилию и адрес флейтиста Жюстена Минара.

– Соберите-ка мне негласные сведения об этом музыканте. И чем скорее, тем лучше.

Бессон мельком взглянул на адрес, расплылся в улыбке, убедившись, что работать предстоит в самом Париже, и пообещал:

– Тотчас же приступлю, шеф.

Оставшись наедине с Мегрэ, комиссар изобразил на своем лице некое подобие улыбки и проворчал:

– Ну вот. Должно быть, это единственное, что можно пока сделать.

Сидя за своим черным столом, Мегрэ с неведомым ему дотоле раздражением вот уже несколько часов подряд занимался разбором каких-то замусоленных документов и бумаг, выслушивал скучные жалобы консьержей и объяснения уличных торговцев и продавцов газет.

Самые невероятные решения приходили ему на ум: скажем, немедленно подать в отставку.

Итак, единственное, что, по мнению комиссара, следовало предпринять, – это собрать сведения о флейтисте. А почему

бы не арестовать его и не избить?

Мегрэ мог бы также позвонить высшему начальству и даже пойти к нему на прием. Он был лично знаком с Ксавье Гишаром, начальником Сыскной полиции. Тот довольно часто проводил отпуск неподалеку от их деревни, в Аллье, и был когда-то дружен с отцом Мегрэ.

Он не то чтобы протезировал Мегрэ, но тайно следил за ним издали, вернее, сверху, и, по-видимому, именно при его содействии вот уже четыре года Мегрэ то и дело переводили с одной работы на другую, чтобы он на опыте познакомился со всеми пружинами полицейской службы.

«Минар не сумасшедший. Он не был пьян. Он видел, как открылось окно. Он слышал выстрел. И я сам прекрасно видел масляные пятна на мостовой».

Он все это выложит, черт возьми... И потребует... И вдруг ему пришла в голову одна мысль. Он вышел из комнаты, спустился по лесенке из трех ступенек и очутился в дежурке, где агенты в форме играли в карты.

– Скажите, бригадир, все, кто дежурил этой ночью, уже сдали свои рапорты?

– Нет, еще не все.

– Мне хотелось бы, чтоб вы спросили у них: не заметил ли кто-либо из ваших между двенадцатью ночи и двумя утра машину марки «дион-бутон» в нашем квартале? Шофер в кожаном пальто серого цвета и в больших очках. Был ли кто-нибудь еще в машине, не известно.

Обойдемся без комиссара! «Всякое начатое следствие или наблюдение...»

Он прекрасно знал теорию. Будь то Бальтазар или не Бальтазар, но следствие ведет он.

В полдень сон начал одолевать Мегрэ, но его очередь завтракать еще не подошла. Веки его смыкались. Он по несколько раз задавал посетителям один и тот же вопрос.

Вернулся Бессон. Запах абсента, исходивший от его усов, напоминал о прохладе быстро или о мягком освещении террасы одного из кафе на Больших Бульварах.

– Шеф еще здесь?

Комиссара не оказалось, я Бессон присел рядом с Мегрэ, чтобы составить рапорт.

– Бедняга! – вздохнул он.

– Кто?

– Флейтист.

И Бессон, пышущий здоровьем розовощекий крепыш, продолжал:

– Прежде всего, у него туберкулез. Одно этого уже недостаточно. Вот уже два года его пытаются отправить в горы, но он и слушать не желает.

В сторону площади Сен-Жорж с топотом проскакали лошади. Утром состоялся военный парад на площади Инвалидов, и теперь войска возвращались в свои казармы. В городе все еще царило возбуждение, повсюду реяли знамена, разгуливало множество военных в парадной форме, играли ор-

кестры, пестрая толпа спешила в Елисейский дворец, где давали большой официальный завтрак, – Они живут в двухкомнатной квартире, окнами во двор. Пятый этаж без лифта.

– Вы поднимались к ним?

– Я говорил с угольщиком, который живет в этом же доме, и с консьержкой – она оказалась моей землячкой. Не проходит и месяца, чтобы жильцы не жаловались на него из-за флейты: он играет с утра до ночи, открыв настежь окна. Консьержка к нему очень хорошо относится. Угольщик тоже, хотя он ему задолжал за уголь. Что же до его матроны... – Вы ее видели?

– Она вышла из дому как раз в тот момент, когда я сидел у консьержки. Полная брюнетка с глазами, мечущими искры. Этакая Кармен! Всегда в халате и в шлепанцах, шляется по лавчонкам своего квартала. Она только и делает, что ходит по гадалкам. Мужа осыпает бранью. Консьержка считает даже, что она его бьет. Бедняга!..

Бессон с трудом написал несколько фраз: он был не силен в составлении рапортов.

– Я сел в метро и отправился к хозяину флейтиста в ресторан «Клиши». Ничего плохого мне о нем не сказали. Не пьет. Приходит всегда за пять минут до начала работы. Со всеми приветлив, кассирша его просто боготворит.

– Где он был сегодня утром?

– Не знаю. Дома его не было. Консьержка мне бы сказала.

Мегрэ вышел из комиссариата и отправился в маленький

бар на площади Сен-Жорж – съесть пару крутых яиц и выпить кружку пива. Когда он вернулся, на его столе лежала записка от бригадира:

Полицейский Жюллиан заметил, что в час тридцать ночи около дома № 28 по улице Маиса остановился автомобиль марки «дион-бутон». Кроме шофера (описание совпадает), в нем никого не было. Минут десять автомобиль стоял на улице Мансар, а затем уехал в направлении улицы Бланш.

Зазвенел звонок под часами, и Мегрэ, поспешно вскочив, открыл обитую войлоком дверь. Комиссар уже вернулся. На столе начальника Мегрэ увидел свой рапорт с красными карандашными пометками.

– Входите, голубчик. Присаживайтесь. Это было проявлением необыкновенного расположения, ибо комиссар без зазрения совести позволял своим сотрудникам стоять перед ним навытяжку.

– Полагаю, вы все утро только и делали, что проклинали меня.

Он тоже был в мундире, но его мундир был от лучшего портного с площади Вандом, и жилет, как всегда, самого изысканного тона.

– Я тщательно изучил ваш рапорт. Что ж, отличный рапорт! Кажется, я вам об этом уже говорил. К тому же я беседовал с Бессоном по поводу вашего друга флейтиста.

Мегрэ решил действовать напролом:

– Жандро-Бальтазары вам не звонили?

– Звонили, но говорили со мной вовсе не в том тоне, в каком вы думаете. Ришар Жандро был великолепен, хотя немного и подтрунивал над вами и вашим усердием. Вы, вероятно, ожидали, что он будет жаловаться на вас? Произошло обратное. То обстоятельство, что он счел вас неопытным и горячим, вас, надеюсь, не обижает. Но именно поэтому он разрешил себе милую шутку и открыл перед вами двери своего дома.

Мегрэ насупился. Начальник смотрел на него с лукавой улыбкой – той улыбкой, что являлась как бы отличительной чертой всех светских «скептиков», всех «прожигателей жизни», как тогда модно было их называть.

– А теперь скажите-ка, дорогой мой, как бы вы поступили сегодня утром, будучи на моем месте?

И так как Мегрэ безмолвствовал, он продолжал:

– Затребовали бы ордер на обыск? Но, прежде всего, на каком основании? На основании поступившей жалобы? Но она ведь не на Жандро. Кто-нибудь застигнут на месте преступления? Ничего подобного. Имеются раненые, убитые? Неизвестно. К тому же вы нынче ночью обследовали дом, все его закоулки, видели всех его обитателей. Поймите меня правильно. Догадываюсь, какие мысли терзали вас все утро: я – приятель Жандро. Часто бываю у них. Принадлежу к тому же кругу, что они. Признайтесь, ведь вы полагали, что я буду необъективен.

– Имеется жалоба и показания Минара.

– Того самого флейтиста? Разберемся сейчас и в этом. Около половины второго ночи он пытается проникнуть силой в особняк под тем предлогом, что слышал крики о помощи.

– Он видел...

– Не забывайте, видел-то и слышал он один, а никто из соседей даже не проснулся. Поставьте себя на место дворцового, разбуженного громкими ударами в дверь...

– Простите! Этот самый Луи был полностью одет, даже при галстuke, – в половине второго ночи, причем, когда Минара звонил, все огни в доме были погашены.

– Пусть так. Заметьте, однако, кто заявляет, будто дворцовый был полностью одет? Опять-таки ваш флейтист. Допустим, что так оно и было. Так что же это, преступление? Правда, Минара довольно грубо выставили на улицу. Но как бы действовали вы, если бы какой-то одержимый среди ночи ворвался к вам в дом, предполагая, что вы убиваете вашу жену?

Он протянул сигареты с золотым мундштуком Мегрэ, который в очередной раз напомнил, что не курит сигарет. Впрочем, Ле Брэ и сам знал об этом. Просто такая у него была привычка, снисходительный жест аристократа.

– Подойдем теперь к вопросу с чисто административной стороны. Вы составили рапорт, и он должен пройти обычный путь: лечь на стол префекта полиции, который решит, следует ли передать его в прокуратуру. Жалоба флейтиста на

дворецкого тоже пойдет по своим каналам.

Мегрэ злыми глазами пристально смотрел на своего начальника и думал об отставке. Он уже догадывался, что последует за этим.

– Семейю Жандро-Бальтазар в Париже хорошо знают. Любая бульварная газетенка рада будет малейшему поводу, чтобы скомпрометировать их.

Мегрэ сухо произнес:

– Мне все ясно.

– И вы меня ненавидите, не правда ли? Вы думаете, что я защищаю этих людей, потому что они сильные мира сего и потому что они мои друзья.

Мегрэ сделал движение, чтобы взять со стола свои бумаги и разорвать их – намек комиссара был более чем понятен. После этого он вернется в общий зал и по возможности твердой рукой напишет заявление об отставке.

– А теперь, милый мой Мегрэ, я хочу сообщить вам одну новость.

Очень странно: насмешка начальника звучит дружелюбно.

– Сегодня утром, когда я читал ваш рапорт, какая-то навязчивая мысль все время тревожила меня. Не знаю, случилось ли вам испытывать нечто подобное. Знаешь, что должен что-то вспомнить, но чем мучительнее пытаешься вспомнить, тем меньше тебе это удастся. Одно мне было совершенно ясно – это нечто весьма важное, нечто такое, что мо-

жет в корне изменить весь ход событий. И, наконец, эврика, вспомнил! И когда? Именно в тот момент, когда я отправился завтракать. Против обыкновения, я завтракал дома, так как к нам были званы гости. Посмотрев на жену, я сразу восстановил в памяти пропавшее звено. Оказывается, мне не давала покоя все утро одна фраза, оброненная ею. Но какая? Внезапно, уже когда я доедал омлет, меня осенило. Вчера, перед тем как уехать из дому, я спросил, как обычно: «Что вы делаете сегодня вечером?» И жена ответила: «Пью чай в Сент-Онорэ вместе с Бернадеттой и Лиз». Бернадетта – это графиня д'Эстиро. А Лиз – Лиз Жандро-Бальтазар.

Он умолк, уставившись на Мегрэ своими блестящими глазами.

– Вот так, друг мой. Мне оставалось только выяснить, действительно ли Лиз пила вчера в пять часов чай вместе с моей женой в одном из салонов Пифана. Жена подтвердила. И ни разу речь не заходила о том, что Лиз едет в Ансеваль. Вернувшись, я снова весьма тщательно перечитал ваш рапорт.

Лицо Мегрэ прояснилось, он уже открыл рот, чтобы дать выход своему восторгу.

– Минутку! Не торопитесь. Этой ночью вы нашли комнату Лиз Жандро пустой. Ее брат заявил, что она уехала в Ньевр.

– Следовательно... – Ничего из этого не следует. Ришар Жандро давал показания не под присягой. У вас не было никакого ордера, никакого основания для допроса.

– Но теперь... – Теперь – не более, чем вчера. Вот почему

я вам советую... Мегрэ окончательно растерялся. Ему устроили разнос, но в таком дружеском тоне, что он не знал, как на него реагировать. Его бросило в жар. Он был оскорблен в своих лучших чувствах: с ним обращались, как с мальчишкой!

– Каковы ваши планы на отпуск? Он ответил явно невпопад.

– Мне известно, что чиновники имеют обыкновение заблаговременно готовиться к праздникам и отпускам. Но, если вам угодно, вы можете с сегодняшнего дня взять отпуск. Думаю даже, что это в какой-то мере успокоит мою совесть. В особенности если вы не намерены покинуть Париж. Полицейский в отпуске – уже не полицейский, и он может позволить себе такие действия, за которые администрация не будет в ответе.

У Мегрэ снова мелькнула надежда. Но он все еще продолжал сомневаться. Боялся нового поворота событий, нового подвоха.

– Надеюсь, конечно, что никаких жалоб на вас поступать не будет. Если у вас появится необходимость что-либо сообщить мне или просто посоветоваться, звоните на бульвар Курсель. Номер моего телефона вы найдете в справочнике.

Мегрэ уже собирался было поблагодарить, но комиссар, легонько подтолкнув его к двери, вдруг обронил, будто бы припоминая пустяковую деталь:

– Да, вот уже шесть или семь лет, как Фелисьен Жанд-

ро-отец состоит под семейной опекой, словно молодой повеса. После смерти матери всеми делами заправляет Ришар... Как здоровье вашей жены? Начинает понемногу привыкать к Парижу и к своей новой квартире?

После сухого и короткого рукопожатия Мегрэ очутился за дверью. Все еще не понимая, что с ним произошло, он машинально направился к своему столу, и внезапно взгляд его упал на одного из посетителей, сидевших на скамье по ту сторону барьера – Мегрэ называл его прилавком.

Это был Жюстен, флейтист. Одетый в черное, но на сей раз уже не во фраке, и без плаща, Жюстен Минар покорно дожидался своей очереди, сидя между заросшим по уши бродягой и толстухой в зеленой шали, кормившей грудью младенца.

Музыкант подмигнул Мегрэ, словно спрашивая, может ли он подойти к барьеру. «Нет», – покачал головой Мегрэ, сложил бумаги и передал одному из коллег текущие дела. – Ухожу в отпуск!

– Отпуск в апреле, да еще когда дел по горло в связи с приездом его величества?

– Представь себе, отпуск.

Тот, зная, что Мегрэ недавно женился, продолжал:

– Ребенка ждешь?

– Не жду!

– Болен?

– Здоров.

Это уже становилось подозрительным, и коллега, недоумевающее взглянув на него, произнес:

– Что ж! Дело твое. Желаю приятно отдохнуть. Везет же людям!

Мегрэ взял шляпу и зашел за барьер, отделявший полицейских от посетителей. Жюстен Минар весьма непринужденно поднялся и, не говоря ни слова, последовал за ним.

Может быть, жена устроила ему очередную взбучку, как рассказывал Бессон? Тщедушный, светловолосый, голубоглазый, с нездоровым румянцем на щеках, флейтист неотступно следовал за Мегрэ, словно приبلудная собачонка.

Улицы были залиты солнцем, над окнами развевались флаги. Казалось, воздух звенит от гула труб и грохота барабанов. Люди шагали по-праздничному весело, и оттого что по улицам и площадям без конца расхаживали военные, то и штатские невольно подтягивались и расправляли плечи.

Когда Минар решился наконец приблизиться к Мегрэ, он таинственно прошептал:

– Вас уволили?

По-видимому, Минар полагал, что полицейского чиновника можно так же легко уволить, как флейтиста, и поэтому чувствовал себя совершенно несчастным от сознания своей вины.

– Меня не уволили. Я в отпуске.

– Вот как!

В этом «Вот как!» прозвучали нотки сомнения. В голосе

флейтиста слышалась тревога и скрытый упрек.

– Они предпочитают, чтобы вас пока здесь не было, так ведь? Хотят замять дело! А как же с моей жалобой? – Голос его зазвучал суше. – Надеюсь, они хоть не положат под сукно мою жалобу? Хочу вас сразу предупредить, что я этого не допущу.

– Жалоба разбирается в установленном порядке.

– Отлично! Тем более, что у меня для вас имеются кое-какие новости. Во всяком случае, одна... Они уже дошли до площади Сен-Жорж, такой тихой и провинциальной, с маленьким бистро, в котором всегда пахло белым вином... Мегрэ машинально толкнул входную дверь. В этот послеобеденный час в воздухе и впрямь словно бы повеяло отпуском. Цинковая стойка была начищена до блеска, а в высоких бокалах переливалось и искрилось зеленоватое вино «вуврей».

– Кажется, вы мне говорили, что видели в доме Жандро двух служанок? Так?

– Да, Жермен и Мари, – подтвердил Мегрэ. – Не считая Луизы, кухарки.

– Так вот что я вам скажу. Только одна из них действительно служанка!

В глазах музыканта светилась детская радость, и сам он, как никогда, походил на верного пса, подбежавшего к хозяину с ценной находкой.

– Я говорил с молочницей, которая носит молоко в особняк Жандро. Ее лавка – на улице Фонтен, на углу, рядом с

табачной.

Мегрэ, немного смущенный, с удивлением смотрел на флейтиста и никак не мог отогнать мысль о выволочках, которые устраивает ему его Кармен.

– Старшая горничная, Жермен, уже с субботы в Уазе, у сестры, которая ждет ребенка... Так вот, днем я обычно свободен... – А ваша жена?

– Какое это имеет значение!.. – проговорил он равнодушно. – И я подумал, что если вы собираетесь продолжать следствие, то, возможно, я смогу вам быть полезен. Сам не знаю почему, но люди ко мне обычно очень мило относятся.

«Да, кроме Кармен!» – подумал Мегрэ.

– Погодите. Теперь угощаю я. Да, да! Если я ничего, кроме минеральной воды с соком, не пью, это не значит, что я не могу поставить вам рюмочку. А насчет отпуска, надеюсь, вы пошутили?

Если Мегрэ и промолчал, неужто он этим выдал служебную тайну?!

– Будь иначе, я бы разочаровался в вас, честное слово. Хозяев этого особняка я и в глаза никогда не видал. Лично к ним я ничего не имею, хотя их дворецкий Луи и выглядит настоящим убийцей и они вам все наврали.

Маленькая девочка в красном платице продавала мимозу, привезенную из Ниццы, и Мегрэ купил букетик для жены, которая знакома была с Лазурным Берегом лишь по цветной открытке с изображением залива Ангелов.

– Вы только скажите мне, что я должен делать. И, пожалуйста, не бойтесь – я не причиню вам неприятностей! Я привык молчать!

Во взгляде его угадывалась страстная мольба. Ему очень хотелось предложить Мегрэ еще рюмочку – авось удастся уговорить его, – но он не осмелился.

– В таких домах всякой грязи хоть отбавляй. Но от людей ничего не утаишь. Слуги обычно любят болтать, да и поставщики многое знают.

Машинально, не отдавая себе отчета в том, что он таким образом в какой-то мере скрепляет свой союз с флейтистом, Мегрэ буркнул:

– Оказывается, мадемуазель Жандро не в Ансевале, как говорил ее брат.

– Где же она?

– Так как горничная Жермен уехала в деревню, значит, мне вместо нее показали Лиз Жандро.

– Вы думаете? – спросил флейтист.

– Во всяком случае, в комнате служанки была какая-то толстая девица, от которой разило вином.

Мегрэ произнес это с некоторым смущением, как будто от богатых девиц, чьи фамилии крупными буквами выведены на стенах станций метро, не могло пахнуть вином!

Оба, Мегрэ и Жюстен, замолчали и, сидя за своими рюмками, вдыхая запах мимозы, белого вина и клубничного сока, ощущая приятное тепло солнечных лучей, погрузились

каждый в свои мысли. Мегрэ очнулся только тогда, когда голос его случайного товарища вернул его к действительности:

– Что же мы будем делать?

Глава 3

Угощение папаши Помель

«Инспекторам рекомендуется иметь фрак, смокинг и пиджак, без каких доступ в определенные светские круги будет затруднен».

Все инструкции были еще свежи в памяти Мегрэ. Но инструкции, по-видимому, составлялись людьми весьма оптимистически настроенными. Так или иначе, им следовало бы придать слову «определенные» более точный смысл.

Мегрэ накануне вечером примерил свои фрак, предполагая завтра же проникнуть в те круги, в коих вращаются Жандро: в клуб Гоха или в клуб Гауссмана, но одной фразы, оброненной его женой, было достаточно, чтобы он вновь обрел способность рассуждать здраво.

– Ну и красавчик же ты, Жюль! – воскликнула она, глядя на стоящего перед зеркалом Мегрэ.

Она не собиралась шутить над ним, она была совершенно искренна. Однако в том, как она произнесла эти слова, в ее улыбке было что-то такое, что насторожило его и дало недвусмысленно понять, что ему не стоит и пытаться сойти за молодого clubman'a.²

На площади Бастилии играли вечернюю зорю. Мегрэ, стоя

---

² члена клуба (англ.)

рядом с женой у окна, размышлял. По мере того как в комнату вливалась ночная прохлада, он все более утрачивал свой оптимизм.

– Понимаешь, если я доведу дело до конца, то почти наверняка попаду на Набережную Орфевр. А уж очутившись там... О чем он мог еще мечтать? Попасть в Сыскную полицию, быть может, даже в состав известной опергруппы шефа, как в ту пору именовалась группа по расследованию убийств!..

Для этого достаточно было успешно завершить начатое им следствие – иными словами, не привлекая внимания, раскрыть глубоко запрятанную тайну богатого особняка на улице Шапталь.

Он спал очень тревожно и как только проснулся – в шесть утра, – решил тотчас же на практике проверить одно из положений столь почитаемой им инструкции.

«Фуражка, шейный платок, поношенный пиджак, как проверено на опыте, вполне достаточны для маскировки».

Когда он на сей раз пристально рассматривал себя в зеркале, госпожа Мегрэ и не подумала смеяться.

– В следующем месяце надо будет купить тебе новый костюм, – с нежностью сказала она.

Это было сказано очень тактично, словно мимоходом, но ведь могло означать только одно: его старый пиджак выглядел немногим лучше, чем пиджак так называемого парадного костюма. Иначе говоря, ему не было никакой необходи-

мости переодеваться.

Вот почему он ограничился тем, что надел воротничок, повязал галстук да еще прихватил с собой котелок.

Стояла все такая же великолепная погода, словно специально заказанная для коронованной особы, которую сегодня повезут в Версаль. Сотни парижан уже спешили к королевской резиденции. К вечеру во всех парках вокруг нее будет валяться промасленная бумага и пустые бутылки.

Жюстен Минар должен был поездом отправиться в Конфлян и попытаться разыскать пресловутую Жермен, горничную Жандро.

– Если мне удастся найти ее, – сказал он со своей обезоруживающей мягкостью, – не сомневаюсь, что она мне все расскажет. Не могу объяснить, чем это вызвано, но люди всегда охотно делятся со мной своими тайнами.

Было семь часов утра, когда Мегрэ вступил, если можно так выразиться, во владение улицей Шапталь и мысленно поздравил себя с тем, что не надел фуражки и шейного платка, ибо первый же человек, которого он встретил, был полицейский из его комиссариата. Можно себе представить, каково было бы его удивление, если бы он увидел Мегрэ в столь необычном виде.

Есть улицы, где всегдалюдно, полно магазинов, кафе, – там легко укрыться в толпе. Но улица Шапталь к таким никак не относится – короткая и широкая, без единого магазина, она почти всегда пустынна.

Все шторы в особняке Жандро-Бальтазар были опущены. Мегрэ постоял на одном углу улицы, потом на другом. Он чувствовал себя неловко, и, когда первая же служанка, отправившаяся за молоком на улицу Фонтен, прошла мимо него, ему показалось, что она окинула его подозрительным взглядом и ускорила шаг.

Наступило самое неудобное для него время дня. Солнце светило уже вовсю, но было еще свежо, а Мегрэ, выходя из дома, не надел пальто. Тротуары были безлюдны. Только в половине восьмого открылась табачная лавка, и Мегрэ выпил там чашку прескверного кофе.

Появилась еще одна служанка с молочным бидоном, потом другая. Мегрэ казалось, что они только-только проснулись и даже не успели умыться. То тут, то там стали подниматься жалюзи, и женщины в папильотках, выглядывая из окон, враждебно посматривали на раннего прохожего. У Жандро по-прежнему царила мертвая тишина; лишь в четверть девятого с улицы Нотр-Дам де Лорет появился шофер в великолепно сшитой черной куртке и позвонил у дверей.

К счастью, в это время открылся бар «Старый кальвадос» – единственное место на всей улице, где можно было укрыться от посторонних глаз. Бар этот находился на углу улицы Эннер, чуть выше особняка Жандро. Мегрэ поспешно перешагнул порог «Старого кальвадоса».

Луи в полосатом жилете открыл ворота, обменялся несколькими фразами с шофером. Как и полагалось, воро-

та оставались открытыми в течение целого дня. В глубине виден был залитый солнцем двор, зеленые газоны и гараж; перестук копыт говорил о том, что здесь же расположена конюшня.

– Желаете закусить?

Толстый мужчина, красный как рак, с крохотными, навывкате глазами, миролюбиво глядел на Мегрэ. Почувствовав на себе его взгляд, Мегрэ вздрогнул.

– Как вы смотрите на порцию колбасы и бокал сидра? Лучше не придумаешь, чтобы заморить червячка.

Так начался этот день. Таких дней у Мегрэ было впоследствии немало, но этот тянулся как тяжелый сон.

Само место было необычным. На улице, где расположились особняки и доходные дома, «Старый кальвадос» был похож на деревенскую харчевню, о которой позабыли, когда Париж разросся, захватив и эту часть пригорода. Дом был низенький, узкий. Спустившись на одну ступеньку, вы попадали в довольно темную, прохладную комнату с цинковой, до блеска начищенной стойкой. К бутылкам, стоявшим на ней, казалось, веками никто не прикасался. Из погреба шел терпкий странный запах, пахло кислым сидром и кальвадосом, старыми бочками, плесенью, к этому букету еще примешивался запах кухни. В глубине комнаты винтовая лестница вела наверх. Все, вместе взятое, походило на театральную декорацию, а хозяин – на коротких ножках, широкий в плечах, с упрямым лбом и маленькими блестящими глазками –

двигался по комнате, словно актер.

Как было Мегрэ не согласиться с предложением хозяина? Правда, еще никогда он не пил за завтраком сидра. Это был его первый опыт, и, против ожидания, он почувствовал, как приятное тепло разлилось у него в груди.

– Я жду кое-кого, – счел он необходимым заявить.

– Мне-то что! – ответил хозяин и так повел широкими плечами, что было ясно: он не верит ни единому слову Мегрэ.

А во взгляде его было что-то до того насмешливое, что Мегрэ стало не по себе.

Устроившись за стойкой, хозяин жевал толстенные куски колбасы и за каких-нибудь четверть часа высосал кувшин пива, которое нацедил из бочки в погребе.

По двору Жандро не спеша расхаживал шофер. Сняв куртку, он мыл из шланга автомобиль. Но это был не «ди-он-бутон», а черный лимузин с большими медными фарами.

На улице по-прежнему было пустынно – изредка пробежали служащие, спешившие к метро, проходили служанки или хозяйки, направлявшиеся в магазины на улице Фонтен.

Никто не заходил в «Старый кальвадос». Тем временем на винтовой лестнице показалась невероятно толстая женщина, обутая в красные комнатные туфли. Молча она прошествовала на кухню.

«Полицейский, которому поручено наблюдение, не принадлежит более себе: его поступки диктуются действиями,

предпринимаемыми тем лицом, за которым ведется наблюдение».

В окне второго этажа раздвинулись шторы, – это была комната Ришара Жандро. Было ровно девять часов утра. Хозяин «Старого кальвадоса» медленно передвигался по комнате с тряпкой в руке. Создавалось впечатление, что он делает это умышленно, чтобы не вступать в разговор с посетителем.

– Меня, кажется, заставляют ждать, – сказал Мегрэ, чтобы нарушить неловкое молчание.

«Старый кальвадос» вернее было бы назвать не баром, а ресторанчиком для завсегдатаев. Столы были застланы скатертями в мелкую красную клетку, такие же занавески висели на окнах. Из двери в глубине комнаты доносились запахи кухни, и слышно было, как падали одна за другой в ведро очищенные картофелины.

Почему хозяин и его жена не разговаривают между собой? С того момента, как женщина спустилась вниз, оба они – вернее, все трое, – казалось, разыгрывали какую-то странную пантомиму.

Хозяин вытирал стаканы и бутылки, яростно тер цинковую стойку, потом в нерешительности останавливался перед многочисленными глиняными кувшинами, выбирая один из них. Выбрав, он словно нехотя наливал две рюмки и, указывая на часы, висевшие на стене рядом с рекламным календарем, гудел:

– Время раннее.

Его маленькие глазки следили за тем, как Мегрэ, прищелкивая языком, пьет кальвадос. Затем он снова брался за тряпку, заложенную за лямку фартука.

В половине десятого шофер в особняке напротив надел куртку, и через минуту послышался шум мотора. Автомобиль выехал из ворот и остановился у подъезда, откуда вышел Ришар Жандро в сером костюме с гвоздикой в петлице и сел в черный лимузин.

Неужели хозяин ресторана такой простофиля? Или, напротив, он давно обо всем догадался? Он посмотрел сначала вслед проезжавшему автомобилю, потом на Мегрэ, потом вздохнул и принялся за работу.

Без четверти десять хозяин снова прошел за стойку, выбрал другой кувшин, налил две рюмки и молча придвинул одну из них посетителю.

Только позднее Мегрэ понял, что это был ритуал, или, вернее, мания толстяка. Каждые полчаса на стойке появлялась рюмка кальвадоса. Вот откуда багровый цвет лица хозяина и влажный блеск его глаз.

– Благодарю вас, но... Ничего не поделаешь! Отказываться было невозможно. Взгляд, устремленный на Мегрэ, был столь требовательным, что он предпочел пропустить еще одну рюмку, хотя и чувствовал, что алкоголь уже начинает действовать на него.

В десять часов он спросил:

– У вас есть телефон?

– Наверху, против уборной.

Мегрэ поднялся по винтовой лестнице и очутился в небольшой комнате с низким потолком. Здесь стояли только четыре стола, покрытые клетчатыми скатертями. Окна начались от самого пола.

«Кафе „Бальтазар“... Авеню Де л'Опера... Антрепо... Кэ де Вальми... Улица Обер...»

Он позвонил на улицу Обер.

– Я хотел бы поговорить с мосье Ришаром Жандро.

– Кто спрашивает?

– Скажите, что Луи.

Он тотчас же узнал голос Жандро:

– Аллю! Луи?

Голос был взволнованный. Мегрэ повесил трубку. Через окно ему виден был дворецкий в полосатом жилете, стоявший на тротуаре и спокойно покуривавший трубку. Простоял он так недолго. Вероятно, услышал телефонный звонок.

Ему звонил обеспокоенный хозяин.

Прекрасно! Значит, Ришар Жандро находился в своей конторе на улице Обер, где проводил обычно большую часть дня. Луи не возвращался, но ворота по-прежнему оставались открытыми.

В окне третьего этажа поднялись шторы и показалось совсем молоденькое личико. Это была Мари, маленькая служанка с остреньким носиком, с тоненькой шейкой, как у об-

щипанного птенца, и с красивым кружевным чепцом на рас-
трепанных волосах. На девушке было черное платье и фар-
тук горничной. Таких девушек Мегрэ до сих пор приходи-
лось видеть только в театре.

Ему не хотелось долго задерживаться наверху, чтобы не
вызвать подозрений у хозяина. Он спустился как раз вове-
мя, чтобы выпить третью рюмку кальвадоса, которую ему
предложили с той же настойчивостью, что и предыдущие.
Подвинув к нему рюмку и тарелку с нарезанными кусками
колбасы, хозяин заявил:

– Я из Понфарси!

Он произнес эти слова с такой серьезностью, словно они
содержали какой-то тайный смысл. Может быть, они объяс-
няли происхождение колбасы? Или люди из Понфарси име-
ют обыкновение каждые полчаса выпивать рюмку кальвадо-
са? И еще он добавил:

– Это рядом с Вир!

– Разрешите мне еще раз позвонить?

Через полчаса Мегрэ освоился с обстановкой и даже по-
чувствовал себя довольно свободно. Должно быть, забавно
смотреть с улицы на это окно, начинающееся с пола, а за ним
– на обедающих.

– Алло! Это квартира мосье Жандро-Бальтазара?

В ответ раздался голос мрачного Луи.

– Попросите, пожалуйста, мадемуазель Жандро.

– Мадемуазель нет дома. Кто у телефона?

Как и в первый раз, Мегрэ повесил трубку и снова спустился в зал первого этажа, где хозяин с сосредоточенным видом выводил на грифельной доске меню, обдумывая каждое слово.

Теперь во многих домах были уже открыты окна, и из них прямо на улицу вытряхивали ковры. Какая-то пожилая дама в черном, с фиолетовой вуалеткой на лице, прогуливала собачку.

– Уж не забыл ли мой друг о нашей встрече! – с деланным смехом сказал Мегрэ.

Поверил ли в это тот, другой? Догадался ли он, что Мегрэ из полиции?

В одиннадцать часов во дворе у Жандро кучер запряг в двухместную карету гнедую лошадь. Но ведь кучер в ворота не входил. А поскольку трудно было предположить, что он живет в особняке, следовательно, в доме был еще один вход.

В четверть двенадцатого спустился Фелисьен Жандро-отец – в пиджаке, в желтых перчатках, светлой шляпе, с палкой в руке, с нафабранными усами, – и кучер помог ему сесть в карету, которая покатила в сторону улицы Бланш. Вероятно, почтенный господин отправился на прогулку в Булонский лес, а оттуда завтракать к себе в клуб.

«...инспекторам рекомендуется иметь фрак, смокинг и пиджак...»

Мегрэ посмотрел на себя в зеркало, установленное на стойке позади бутылок, и горько усмехнулся. Вероятно, и

желтые перчатки? И палку с золотым набалдашником? И светлые гетры на лакированных туфлях?

Ну и повезло же ему с первым делом! Он мог бы проникнуть в любой дом – к мелкому буржуа, лавочнику, босяку, старьевщику. В этом, думалось ему, нет ничего трудного. Но особняк с его подъездом, что казался Мегрэ внушительнее входа в храм с мраморным цоколем, с его двором, где мыли лимузин для одного хозяина, прежде чем запрячь призовую лошадь для другого!

Кальвадос! Ничего другого не оставалось. Он будет держаться до победного конца. Пробудет здесь, в «Старом кальвадосе», столько, сколько потребуется.

Он не заметил, чтобы госпожа Луи выходила со двора. Повидимому, она не каждый день отправлялась за покупками; должно быть, в доме есть запасы. Правда, эти господа, надо полагать, завтракают вне дома.

Жюстену Минару – тому повезло. Он в деревне и разыскивает Жермен Бабэф... «Вы думаете, что ваша жена?..»

«Какое это имеет значение!»

Госпожа Мегрэ как раз сегодня затеяла генеральную уборку.

«Ты считаешь, что на это стоит тратить время? – сказал он ей. – Мы ведь здесь не заживем! Найдем квартиру в более приятном районе».

Он и не подозревал тогда, что и тридцать лет спустя они по-прежнему будут жить на бульваре Ришар-Ленуар, только

увеличив свою квартиру за счет соседней.

В половине двенадцатого в «Старом кальвадосе» появились, наконец, первые посетители – художники в белых блузах, по-видимому, завсегдатаи бара, ибо один из них приветствовал хозяина фамильярным:

– Салют, Помель!

Они начали с того, что, стоя, осушили рюмку аперитива и, прежде чем усестыся за столик у окна, познакомились с меню, выписанным на грифельной доске.

В полдень все столики были заняты, и госпожа Помель то и дело выходила из кухни с тарелками в руках, а ее муж в это время обслуживал посетителей вином, то спускаясь в погреб, то подымаясь в зал. Большинство посетителей – Мегрэ без труда угадал это – были рабочие с соседней стройки, но попадались среди них и кучера, чьи кареты стояли у дома.

Мегрэ очень хотелось позвонить комиссару и посоветоваться с ним. Он слишком много ел, слишком много пил и чувствовал себя отупевшим. Будь он сейчас на месте флейтиста, в Уазе, он бы, можно не сомневаться, прилег бы прямо на траву где-нибудь под деревом и, прикрыв лицо газетой, сладко бы задремал.

Мегрэ начинал терять веру в себя, вернее, в свою профессию. Ну что это за работа для мужчины – целый день болтаться в бистро и следить за домом, где ровным счетом ничего не происходит?! Все посетители ресторана занимались каким-то определенным делом. Париж кишмя кишит людьми,

и большинство из них знает, куда и зачем они идут! Никто из них не обязан пить каждые полчаса рюмку кальвадоса с каким-то странным типом, глаза которого все больше и больше мутнеют, а улыбка становится какой-то тревожащей.

Мегрэ был убежден, что Помель издевается над ним. Но что ему оставалось делать? Выйти и стоять столбом посреди тротуара под палящим солнцем на виду у всех?

Вся ситуация напомнила Мегрэ об одном нелепом происшествии, которое чуть не привело его к уходу из полиции. Случилось это каких-нибудь два года назад. Он исполнял обязанности полицейского агента, которому полагалось следить главным образом за карманными ворами, орудовавшими в метро.

«фуражка, шейный платок, поношенный пиджак...»

В то время он еще свято верил во все эти истины. Несуществу, и до сих пор верит в них. Так вот, тогда он поднимался по лестнице станции метро, что против универсального магазина «Самаритен», и прямо перед ним какой-то тип в котелке ловким движением срезал ридикюль у пожилой дамы. Мегрэ бросился к нему, выхватил ридикюль из черного бархата и попытался задержать вора, но тот истошным голосом завопил:

«Держите вора!»

Вся толпа накинута на Мегрэ, а господин в котелке тем временем незаметно ретировался... Он уже начал подвергать сомнению показания своего друга Жюстена Минара.

Что ж такого, в конце концов, что окно на третьем этаже открылось? А дальше что? Каждый имеет право открывать свои окна, когда ему вздумается. Мало ли что бывает! Бывают лунатики, бывает, что люди кричат во сне... «Старый кальвадос» начал пустеть. Хозяин и хозяйка с самого утра так и не перебросились ни единым словом, делая каждый свое дело молча, как в отлично отрепетированной пантомиме.

Наконец, в двадцать минут третьего, Мегрэ был сполна вознагражден. По улице медленно катил большой автомобиль. Это был серый «дион-бутон». За рулем сидел шофер в больших очках и кожаном пальто.

Автомобиль, не останавливаясь у дома Жандро, медленно проехал мимо, и Мегрэ заметил, что пассажиров в нем нет. Бросившись к окну, он успел разглядеть номер: «Б. 780».

Пытаться догнать автомобиль, свернувший за угол улицы Фонтен, не имело смысла. Мегрэ с бьющимся сердцем остался на месте, и не позже чем через пять минут серый «дион-бутон» снова так же медленно проехал мимо дома.

Повернувшись к стойке, Мегрэ заметил, что хозяин ресторана пристально смотрит на него. О чем он думает?.. Помель ограничился тем, что наполнил две рюмки и придвинул одну из них посетителю.

«Дион-бутон» больше не показывался. Это был тот час, когда в садах Версаля кордебалет Оперы изображал нимф перед нарядной толпой. Сотни тысяч людей, сдавивших друг

друга, дети на плечах отцов, красные шары, трепещущие в воздухе, продавцы кокосовых орехов и бумажных флажков... А на улице Шапталь жизнь понемногу замирала. Только одинокая карета, проезжая по брусчатой мостовой, изредка нарушала тишину.

Без десяти четыре появился Луи. Поверх полосатого жилета он надел черный пиджак. На голове красовался черный котелок. С минуту он постоял у подъезда, потом раскурил сигарету, самодовольно любуясь колечками дыма, и не спеша зашагал в сторону улицы Фонтен. Мегрэ видел, как он вошел в табачную лавку на углу.

Вскоре он вышел оттуда и вернулся домой. На один миг взгляд его задержался на вывеске «Старого кальвадоса». Но на улице было столько света, а в баре так темно, что он вряд ли мог узнать секретаря комиссариата квартала Сен-Жорж.

Ждал ли он кого-нибудь? Или колебался, какое принять решение?

Он дошел до угла улицы Бланш, там, казалось, увидел кого-то, кого именно – Мегрэ не мог рассмотреть, а затем ускорил шаг и исчез из виду.

Мегрэ хотел было последовать за ним, но что-то удержало его. Он чувствовал на себе беспокойный взгляд хозяина. Нужно найти правдоподобное объяснение для такого поспешного ухода, спросить, сколько он должен, рассчитаться, а когда он после всего этого очутится на улице Бланш, дворецкий будет уже далеко.

Ему пришел на ум другой план: спокойно уплатить по счету, воспользоваться отсутствием Луи и, позвонив в дом Жандро, спросить мадемуазель Жандро или юную Мари.

Он не сделал ни того, ни другого. Пока он размышлял, по улице проехал фиакр, повернувший с улицы Бланш.

Кучер в кожаной шапке, внимательно взглядываясь в номера домов, остановился у особняка Жандро. Он безмятежно сидел на облучке и, казалось, просто выполнял полученное распоряжение.

Прошло не более двух-трех минут. В подъезде мелькнула мышинная мордочка Мари, ее белый фартук и кружевной чепец. Затем она исчезла и вскоре появилась вновь с саквояжем в руках и, внимательно оглядев улицу, направилась к фиакру.

Мегрэ не мог, конечно, расслышать, что она сказала кучеру. Последний, не подымаясь с сиденья, взял у нее саквояж и поставил рядом с собой.

Мари, весело подпрыгивая, вернулась в дом. Талия ее была тонка, как у стрекозы, а сама она была такая маленькая, что казалось, ей даже тяжело нести копну своих пышных волос.

Она скрылась в доме, но через минуту ей на смену появилась высокая плотная женщина в темно-синем костюме и голубой шляпе с белой вуалеткой в крупный горошек.

Почему Мегрэ покраснел? Не потому ли, что видел эту особу в одной сорочке в неприбранной комнате служанки?

Конечно, то была не горничная. Это могла быть только Лиз Жандро, которая, несмотря на спешку, с большим достоинством, слегка покачивая бедрами, направлялась к фиакру.

Мегрэ был так взволнован, что чуть было не прозевал номер фиакра: «48». Но он тут же опомнился, записал номер и вторично залился краской под пристальным взглядом Помеля.

– Такие-то дела! – вздохнул последний, прикидывая, какой бы выбрать крюшон.

– Какие именно?

– Вот так оно происходит в порядочных семьях, как принято говорить.

У него был вид именинника. Однако он не улыбнулся и сухо спросил:

– Вы этого дожидались?

– Простите?..

На лице хозяина отразилось презрение, и он, насупившись, придвинул Мегрэ новую рюмку, словно бы хотел сказать: «Ну раз уж вам угодно играть в прятки!..»

И Мегрэ, спохватившись и желая снова обрести расположение толстого ресторатора, сказал:

– Это мадемуазель Жандро, верно?

– Кофе «Бальтазар», совершенно правильно, мосье. И, как я полагаю, мы не так уж скоро снова увидим ее на нашей улице.

– Вы думаете, она уехала путешествовать? Хозяин бросил на него уничтожающий взгляд. И Мегрэ почувствовал себя погребенным под тяжестью его пятидесяти – шестидесяти лет, его жизненного опыта, того множества рюмок и рюмочек, которые он выпил с разного рода людьми, и его глубоким знанием квартала, в котором он жил.

– На кого вы работаете? – спросил вдруг Помель подозрительно.

– Но... я ни на кого не работаю... Во взгляде собеседника не было и тени сомнения: «Лжешь, милейший!»

Потом, пожав плечами, Помель изрек:

– Тем хуже!

– Как вас понять?

– Признайтесь, вы уже рыскали по нашему кварталу?

– Я? Клянусь вам... Мегрэ сказал чистейшую правду и чувствовал необходимость доказать это. А хозяин преспокойно смотрел на него с таким видом, словно бы не верил ни единому его слову, и, наконец, вздохнув, сказал:

– А я вас принял за друга графа.

– Какого графа?

– Неважно какого, раз я ошибся. У вас та же походка, та же привычка горбить плечи.

– Вы думаете, что мадемуазель Жандро поехала к графу?

Помель не ответил – он смотрел на Луи, который снова появился на углу улицы Фонтен. Так как Луи ушел в сторону улицы Бланш, то, по-видимому, он обошел по кругу весь

квартал. Он казался оживленным, и похоже было, будто он и впрямь прогуливается, наслаждаясь солнцем и воздухом. Окинув беглым взглядом безлюдную улицу, он с видом человека, честно заслужившего свой стаканчик белого вина, вошел в табачную лавку.

– Он и к вам заходит?

Последовало сухое, категорическое «нет».

– У него расстроенный вид. Он неважно выглядит.

– Мало ли людей неважно выглядят. Нельзя же им всем помочь.

Уж не на Мегрэ ли он намекал? Голосом настолько тихим, что его почти заглушал звон посуды, доносившийся из кухни, Помель продолжал:

– Если бы все люди говорили правду... У Мегрэ было такое ощущение, что всего лишь шаг отделяет его от очень важных открытий, но сделать этот шаг он, увы, не сможет, если ему не поможет хозяин ресторана, этот толстяк, насквозь пропитанный кальвадосом. Неужели все потеряно и ему не завоевать доверия Помеля? Вероятно, он зря сказал, что не имеет к графу никакого отношения.

Все это утро, казалось Мегрэ, его преследуют одни лишь неудачи.

– Я сотрудник частного сыскного агентства, – сообщил он на всякий случай.

– Вот оно что!

Что он еще мог сказать, если его начальник рекомендовал

ему ни в коем случае не вмешивать в это дело полицию!..

На эту ложь он пошел, чтобы узнать правду. Он дорого бы дал сейчас за то, чтоб быть на двадцать лет старше и обладать таким весом и такими плечами, как его собеседник.

– Я был уверен, что ничего не случится!

– Однако случилось.

– Так вы думаете, она не вернется?

Мегрэ то и дело попадал почти в цель, ибо Помель, предпочитая отмалчиваться, только двусмысленно пожимал плечами. Тогда Мегрэ решил взяться за дело с другой стороны.

– Теперь угощаю я, – заявил он, показывая на глиняные кувшины.

Неужели хозяин откажется выпить с ним? Но тот только еще раз пожал плечами и буркнул:

– В такое время хорошо бы раскупорить новую бутылку.

И отправился за бутылкой в погреб. Мегрэ чувствовал, что не слишком твердо стоит на ногах после десятка рюмок кальвадоса, но зато Помель шел как ни в чем не бывало, его даже не смущала лестница без перил, напоминавшая стремянку.

– Видите ли, молодой человек, чтобы лгать, надо быть стреляным воробьем.

– Вы думаете, я... Хозяин уже наполнял рюмки.

– Кто это поручит частному сыскному агентству такое дело? Не граф же, как вы понимаете! И, уж конечно, не все эти Жандро, не отец и не сын! А что касается господина Юбер-

та... – Какого Юберта?

– Вот видите! Вы даже не знаете всех членов семьи.

– Разве есть еще один сын?

– Сколько домов на этой улице?

– Не знаю... Сорок? Пятьдесят?..

– Так вот, ступайте посчитайте... А потом стучите в каждую дверь. Может быть, найдете такого, кто вам даст подробные сведения. Что до меня – прошу прощения. За дверь я вас не выставляю. Можете оставаться здесь сколько угодно. Только вы уж меня извините, в это время дня я всегда отдыхаю, что бы там ни стряслось... За прилавком стоял стул с соломенным сиденьем. Помель уселся на него, повернувшись спиной к окну, скрестил руки на животе, закрыл глаза и мгновенно погрузился в сон.

Не ожидая, по-видимому, больше никаких посетителей, жена его с тряпкой в одной руке и с тарелкой в другой высунула голову из двери кухни и, удостоверившись, что все спокойно, возвратилась к своей посуде, не удостоив и взглядом Мегрэ, сконфуженно сидевшего у окна.

Глава 4

Пожилой господин с авеню Дю Буа

Минар договорился с Мегрэ, что, вернувшись из Конфляна, он даст знать о новостях запиской, которую оставит у Мегрэ дома, на бульваре Ришар-Ленуар.

– Но это вам совсем не по пути! – запротестовал было Мегрэ.

И в ответ раздалось привычное:

– Какое это имеет значение!

Провожая Минара, Мегрэ, не желая расхолаживать его, осторожно спросил:

– Под каким видом вы явитесь туда? И что вы собираетесь говорить?

– Уж я что-нибудь придумаю. Не беспокойтесь.

Только теперь, после изнурительного дня, возвращаясь к себе по залитым огнями Большим Бульварам, Мегрэ сообразил, как сложна была миссия музыканта.

Однако после минутной слабости, овладевшей им в «Старом кальвадосе» – то ли присутствие хозяина угнетало его, то ли он просто хватил лишнего, – Мегрэ вновь приободрился. Откуда что взялось, он и сам не понимал, но вдруг у него появилась вера в себя. Ничего, сегодняшняя осечка сослужит ему еще добрую службу, и со временем о нем загово-

рят-таки на Набережной Орфевр.

Он почувствовал, как приятное тепло разлилось по всему телу. Больше того, в походке, во взглядах, которыми он обменивался с прохожими, в том, как он смотрел на проезжающие трамваи и фиакры, чувствовалась неведомая ему доселе уверенность.

Совсем еще недавно, сидя у окна ресторанчика на улице Шапталь, он испытывал чувство глубокой обиды на своего комиссара за то, что тот впутал его в это дело. Мегрэ уж склонен был думать, что Ле Брэ сознательно сыграл с ним злую шутку!

Разве одному человеку под силу взять такую крепость, как особняк Бальтазаров? И разве так работают они, «великие» из группы шефа? В их распоряжении все необходимое, всякие досье и картотеки, сотрудники, осведомители. Если им нужно выследить десять человек, они не задумываясь посылают по следу десять сыщиков.

Но сейчас Мегрэ был вполне доволен тем, что он сам себе хозяин и может один обследовать все закоулки.

Он еще и не подозревал, что этот метод станет со временем его любимым методом, что, когда он займет место шефа специальной оперативной группы, ему не раз придется сливаться с толпой, следовать за подозреваемым по улицам, ждать часами в бистро... Прежде чем покинуть «Старый кальвадос», где папаша Помель теперь проявлял к нему величайшее пренебрежение, он дважды позвонил по телефо-

ну. Вначале он набрал номер Управления городским транспортом, так как фиакр, в который села Лиз Жандро, имел знак этой компании. Ему пришлось долго ждать у аппарата.

– Номер сорок восемь, – ответили ему, – это из депо Ля Виллетт. Извозчика зовут Эжен Корни. Он выехал сегодня в двенадцать дня. Вряд ли он вернется в депо раньше полуночи.

– Не подскажете ли вы мне, где бы я мог еще сегодня разыскать его?

– Обычно он стоит на площади Сент-Огюстен, но это зависит, конечно, от того, сколько у него сегодня будет седоков. Недалеко от площади есть ресторанчик, который называется «Рандеву дю Массив Сантраль». Обычно, если время ему позволяет, он заходит туда перекусить.

Второй звонок был в автомобильное управление префектуры. Поиски номера машины в справочниках заняли бы слишком много времени. Мегрэ сказал, что он звонит из комиссариата. Ему предложили позвонить еще раз.

– Я предпочитаю подождать у телефона.

Наконец ему сообщили фамилию и адрес: маркиз де Базанкур, проспект Габриеля, дом 3.

Опять богатый квартал, наверно, особняк с окнами на Елисейские Поля. Ему стало не по себе, когда он представил себе этот особняк, медный звонок на двери, высокомерного швейцара.

Он зашел позвонить в табачную лавку.

– Попросите, пожалуйста, к телефону маркиза Базанкура.

Хриплый голос спросил с того конца провода:

– По личному делу?

И так как он ответил утвердительно, ему сказали:

– Господин маркиз умер три месяца назад. Тогда у него невольно вырвалось:

– А... вместо него никого нет?

– Простите? Не понял. Все имущество маркиза, кроме особняка, продано.

– Не знаете ли вы, кто купил «дион-бутон»?

– Какой-то механик с улицы Акаций, в районе авеню Гранд Армэ. Я позабыл его фамилию, но, если не ошибаюсь, на той улице есть только один гараж.

В пять часов вечера Мегрэ вышел из метро на площади Этуаль. На улице, которую ему указали, он нашел запертый гараж. На клочке бумаги, приколотой к двери, Мегрэ прочитал:

Обращаться рядом.

По одну сторону от гаража помещалась мастерская сапожника, по другую – бистро. За справками следовало обращаться в бистро. К сожалению, торговец вином толком ничего не знал.

– Дедэ сегодня не появлялся. Наверно, подрабатывает где-нибудь. Он иногда выполняет поручения своих клиентов.

– А где он живет?

– В меблированных комнатах где-то около площади Герн,

где точно – не знаю.

Остаток дня у Мегрэ ушел на поиски извозчика Корни. В конце концов он отыскал ресторанчик «Рандеву дю Массив Сантраль».

– Редко случается, чтобы он не наведалься сюда, – сказали ему там.

К сожалению, именно сегодня он здесь не показывался.

Когда Мегрэ, наконец, добрался домой, консьержка, взглянув в окошечко в подворотне, окликнула его:

– Мосье Мегрэ!.. Мосье Мегрэ!.. Мне надо вам передать что-то очень важное... То была записка, которую ему рекомендовали прочесть, прежде чем он поднимется к себе.

Не заходите домой. Я должен прежде поговорить с Вами. Ждал Вас очень долго – сколько мог. Приходите в ресторан «Клиши» – я там. Барышня наверху с Вашей женой.

Преданный Вам Жюстен Минар.

На дворе уже совсем стемнело; Мегрэ, подняв голову, увидел, что шторы в его квартире задернуты, и представил себе обеих женщин в маленькой столовой, служившей молодой чете одновременно гостиной. О чем они могут толковать? Госпожа Мегрэ, по своему обыкновению, накрыла, наверное, на стол и угощает гостью обедом.

Он спустился в метро, доехал до площади Бланш, вошел в просторный зал ресторанчика, пропахшего пивом и кислой капустой. В зале играл маленький оркестр из пяти человек. Жюстен, отложив флейту, играл на контрабасе и, почти

закрытый огромным инструментом, казался еще более тщедушным.

Мегрэ уселся за один из мраморных столиков и, подумав, заказал кружку пива и порцию кислой капусты. Как только музыканты закончили играть, Минар подошел к его столу:

– Простите, что заставил вас тащиться сюда: необходимо поговорить до того, как вы ее увидите.

Он был чрезвычайно взбудоражен, даже встревожен, и Мегрэ невольно почувствовал, что и ему передается тревога маленького музыканта.

– Я ведь и не подумал о том, что ее сестра может носить фамилию мужа. Пришлось убить немало времени на поиски. Муж сестры работает на железной дороге. Он проводник и часто уезжает на два-три дня. Они живут в небольшом домике на пригорке, позади палисадника – сад, огород и белая коза, привязанная к колышку.

– Жермен там?

– Когда я пришел, они обе сидели у стола за огромным блюдом кровяной колбасы, от которой разлило чесноком.

– Сестра еще не родила?

– Нет. Ждут... По-видимому, это затянется еще на несколько дней. Я сказал им, что я страховой агент, что мне стало известно о предстоящем прибавлении семейства и что сейчас самое время подписать страховой полис.

Скрипач – он же и дирижер – повесил специальную планку, на которой написано было название исполняемой песни,

ударил палочкой по пюпитру, и Жюстен, извинившись, поднялся на эстраду. Вернувшись после номера, он сейчас же попытался успокоить Мегрэ:

– Не волнуйтесь. Вот посмотрите, все устроится как нельзя лучше. По части страхования я... Это ведь ее конек, – я имею в виду мою жену. Она все твердит, что мне осталось жить не более трех лет и что... Но какое это имеет значение!.. Эта самая Жермен – довольно красивая девица, дородная, с высокой прической, которую она то и дело поправляет. Она сразу же спросила, от какой компании я работаю. Я на авось назвал первую пришедшую на ум, и тогда она желала узнать, кто мой начальник. Задав мне кучу разных вопросов, она наконец заявила: «У меня был дружок, который работал в этой же компании, – потом, без всякого перехода:

– Это вас Луи послал?»

Но в ту минуту Минару пришлось вновь подняться на эстраду, и все время, пока исполняли венский вальс, он подмигивал Мегрэ, словно желая его подбодрить. Он как будто говорил ему: «Не бойтесь! Потерпите, пока я вам доскажу все до конца!»

А досказал он вот что:

– Я заверил ее, что приехал вовсе не от Луи.

«И, уж во всяком случае, не от графа!» – парировала она. «Нет, граф тут ни при чем». – «Что касается господина Ришара... Скажите-ка! Вы, случаем, не из его ли людей? А?..» – Теперь вы видите, что это за девица? Мне необходимо было

принять какое-то решение. Сестра моложе ее. Она всего год как замужем. Служила прислугой в Сен-Лазарском квартале, где и познакомилась со своим мужем. Жермен очень нравилось поражать ее своей осведомленностью и своими связями. Если хотите знать, то у этой девицы просто страсть поражать людей. Понимаете ли, ей во что бы то ни стало хочется казаться выдающейся личностью. Вероятно, она мечтала стать актрисой... Умяв полблюда колбасы, она закурила, а курить она совсем не умеет... Я спросил у нее, когда она собирается вернуться на работу. «Ноги моей больше там не будет!» И она все хотела узнать... Музыка!

Взгляд флейтиста умолял Мегрэ набраться терпенья.

– Ну вот! Наверное, я плохо поступил. Но сейчас уж ничего не попишешь. Я открыл ей всю правду.

– Что?!

– Что барышня звала на помощь, что Луи заехал мне кулаком по физиономии, что вы пришли, что вам показали какую-то девицу в одной сорочке, выдав ее за Жермен. Тогда она пришла в ярость. Я, правда, сказал ей, что никакого официального следствия нет, что вы занимаетесь этим делом, так сказать, частным образом, что вы будете счастливы увидеться с ней, и, прежде чем я успел договорить, она стала одеваться. «Понимаешь, – говорила она сестре, одеваясь, – ребенок – он так или иначе появится на свет божий, а я из-за этой истории могу попасть в такой переплет...» Скверное дело, подумал я, но, с другой стороны, вам будет интересно

выслушать ее. Я только не знал, куда ее отвести. И отвел к вам. Поговорил на площадке с вашей женой... О господи! Какая же у вас милая жена!.. Я посоветовал ей присмотреть, чтобы Жермен не сбежала. Вы на меня сердитесь?

Как можно было на него сердиться? Однако на душе у Мегрэ скребли кошки. Он вздохнул и сказал флейтисту:

– Может, это к лучшему.

– Когда я вас опять увижу?

Мегрэ вспомнил, что должен в полночь встретиться с извозчиком Корни.

– Может быть, еще сегодня вечером.

– Если мы не увидимся, разрешите мне завтра зайти к вам – ведь я уже знаком с вашей женой. Ах, да! Чуть не забыл еще одну деталь... – Он смутился, не решаясь сказать. – Видите ли... Она спросила меня, кто оплатит расходы, и я сказал... Я не знал, что ответить... Просил ее не беспокоиться... Знаете, если вам трудно, то я... Мегрэ вышел, не дожидаясь окончания музыкального номера, и бросился к метро. Увидев свет у себя под дверью, он остановился в нерешительности, но не успел даже вытащить ключ из кармана, как дверь распахнулась – госпожа Мегрэ отлично различала его шаги.

Она посмотрела на него понимающим взглядом и весело бросила:

– Тебя дожидается очаровательная молодая девушка.

Милая госпожа Мегрэ! Она отнюдь не иронизировала.

Она просто хотела быть доброжелательной. Жермен сидела, облокотившись локтями о стол, с сигаретой в зубах, перед ней стояли тарелки с остатками пищи. Ее большие глаза вцепились в Мегрэ, словно она собиралась сожрать его. Видно было, что она ему все еще не доверяет.

– Вы, конечно, из полиции?

Вместо ответа он показал ей свое удостоверение, и с той минуты она не сводила с него глаз. Перед ней стояла рюмка: госпожа Мегрэ достала-таки свою наливку, предназначенную для более торжественных случаев.

– Ты еще не обедал?

– Нет, но я перекусил.

– В таком случае, я вас покидаю. Мне надо помыть посуду.

Она быстро убрала со стола, вышла на кухню, но не решилась затворить за собой дверь.

– Ваш друг тоже из полиции?

– Нет. Не совсем. Он случайно...

– Он женат?

– Да. Кажется.

Ему было как-то не по себе в одной комнате с этой странной девицей, чувствовавшей себя совершенно непринужденно: она вставала, поправляла волосы перед зеркалом, присаживалась в кресло госпожи Мегрэ, каждый раз повторяя: «Разрешите?»

– Давно вы знакомы с мадемуазель Жандро? – спросил Мегрэ.

– Мы вместе учились в школе.

– Я полагаю, вы из Ансевалея? В Ансевале вы и учились вместе?

Ему показалось странным, что наследница состояния Бальтазаров получила образование в маленькой сельской школе.

– Мы ведь почти одного возраста, разница в каких-нибудь два месяца. Ей стукнет двадцать один год в следующем месяце, а мне исполнился двадцать один две недели назад.

– И вы обе ходили в ансевальскую школу? – повторил он свой вопрос.

– Она – нет. Она жила в монастыре в Ньевре. Но мы учились в одно и то же время.

Он понял. И с этого момента старался тщательно отделять выдумку от правды, правду от полуправды или от всего похожего на правду.

– Вы не ждали каких-нибудь неприятных события на улице Шапталь?

– Я всегда предполагала, что это плохо кончится.

– Почему?..

– Потому что они друг друга терпеть не могут.

– Кто?

– Барышня и ее брат. Я уже четыре года в доме. Поступила сразу же после смерти мадам. Вы, конечно, знаете, что она погибла в железнодорожной катастрофе, когда ехала лечиться в Виттель. Это было ужасно... Она рассказывала так,

словно своими глазами видела, как из-под обломков вагонов извлекали погибших.

– Сами понимаете, пока мадам была жива, завещание не имело никакого значения.

– По-видимому, вы хорошо знакомы с этой семьей.

– Я родилась в Ансевале, мой отец там родился. Мой дед, который был одним из фермеров у графа, частенько играл на бильярде со стариком.

– С каким стариком?

– Ну, со старым господином. Просто его у нас все так называли – «стариком». И по сей день так называют. Оказывается, вы ничего не знаете! А я-то думала, что полиция все знает.

– Вы имеете в виду старого мосье Бальтазара?

– Мосье Гектора, да. Его отец был шорником у нас в деревне. Он же был звонарем. В двенадцать лет мосье Гектор стал коробейником. Ходил с фермы на ферму с коробом на спине.

– Он основал все кафе «Бальтазар»?

– Да, но это не мешало моему дедушке до конца дней говорить ему «ты». Мосье Гектор много лет не бывал у нас в Ансевале, а когда снова появился, то был уже богачом и приобрел замок.

– Кому принадлежал замок?

– Графу д'Ансеваль, черт возьми!

– Кто-нибудь из этой семьи еще жив?

– Один остался. Дружок нашей барышни. Не нальете ли мне еще рюмочку наливки? Небось из дому прислали?

– Нет, жена сделала.

– Когда я подумаю, что эта ведьма – я не о вашей жене – нахально выдала себя за меня и спала в моей постели!.. Если б только я захотела, уж я бы могла о ней кое-что порассказать...

– Итак, старик Бальтазар, хозяин всех кафе, приобрел замок д'Ансеваль. Он был женат?

– Да, женат, только жена к тому времени уже отдала богу душу. У него была дочь, красавица, да больно гордая, и еще сынок, мосье Юберт, который за всю жизнь ничего путного не сделал. Сестра его – суцкая ведьма, а он – добряк, ласковый, как теленок. И все больше по заграницам разъезжал.

– Вас еще тогда и на свете не было?

– Конечно. Да там ведь и сейчас ничего не изменилось.

Машинально Мегрэ вытащил из кармана записную книжку и стал записывать имена по порядку, как бы составляя генеалогическое древо Бальтазаров. Он понимал, что с такой девицей, как Жермен, необходима точность.

– Значит, первым был этот самый Гектор Бальтазар, которого вы называете стариком. Когда он умер?

– Пять лет назад. Ровно за год до смерти дочки.

И Мегрэ, вспомнив о Фелисьене Жандро, который тоже был далеко не молод, поинтересовался:

– Должно быть, он тогда был глубоким стариком?

– Еще бы! Ему было восемьдесят восемь. Он жил один как сыч, в огромном особняке, на авеню Де Булонь. Сам вел все дела, только дочка ему помогала.

– А не сын?

– Никогда в жизни. Он его и на порог не пускал. Давал деньги на содержание. Теперь сынок живет на набережной, недалеко от Пон-Неф. Шалопай!

– Минуточку... Авеню Де Булонь... Дочь замужем за Фелисьеном Жандро...

– Верно. Но мосье Фелисьен – тот тоже в дела и носа сунуть не смел.

– Почему же?

– Говорят, как-то попробовали было поручить ему кое-что... А он заклятый игрок... И теперь еще все время торчит на бегах. Ходят слухи, что он что-то сотворил с чеками или векселями, не знаю... Тесть с ним даже поссорился.

Впоследствии Мегрэ познакомился с особняком на авеню Де Булонь, одним из самых уродливых и претенциозных во всем Париже, со средневековыми башенками и витражами. Он увидел также портрет старика – восковое лицо с точеными чертами, длинные седые бакенбарды, наглухо застегнутый сюртук, из-под которого по обе стороны черного галстука выглядывают две узкие белые полосы жилета.

Если бы он был лучше осведомлен о жизни парижского света, ему было бы известно, что старик Бальтазар завещал свой особняк со всеми картинами, которые он собрал, госу-

дарству. Он хотел, чтобы дом его был превращен в музей. Тогда это вызвало немало толков.

Более года эксперты вели ожесточенные споры, и дело кончилось тем, что государство в конце концов отказалось от завещанного имущества, так как в большинстве своем полотна оказались поддельными.

Потом Мегрэ увидел и портрет дочери: седые волосы, собранные на затылке в пучок, профиль «под императрицу Евгению», лицо такое же холодное, как у основателя кофейной династии.

Что же касается Фелисьена Жандро, то Мегрэ уже имел случай видеть и его нафабранные усы, и светлые гетры, и палку с золотым набалдашником.

– Говорят, старик ненавидел всю свою семью – и сына, и зятя, и господина Ришара, признавал лишь дочку да внучку. Он вбил себе в голову, что только эти две особы принадлежали к его роду, и оставил завещание, в котором сам черт ногу сломит. Мосье Бракеман может подтвердить.

– Кто такой мосье Бракеман?

– Его нотариус. Ему тоже лет под восемьдесят. Все его боятся, потому что ему одному все известно.

– Что именно?

– А я почему знаю? Все должно открыться, когда мадемуазель Лиз исполнится двадцать один год. Вот почему они так бесятся. А мне все равно: я ни за того, ни за другого. Если бы я только захотела... Его вдруг осенило.

– Мосье Ришар?.. – сказал Мегрэ, вступая в игру.

– Уж как он увивался вокруг меня. А я ему напрямик заявила: не на ту, мол, попали, и посоветовала взяться за Мари.

– И он последовал вашему совету?

– Откуда я знаю? Что он – прозрачный, что ли? Если хотите знать, все они, Бальтазары, немного чокнутые.

Жермен была возбуждена. Глаза ее совсем округлились, а в пристальном взгляде таилась тревога и вызов.

– Луи тоже родом из Ансеваля?

– Он сын нашего старого учителя. Но кое-кто считает, что жена учителя прижила его от священника.

– Он на стороне мосье Ришара?

– Да вы что?! Он всю жизнь ходит по пятам за барышней. Он оставался со стариком до самой его смерти, на руках его носил, когда тот болел, и знает, пожалуй, больше всех, может, даже больше самого мосье Бракемана.

– А Луи за вами никогда не ухаживал?

– Он? – Она расхохоталась. – Куда ему! Он ведь старик! Ему не меньше пятидесяти пяти. И вообще, грош ему цена, если хотите знать. Понимаете? Вот почему мадам Луи и Альбер... – Кто такой Альбер?

– Лакей. Он тоже из Ансеваля. До двадцати одного года он был жокеем.

– Простите. Меня водили по всему дому, но я не видел комнаты, в которой... – Потому что он ночует над конюшнями вместе с Жеромом.

– Жеромом?

– Кучером мосье Фелисьена. Только Арсен, шофер, – он женат и у него есть ребенок – спит себя дома.

Мегрэ в конце концов исписал именами весь листок блокнота.

– Если кто и стрелял в барышню – а меня это не удивит, – то, скорее всего, сам мосье Ришар. Когда они ругаются... – Они часто ссорятся?

– Можно сказать, дня без ссоры не проходит. Однажды он ей так стиснул руки, что она неделю ходила с синяками. Но она защищается – будь здоров. Только я готова поспорить, что стреляли вовсе не в барышню.

– В кого же?

– В графа!

– Какого графа?

– Да вы что, ничего не понимаете? В графа д'Ансеваль.

– Верно! Есть же еще один граф д'Ансеваль.

– Внук того, который продал замок старому Бальтазару.

Мадемуазель разыскала его не знаю где.

– Он богат?

– Он? Ни гроша за душой.

– И он бывает в доме?

– Он бывает у мадемуазель.

– Он... Я хочу сказать...

– Вы хотите спросить, не волочится ли он за ней? Не думаю. Теперь вы понимаете? Они все какие-то ненормальные.

Грызутся, как собаки. Одному только Юберту ни до чего дела нет, а вот те оба, брат и сестра, и хотят втянуть его в это грязное дело.

– Вы говорите о Юберте Бальтазаре, сыне старика? Сколько ему лет?

– Лет пятьдесят. А может, и больше. Он такой воспитанный, такой вежливый. Как придет к нам, так обязательно со мной поболтает... Скажите-ка, в это время поездов на Конфлян уже нет? Мне надо где-нибудь переночевать. У вас найдется для меня кровать?

– К сожалению, у нас нет комнаты для гостей. Мы недавно переехали сюда. Я найду вам комнату в гостинице, в этом же квартале.

– Вы уже ложитесь?

– У меня еще свиданье в городе.

– Оно и правда, что лягавым не часто приходится спать в своей постели. Странно, но вы совсем не похожи на полицейского. Я знала одного такого – он был сержантом, – высокий, смуглый, его звали Леонард... Но Мегрэ Леонард не интересовал.

– Я вам еще пригожусь, а? Может, мне вернуться к ним, как будто ничего и не случилось? Тогда я смогу каждый вечер рассказывать вам, что там произошло за день.

– Мы увидимся с вами завтра, – сказал он. – Пойдемте, пожалуйста, со мной... Прежде чем надеть пальто и шляпу, она снова поправила волосы перед зеркалом и, схватив со

стола бутылку с наливкой, спросила:

– Разрешите? Я столько говорила, столько думала... А вы не пьете?

Не имело смысла рассказывать ей о том, сколько кальвадоса он за этот день выпил по воле папаши Помеля.

– Я могу еще многое порассказать вам. Есть люди, которые пишут романы, а не пережили и четверти того, что я. Если бы я взялась писать... Мегрэ зашел на кухню, поцеловал жену в лоб.

– Может случиться, я поздно вернусь, – предупредил он. Неподалеку от бульвара Вольтера, в переулке, сдавались меблированные комнаты.

Швейцар выбрал ключ на щитке.

– Номер восемнадцать. На втором, налево. Выйдя из отеля, Мегрэ бросился в метро; автоматические дверцы захлопнулись, и он долго ехал в сумеречном свете подземки, машинально наблюдая за поздними пассажирами, на лицах которых играли причудливые тени.

Он долго бродил по безлюдным, едва освещенным улицам, пока не нашел наконец неподалеку от ворот депо ля Виллет большой сарай, загроможенный фиакрами с поднятыми вверх оглоблями. В глубине двора веяло теплом из конюшен.

– Корни? Нет, он еще не возвращался. Подождите его, если хотите.

Только в половине первого ночи во дворе появился совер-

шенно пьяный извозчик.

– Дама с улицы Шапталь? Обождите-ка! Она дала мне франк на чай. А высокий брюнет...

– Какой высокий брюнет?

– Тот, который остановил меня на улице Бланш, черт возьми, и велел ожидать на улице Шапталь, против номера... номер... Смешно, но я никогда не запоминаю номера... В моей работе это, прямо скажем...

– Вы ее отвезли на вокзал?

– На вокзал? На какой вокзал?

Извозчика покачивало. Мегрэ брезгливо стряхнул с пиджака мокрое месиво из жевательного табака, которое его развеселый собеседник лихо сплевывал прямо на него.

– Во-первых, совсем не на вокзал... А потом...

Мегрэ сунул ему франк в руку.

– Это отель против Тюильрийского сада, на небольшой площади... Погодите-ка... Название памятника... Я всегда путаю названия памятников... «Отель дю Лувр»... Пошли, малютка! – обратился кучер к своей лошади.

Метро было уже закрыто, автобусы и трамваи не ходили, и Мегрэ пришлось тащиться пешком по бесконечно длинной улице Фландр, прежде чем он добрался до оживленных площадей центра.

Ресторан «Клиши», должно быть, давно уже был закрыт, и Жюстен Минар возвратился в свое жилище на улице Ангиен, где его ждало объяснение с женой.

Глава 5

Первые честолюбивые помыслы Мегрэ

Мегрэ брился перед зеркальцем, подвешенным в столовой на оконный шпингалет. Для них – для него и для жены – то были самые радостные минуты дня. Они распахивали окна, наслаждаясь прохладой раннего утра. До них доносились удары молота из ближайшей кузницы, грохот грузовиков, ржанье лошадей и даже едва уловимый запах свежего навоза из соседней конюшни.

– Ты думаешь, она действительно ненормальная?

– Если бы она осталась жить в деревне, вышла бы замуж и завела с десятков детей, это бы так не бросалось в глаза.

– Взгляни-ка, Мегрэ! Кажется, твой друг бродит у нас под окнами.

Мегрэ, как был, с намыленной щекой, высунулся в окно и тотчас же узнал Минара, терпеливо дожидавшегося его на улице.

– Ты не хочешь предложить ему подняться?

– Пожалуй, не стоит. Через пять минут я буду готов. А ты собираешься выходить сегодня?

Мегрэ редко спрашивал у жены, какие у нее планы на день, и она тотчас догадалась, что он имеет в виду.

– Ты хотел бы, чтобы я присмотрела за барышней?

– Весьма возможно, что я тебя об этом попрошу. Если я брошу ее одну на произвол судьбы в Париже, то при ее страсти к болтовне она бог знает что наплетет.

– Ты сейчас к ней?

– Немедленно.

Только он вышел из подворотни, как к нему подошел Ми-нар и, зашагав бок о бок с ним, спросил:

– Что мы делаем сегодня, шеф?

Много лет спустя Мегрэ припомнил, что щуплый флей-тист был первым человеком, назвавшим его шефом.

– Вы ее видели? Узнали что-нибудь? А я почти не спал. Только я собрался лечь, как один вопрос отбил у меня сон.

В утренней тиши шаги их звучали гулко. Проходя бульва-ром Ришар-Ленуар, они издали наблюдали, как постепенно оживлялся бульвар Вольтера.

– Если стреляли, то, безусловно, стреляли в кого-то. И то-гда я задал себе вопрос – в него попали?.. Я вам не очень надоел?

Надоел! Но ведь и сам Мегрэ без конца задавал себе этот же вопрос.

– Предположим, пуля ни в кого не попала. Конечно, труд-но поставить себя на место этих людей... Но все же, мне кажется, к чему было им устраивать такой спектакль, если не было ни раненых, ни убитых? Улавливаете мысль?.. Как только меня выставили за дверь, они бросились приводить

в порядок комнату, чтобы никто ничего не мог заметить. Еще одна деталь: помните, когда дворецкий пытался оттолкнуть меня, какой-то голос на втором этаже произнес: «Живее, Луи!» Словно там что-то происходило, верно? И если барышню запихнули в комнату горничной – так это потому, что она была слишком взволнована и в случае необходимости не смогла бы сыграть свою роль... Я весь день свободен, – добавил Минар без перехода. – Можете располагать мною, как вам угодно... Рядом с меблированными комнатами, где Жермен провела ночь, было расположено кафе с террасой и мраморными столиками. Мальчишка-рассыльный, казалась, сошел со страницы рекламного календаря. Взгрозившись на лестницу, он протирал стекла.

– Подождите меня здесь.

Мегрэ колебался. А не послать ли ему наверх Минара? Если бы Мегрэ спросили, зачем он хочет снова повидать горничную, ему, пожалуй, трудно было бы ответить сразу. В это утро он ощущал какую-то странную потребность быть одновременно повсюду. Он почти испытывал тоску по «Старому кальвадосу» и корил себя за то, что в данную минуту не наблюдает из окна ресторанчика за всем происходящим на улице Шапталь. Теперь, когда он знал чуть больше об обитателях особняка, ему казалось, что все это – вид Ришара Жандро, садящегося в машину, его отца, направляющегося к карете, Луи, стоящего на тротуаре, – приобрело бы в его глазах совсем иную окраску.

Ему хотелось быть и в «Отель дю Лувр», и на авеню Де Булонь, и даже в Ансевале.

Из всех людей, с которыми связал его случай два дня назад, только один человек был в поле его зрения, и он инстинктивно цеплялся за него.

Удивительное дело! Чувство, владевшее им, уходило своими корнями куда-то глубоко в его детство. Даже если бы смерть отца не прервала его занятий медициной на третьем году обучения, он все равно никогда не стал бы настоящим медиком, врачом по призванию.

Честно говоря, он не мог бы тогда сказать, какой другой профессии он отдает предпочтение. Еще мальчишкой, живя в деревне, он догадывался, что большинство людей занимаются не своим делом, что они сидят не на своих местах только потому, что не знают твердо, чем им заняться в жизни.

И вот, представлял он себе, появляется человек умный, все отлично понимающий. Он должен быть одновременно и врачом, и священником, и с первого же взгляда уметь определять предназначение человека.

К такому человеку ходили бы за советом, как к врачу. Он был бы в некотором роде исправителем судеб. Не только потому, что он умен. Собственно говоря, ему вовсе ни к чему быть необыкновенно умным. Просто он должен уметь смотреть на мир глазами того человека, с которым ему придется столкнуться.

Мегрэ никогда ни с кем об этом не говорил; он и не от-

важивался слишком глубоко задумываться о подобных вещах, чтобы даже самому себе не казаться смешным. Так как обстоятельства помешали ему закончить медицинский факультет, Мегрэ случайно пошел служить в полицию. Но, по существу, так ли уж случаен был его выбор? Разве полицейским иногда не приходится быть исправителями судеб?

Всю предыдущую ночь, в снах и наяву, он жил жизнью людей, которых едва знал или почти не знал, – взять хотя бы старого Бальтазара, умершего пять лет назад. Теперь Мегрэ шел к Жермен, чтобы познакомиться с ними поближе. Он постучал в дверь.

– Войдите! – ответил ему глухой голос. И тотчас же:

– Обождите! Я забыла, что дверь заперта на ключ. Послышалось шлепанье босых ног по ковру.

– Как, уже пора вставать?

– Можете, если хотите, снова лечь, но я хотел бы, чтобы вы рассказали мне о графе д'Ансевале. Или... Вы ведь знаете дом и всех, кто там живет и кто бывает... Представьте себе на минуту, что сейчас час ночи... Час ночи... В комнате мадемуазель Жандро разгорается ссора... Прошу вас слушать внимательно... Кто, по-вашему, мог в этот час находиться в комнате барышни?

Жермен стала причесываться перед зеркалом. Она явно делала усилие, чтобы понять, чего он хочет.

– Луи? – спросил Мегрэ, желая помочь ей.

– Нет. Луи так поздно не стал бы подниматься к ней в

комнату.

– Минутку. Деталь, о которой я забыл упомянуть. Луи был совершенно одет, в костюме, в белой манишке и черном галстуке. Скажите, он всегда так поздно ложится?

– Бывает. Но он никогда не остается допоздна в парадном костюме. Только когда в доме чужие люди.

– Могло ли случиться, например, что в комнате мадемуазель Жандро находился Юберт Бальтазар, ее дядя?

– Дядя! Что бы он делал у нее в час ночи?!

– А если бы он все-таки явился, где бы она его принимала?

В одном из салонов первого этажа?

– Да нет же! На улице Шапталь не так заведено. Каждый живет сам по себе. Салоны только для приемов. В обычные дни каждый забивается в свой угол.

– А Ришар Жандро мог подняться к сестре?

– Конечно. Он это часто делает. Особенно когда сердит.

– Носит он при себе револьвер? Приходилось вам видеть его с револьвером в руке?

– Нет.

– А мадемуазель Жандро?

– Минуточку! У мосье Ришара есть револьверы, целых два, один большой, другой маленький, но они у него в кабинете. У барышни тоже есть один, с рукояткой, отделанной перламутром, он лежит в ящике ее ночного столика. Каждый вечер она кладет его на этот столик.

– Она чего-нибудь боится?

– Как бы не так. Просто на всякий случай. Как всякая ведьма, она представляет себе, что все только и думают, как бы ей сделать пакость. Верите ли, в такие-то годы она уже скупердяйка! Нарочно бросает где попало деньги, заранее пересчитав их, чтобы знать, воруют у нее или нет. Служанка, которая была до Мари, попалась на эту удочку, и ее уволили.

– Случалось ли мадемуазель принимать графа в своей спальне?

– В самой спальне – нет, а в будуаре, что рядом со спальней, принимала.

– В час ночи?

– А что? Я читала книгу об Елизавете, королеве Английской... Слышали? Роман, а должно быть, там все правда... Вот это женщина... Честно говоря, наша барышня от нее не отстает.

– А могло ли случиться, что мосье Ришар, заслышав шум, поднялся к сестре с револьвером в руке?

Она пожала плечами.

– Зачем?

– Чтобы застигнуть возлюбленного своей сестры...

– Вот уж на что ему наплевать. Для таких людей значат только деньги!

– Граф д'Ансеваль приходил когда-нибудь вместе с приятелем?

– Может быть. Но тогда их принимали внизу, а я редко спускалась.

– Бывало ли, чтобы мадемуазель Лиз звонила графу по телефону?

– Вряд ли у него есть телефон. Она ему не звонила: время от времени он сам звонил ей, надо полагать, откуда-нибудь из кафе.

– Как она его называла?

– Жаком, конечно.

– Сколько ему лет?

– Лет двадцать пять, наверное. Красивый парень, довольно нахальный на вид. Так и кажется, что он над всеми насмехается.

– У такого человека может быть оружие в кармане, как вы думаете?

– Уж это точно.

– Почему вы так уверенно говорите?

– Потому что это именно такой парень! Читали «Фантомаса»?

– Мосье Фелисьен-отец на стороне сына или на стороне дочери?

– Ни на чьей он стороне. Или если хотите знать, так на моей. Случалось, он приходил ко мне в комнату. Пуговицу, говорит, нужно пришить. Никому в доме до него дела нет. Слуги называют его «старый хрыч» или еще «усач». Кроме Альбера, его лакея, никто на него и внимания не обращает. Знают, что старик – пустое место!

Мегрэ поднялся, стал искать шляпу, одну?

– Куда это вы собрались? Не оставите же вы меня ну?

– У меня важные деловые встречи. Сейчас к вам придет мой друг, тот, который вас сюда привез, и побудет с вами.

– Где он?

– Внизу.

– Почему же вы сразу не пришли с ним?

– Так мне было удобнее, – сказал он, открывая дверь.

На террасе, залитой первыми лучами солнца, сидел Жюстен Минар за чашкой кофе со сливками.

– Только что приходила ваша жена, – сообщил он.

– Зачем?

– Тут же после вашего ухода принесли срочное письмо.

Она побежала вслед за вами, хотела догнать.

Мегрэ сел и, не подумав, что еще совсем рано, заказал себе кружку пива. Потом вскрыл письмо. Оно было подписано Максимом Ле Брэ.

«Прошу вас зайти утром в комиссариат. Дружески ваш».

По-видимому, письмо писалось дома, на бульваре Курсель, так как в комиссариате он воспользовался бы бланком полиции. Комиссар Ле Брэ неукоснительно придерживался установленных правил. У него было по меньшей мере четыре разновидности визитных карточек для всех случаев жизни: господин и госпожа Ле Брэ де Плуинек, Максим Ле Брэ де Плуинек. Максим Ле Брэ, офицер Почетного Легиона. Максим Ле Брэ, комиссар полиции... Записочка, написанная его рукой, свидетельствовала о каких-то новых отноше-

ниях, возникших между ним и его секретарем. Он, по-видимому, долго раздумывал над тем, как ее начать: «Мой дорогой Мегрэ»? «Дорогой господин»? «Господин»? В конце концов он вышел из положения, обойдясь вовсе без обращения.

– Скажите мне, Минар, вы действительно располагаете временем?

– Конечно. И оно принадлежит вам.

– Барышня наверху. Я не знаю, когда освобожусь. Брось оставить ее одну – как бы она не пошла на улицу Шапталь и не рассказала им обо всем.

– Ясно.

– Если вы с ней выйдете, оставьте мне записочку, чтобы я знал, где вы. Если вы захотите освободиться от нее, отведите ее к моей жене.

Через четверть часа он явился в комиссариат, и его коллеги смотрели на него с завистливым восхищением, как смотрят обычно на тех, кто отправляется в отпуск или в специальную командировку, или на тех, кто каким-то чудом оказался избавленным от повседневной служебной скуки.

– Комиссар здесь?

– Уже с полчасца.

В интонации, с которой Ле Брэ приветствовал Мегрэ, был тот же оттенок, что и в записке. Он даже подал ему руку, чего обычно никогда не делал.

– Не спрашиваю вас, в какой стадии находится следствие,

ибо полагаю, что еще рано задавать вопросы. И если я просил вас зайти ко мне... Мне хотелось бы, чтобы вы правильно меня поняли, так как создалось весьма щекотливое положение. Само собой разумеется, что те сведения, которые я почерпнул на бульваре Курсель, никак не касаются служебных дел комиссара полиции. С другой стороны... Ле Брэ расхаживал взад и вперед по своему кабинету. Он выглядел свежим и отдохнувшим и с видимым удовольствием потягивал сигарету с золотым мундштуком.

– Я не могу допустить, чтобы вы топтались на месте из-за отсутствия необходимых сведений. Вчера вечером мадемуазель Жандро звонила моей жене.

– Она звонила из «Отель дю Лувр»?

– Вы уже знаете об этом?

– Она отправилась туда на извозчике во второй половине дня.

– В таком случае... это все... Я знаю, как трудно выведать что-либо касающееся некоторых домов... Казалось, он встревожен и задает себе вопрос: много ли известно Мегрэ по этому делу?

– Она не собирается возвращаться на улицу Шапталь и предполагает привести в порядок особняк своего Деда.

– На авеню Де Булонь?

– Совершенно верно. Я вижу, вы о многом осведомлены. Тогда Мегрэ отважился:

– Позвольте задать вам вопрос. Не знакомы ли вы с гра-

фом д'Ансеваль?

Ле Брэ удивленно нахмурил брови, как человек, пытающийся что-то припомнить. Он довольно долго молчал.

– Ах да! Бальтазары купили замок д'Ансеваль. Вы это имели в виду? Но я не вижу никакой связи.

– Мадемуазель Жандро и граф д'Ансеваль часто встречаются.

– Вы уверены? Очень любопытно.

– Вы знакомы с графом?

– Лично нет, и меня это вполне устраивает. Но я слышал о нем. Что меня удивляет... Разве только они были знакомы в детстве... Или она не знает... Боб д'Ансеваль, видите ли, пошел по дурной дорожке. Его нигде не принимают, он не бывает в свете, и если я не ошибаюсь, Отдел светских происшествий не раз уделял ему внимание.

– Вы не знаете его адреса?

– Говорят, он посещает некоторые сомнительные бары на авеню Де Ваграм и в квартале Терн. Может быть, в Отделе светских происшествий знают о нем подробнее.

– Вы не возражаете, если я обращусь к ним за сведениями?

– При условии, что вы не будете упоминать Жандро-Бальтазаров.

Комиссар был явно озадачен. Несколько раз, словно рассуждая сам с собой, он пробормотал:

– Любопытно!

А Мегрэ расспрашивал все более и более настойчиво:

– Скажите, мадемуазель Жандро, по-вашему, человек вполне нормальный?

На сей раз Ле Брэ подскочил, и взгляд его, брошенный на секретаря, был суров.

– Простите, я вас не понимаю.

– Виноват, быть может, я не так поставил вопрос. Теперь я совершенно убежден, что в ту ночь я видел в комнате служанки именно Лиз Жандро. Как все это было, я вам уже рассказывал. Значит, в ее комнате произошло нечто весьма серьезное, если пришлось прибегнуть к такой уловке. Что касается показаний музыканта, проходившего в тот момент по улице и слышавшего выстрел, у меня нет никаких оснований сомневаться в их правильности.

– Продолжайте.

– Возможно, что мадемуазель Жандро была не одна с братом в своей комнате.

– Что вы хотите сказать?

– По всем данным, третьим человеком был граф д'Ансеваль. Если стреляли, если действительно в комнате было три человека, если в кого-то попали...

Мегрэ в глубине души гордился удивлением, которое промелькнуло во взгляде его начальника.

– Какими еще сведениями вы располагаете?

– Немногими.

– Я полагал, что вы осмотрели в ту ночь весь дом.

– Кроме комнат, которые расположены над конюшней и гаражом.

Впервые драма, разыгравшаяся в ту ночь в особняке на улице Шапталъ, встала перед Ле Брэ во всей своей очевидности. Теперь комиссар признавал возможность кровавого происшествия, убийства, преступления. И это произошло в его мире, в среде людей, которых он посещал, которых встречал в своем клубе, в доме молодой девушки, ближайшей подруги его собственной жены!

И, удивительное дело, – именно выражение лица шефа убедило Мегрэ окончательно в том, что он напал на след преступления.

То была уже не просто задача, которую необходимо разрешить. Речь шла о человеческой жизни, а может быть, и не одной.

– Мадемуазель Жандро очень богата, – вздохнул, наконец, с сожалением комиссар. – Вероятно, она единственная наследница одного из самых крупных состояний в Париже.

– Вероятно?

Его начальник знал явно больше, чем он говорил, но Ле Брэ, светскому человеку, явно претила необходимость оказать помощь Ле Брэ, комиссару полиции.

– Видите ли, Мегрэ, на карту поставлено слишком многое. С самого детства Лиз Жандро твердили, что она пуп земли. Она никогда не была обыкновенной девочкой, такой, как все. Она всегда ощущала себя духовной наследницей Гекто-

ра Бальтазара. – И он с сожалением добавил:

– Несчастливая девушка.

Потом продолжал с нескрываемым любопытством:

– Вы уверены в том, что рассказали мне относительно графа д'Ансеваля?

Он был светским человеком, и этот вопрос его весьма занимал, хотя до конца поверить рассказанному он не мог.

– Ему не раз случалось бывать у мадемуазель Жандро довольно поздно вечером если не в ее спальне, то в будуаре, расположенном рядом.

– Ну, это совсем другое дело.

Неужели разницы между спальней и будуаром было достаточно, чтобы он почувствовал некоторое облегчение?

– Если позволите, господин комиссар, я хотел бы задать еще один вопрос. Имела ли мадемуазель Жандро когда-нибудь ранее намерение выйти замуж? Интересуют ли ее мужчины? Или, быть может, ее это не занимает?

Ле Брэ, видимо, ничего не мог понять. Он растерянно смотрел на своего секретаря, который осмелился вдруг заговорить с ним на такие темы, да еще о людях, о которых понятия не имел. Во взгляде его было одновременно и невольное восхищение, и некоторая настороженность, словно он вдруг очутился лицом к лицу с фокусником.

– О ней рассказывают уйму небывлиц. Она действительно отвергла несколько блестящих партий.

– За ней известны какие-нибудь похождения?

Комиссар явно солгал, когда ответил:

– Не знаю. – Затем несколько более сухо:

– Должен признаться, что я не позволяю себе задавать такие вопросы о друзьях моей жены. Видите ли, мой юный друг...

Он чуть было вновь не впал в высокомерный тон, каким, вероятно, привык говорить на бульваре Курсель, но вовремя спохватился.

– ...наша профессия требует бесконечной осторожности и такта. Я даже подчас спрашиваю себя... Мегрэ вдруг почувствовал, что у него похолодела спина. Сейчас ему скажут, что следствие прекращается, что ему надлежит снова занять свое место за черным столом и проводить целые дни за регистрацией разных дел, выдавать справки о месте жительства... На несколько секунд конец фразы словно повис в воздухе. К счастью, государственный служащий Ле Брэ одержал верх над светским человеком, и он закончил:

– Мой совет вам: будьте крайне осторожны. В случае, если вас что-либо смутит, звоните мне домой. Кажется, я вам уже это говорил. У вас есть номер моего телефона? – И он записал его своей рукой на клочке бумаги. – Если я просил вас зайти сегодня утром, то только потому, что не хотел, чтобы вы топтались на месте. Я не мог себе представить, что вы ушли так далеко.

Однако прощаясь руки он ему не подал. Мегрэ снова стал полицейским, да еще таким полицейским, который позволя-

ет себе грубо вторгаться в тот мир, куда дает доступ только визитная карточка господина и госпожи Ле Брэ де Плуинек.

Время приближалось к полудню. Мегрэ вошел под своды здания Сыскной полиции на Набережной Орфевр. По левой стороне коридора через открытую дверь он увидел комнату, стены которой были сплошь завешаны адресами меблированных комнат. Впервые он поднимался по этой широкой пыльной лестнице не по поручению комиссариата, как ему не раз доводилось делать, но, в некотором роде, выполняя свое собственное задание.

Вдоль длинного коридора тянулись двери с табличками, на которых были указаны фамилии комиссаров, дальше шел застекленный зал ожидания. Мимо Мегрэ прошел инспектор, ведя за собой человека в наручниках.

Наконец Мегрэ очутился в комнате, окна которой выходили на Сену. Комната эта ничем не напоминала ту, в которой он работал. Люди здесь звонили по телефону или разбирали сводки и рапорты; какой-то инспектор, полусидя на столе, спокойно покуривал трубку. В этой комнате, наполненной биением жизни, царила атмосфера несколько развязного дружелюбия.

– Видишь ли, малыш, ты можешь, конечно, пойти к Со-мье, но не думаю, чтобы там имелось на него дело. Во всяком случае, не припомню, чтобы он был когда-нибудь осужден. – Бригадир, плечистый мужчина лет сорока, добродуш-

но смотрел на Мегрэ.

Это происходило в Отделе светских происшествий, где как свои пять пальцев знали среду, в которой вращался граф д'Ансеваль.

– Скажи-ка, Ванель, ты давно не видел графа?

– Боба?

– Да.

– В последний раз я встретил его на скачках. Он был с Дедэ.

– Дедэ – это тип, который держит гараж на улице Акаций. У него всегда не более одного-двух автомобилей. Понятно, малыш?

– Кокаин?

– Наверное, и это. Граф увяз по самое горло. Его уже не раз можно было накрыть на этом деле, но мы предпочитаем наблюдать за ним. В один прекрасный день он поможет нам выудить рыбку покрупнее.

– У вас есть его последний адрес?

– Не кажется ли тебе, что твой комиссар ущемляет наши интересы? Осторожнее, малыш! Не спугни Боба. Да нет, не потому, что он лично нас интересуется. Но ведь за таким парнем, как он, нужен глаз да глаз. А у тебя серьезное дело?

– Мне необходимо его найти.

– Ванель, у тебя есть его адрес?

И Ванель, с тем презрением, которое испытывают люди с Набережной Орфевр к мелкой сошке из комиссариатов,

буркнул:

– «Отель дю Сантр», улица Брей. Прямо за площадью Этуаль.

– Когда ты его там видел последний раз?

– Всего четыре дня назад. Он сидел в бистро на углу улицы Брей вместе со своей подружкой.

– Как ее зовут?

– Люсиль. Ее легко узнать. У нее шрам на левой щеке.

Вошел какой-то озабоченный комиссар, с папками в руках.

– Скажите, ребята... Он замолчал, заметив постороннего в комнате своих инспекторов, и вопрошающе взглянул на них.

– Секретарь комиссариата Сен-Жорж.

– Вот как!

И от этого «Вот как!» Мегрэ еще неудержимее захотелось попасть сюда. Он был ничто! Даже меньше, чем ничто! Никто не обращал на него внимания. Комиссар, склонившись над бригадиром, обсуждал с ним план облавы, которую предстояло провести следующей ночью в районе улицы Рокет.

Мегрэ находился недалеко от метро «Републик» и решил поехать домой позавтракать, прежде чем отправиться в район площади Этуаль на поиски графа или Люсиль.

Глава 6

Маленькое семейное торжество

Только к восьми вечера, когда зажглись газовые фонари вокруг Триумфальной Арки и начала вырисовываться перспектива улиц и проспектов, окаймленных их перламутровым сиянием, Мегрэ, потерявший почти всякую надежду отыскать графа, вдруг попал в самую гущу событий.

Об этом прекрасном вечере Мегрэ надолго сохранит светлое воспоминание, как об одном из самых очаровательных весенних вечеров Парижа. Воздух был напоен такой свежестью, таким благоуханием, что Мегрэ то и дело останавливался, чтобы поглубже вдохнуть. За последние несколько дней на улицах все чаще стали появляться женщины в одних костюмах, но Мегрэ только сейчас заметил это, и ему показалось, будто он видит, как по-весеннему расцветают улицы – светлые блузки всех тонов и оттенков, ромашки, маки, васильки на шляпах. А мужчины – те даже рискнули надеть свои канотье.³

Мегрэ много часов подряд шагал взад и вперед по короткому участку между площадью Этуаль, площадью Терн и воротами Майо. Отель, в котором жил граф, был расположен на площади, как раз против маленькой прачечной.

---

³ *Канотье* – соломенная шляпа.

Почему Мегрэ заметил эту прачечную, где на столах гладили белье совсем молоденькие девушки, он и сам не мог бы сказать.

– Граф у себя? – спросил он у портье, войдя в отель. Его оглядели с головы до ног. Все люди, с которыми ему суждено было встретиться, в этот вечер будут его почему-то встречать таким же долгим взглядом – скорее скучающим, чем презрительным – и нехотя отвечать.

– Поднимитесь, посмотрите.

Он решил, что первое его предприятие уже подходит к благополучному завершению.

– Не скажете ли вы мне номер его комнаты?

Портье заколебался. Он, видимо, понял, что Мегрэ отнюдь не завсегдатай этих мест.

– Тридцать второй...

Он поднялся, и на него пахнуло запахом человеческого жилья и кухни. В конце коридора горничная складывала грязные простыни. Он безуспешно стучал в дверь номера.

– Вам нужна Люсиль? – спросила издали служанка.

– Нет, граф.

– А его нет. Там никого нет.

– Не знаете, где я могу его найти?

Вопрос был настолько нелепый, что на него даже не сочли нужным ответить.

– А Люсиль?

– В «Петухе» ее нет?

Мегрэ опять себя выдал. Это был не правильный шаг. Если он даже не знает, где найти Люсиль, зачем же он сюда явился?

«Петух» – одно из двух кафе на углу авеню Де Ваграм. Большие просторные террасы. Несколько одиноких женщин. Мегрэ внимательно присматривался к ним – нет, со шрамом никого нет. Тогда Мегрэ заговорил с официантом:

– Люсиль нет?

Беглый взгляд на присутствующих.

– Сегодня я ее не видел.

– Вы думаете, она еще придет? А графа вы тоже не видели?

– Дня три, пожалуй, я уже его не обслуживал...

Мегрэ отправился на улицу Акаций. Гараж по-прежнему был закрыт. Сапожник с табачной жвачкой за щекой тоже скорчил удивленную мину, находя, по-видимому, его вопросы нелепыми.

– Кажется, сегодня утром его автомобиль выезжал из гаража.

– Серый? «Дион-бутон»?

Автомобиль есть автомобиль, должно быть, подумал человек, жующий табак, и не хватало еще, чтобы он обращал внимание на марку.

– Не знаете, где я могу его найти?

Человек, сидевший в тени своей лавчонки, казалось, даже проникся к нему сочувствием.

– Так ведь, почтеннейший, мое дело – ботинки да туфли...

Мегрэ вернулся на улицу Брей, поднялся наверх, постучал в комнату 32, но ему опять никто не ответил. Потом он снова занялся поисками – вышагивая от «Петуха» к площади Терн, присматриваясь по дороге ко всем женщинам: нет ли у какой-нибудь из них шрама на шее.

Время от времени его охватывала тревога. Он упрекал себя, что зря теряет время, а где-то в другом месте, может быть, происходит что-то очень важное. Он пообещал себе, как только выпадет свободная минута, повертеться у кафе «Бальтазар», убедиться в том, что Лиз Жандро по-прежнему находится в «Отель дю Лувр», и понаблюдать хоть немного за тем, что происходит на улице Шапталъ.

Он обошел все бары. Ему пришла мысль последовать примеру флейтиста – он заказал виши с соком, но напиток этот вызвал у него отвращение, и к пяти часам дня он попросил пива.

– Нет, я не видел Дедэ. Он условился с вами встретиться?

И так повсюду, во всем квартале, он наталкивался на глухую стену молчания. Только около семи часов вечера кто-то сказал:

– А не на скачках ли он?

Люсиль тоже нигде не было. Тогда он подошел к одной из женщин, которая показалась ему более сговорчивой, и спросил ее о подруге графа.

– Может, она в отпуске?

Он не сразу понял. Ему рассмеялись прямо в лицо.

Он уже было решил отказаться от своей затеи. Пошел к метро, спустился на несколько ступенек, но заколебался и вернулся.

И вот – после семи, – когда он, потеряв всякую надежду, кружил все по тому же кварталу, разглядывая прохожих, взор его вдруг привлекла тихая улица Тильзит. Вдоль тротуара выстроились фиакры, рядом стояла чья-то машина и прямо перед ней – серый автомобиль, марку и номер которой он тотчас же узнал.

Это был автомобиль Дедэ. В нем никого не было. На углу улицы с ноги на ногу переминался постовой полицейский.

– Я из комиссариата квартала Сен-Жорж. Мне нужна ваша помощь. Если хозяин этого автомобиля вернется, не могли бы вы под каким-нибудь предлогом задержать его, когда он соберется уезжать?

– Ваши документы.

Даже полицейские в этом квартале и те ему не доверяли. То был час, когда все рестораны и кафе были переполнены. Раз Дедэ нет в «Петухе» – ему снова подтвердили это, – следовательно, он ужинает где-нибудь в другом месте. В одной дешевой столовке Мегрэ услышал:

– Дедэ?.. Не знаю... Его не знали и в ближайшей пивной, неподалеку от ресторана «Ваграм».

Дважды Мегрэ приходил удостовериться, что серый автомобиль по-прежнему на месте. Ему очень хотелось на вся-

кий случай проткнуть одну из покрышек перочинным ножом, но присутствие полицейского, значительно более опытного, чем он, помешало.

И вот он толкнул дверь маленького итальянского ресторанчика все с тем же надоевшим вопросом:

– Вы не видели графа?

– Боба?.. Нет... Ни вчера, ни сегодня...

– А Дедэ?

Небольшое помещение, красные бархатные диванчики. Все выглядело довольно мило. В глубине ресторана перегородка, не доходящая до потолка, отделяла зал от небольшого кабинета. В дверях кабинета Мегрэ увидел жующего мужчину в клетчатом костюме. В глаза бросился удивительно яркий цвет лица, светлые волосы, разделенные пробором.

– В чем дело? – спросил он, обращаясь не к Мегрэ, а к хозяину ресторана, стоявшему за стойкой.

– Он, спрашивает графа или Дедэ... Человек в клетчатом костюме, державший в руках салфетку, сделал шаг вперед. Затем не торопясь подошел вплотную к Мегрэ и принялся рассматривать его.

– Ну? – спросил он.

И так как Мегрэ замешкался с ответом, тот отчеканил:

– Дедэ – это я.

Мегрэ немало размышлял над тем, как он поведет себя, столкнувшись, наконец, лицом к лицу с этим человеком, но сейчас он вдруг решил вести себя совсем по-иному.

– Я только вчера приехал, – запинаясь, произнес Мегрэ.

– Приехали? Откуда?

– Из Лиона. Я живу в Лионе.

– Вот как! Интересно.

– Я ищу одного своего друга, товарища по коллежу...

– Ну, в таком случае, это наверняка не я.

– Это граф д'Ансеваль... Боб...

– Скажите пожалуйста!

Дедэ не улыбнулся. Цокая языком, он словно раздумывал над чем-то.

– А где вы искали Боба?

– Повсюду. В отеле я его не нашел.

– Адрес своего отеля он вам дал, наверное, еще тогда, когда вы учились в коллеже?

– Этот адрес мне сообщил один из наших общих друзей.

Дедэ бросил еле приметный знак бармену.

– Ну что ж! Раз вы друг Боба, выпейте с нами. У нас сегодня как раз маленькое семейное торжество.

И он знаком пригласил его в кабинет. Стол был накрыт. В серебряном ведерке стыло во льду шампанское. Поблескивали фужеры, женщина в черном сидела, положив локти на стол, мужчина со сломанным носом и бычьими глазами медленно поднялся, приняв позу боксера, готовящегося к раунду.

– Это Альбер, наш приятель.

И Дедэ посмотрел на Альбера тем же странным взглядом,

что и на хозяина. Он не повышал голоса, не улыбался, а между тем все это походило на издевательство.

– Люсиль – жена Боба.

Мегрэ увидел шрам на очень красивом, выразительном лице, и когда он наклонился, чтобы поздороваться, из глаз молодой женщины брызнули слезы. Люсиль судорожно вытерла их платком.

– Не обращайтесь внимания. Она недавно потеряла своего папу. Вот и разбавляет шампанское слезами... Анжелино! Фужер и прибор!

Было что-то странно-тревожное в этом ледяном дружелюбии, таившем в себе угрозу. Мегрэ обернулся, и ему стало совершенно ясно, что выйти отсюда он сможет только с разрешения человека в клетчатом костюме.

– Значит, вы приехали из Лиона, чтобы встретиться со старым товарищем, с Бобом?

– Не только для этого. У меня свои дела в Париже. Один из моих друзей сказал мне, что Боб здесь. Я давно потерял его из виду.

– Давно, вот как! Так давайте же выпьем за ваше здоровье. Друзья наших друзей – наши друзья. Пей, Люсиль!

Она подняла фужер, ее зубы мелко застучали о тонкое стекло.

– Сегодня после обеда она получила телеграмму. Умер папа! Я вижу, на вас это тоже произвело сильное впечатление... Люсиль, покажи телеграмму.

Она удивленно посмотрела на него.

– Покажи мосье...

Она порылась в сумочке.

– Я оставила ее в своей комнате.

– Вы любите макароны? Хозяин готовит их для нас по специальному рецепту. Скажите, как вас величать?

– Жюль.

– Мне нравится это имя. Красивое имя. Итак, старина Жюль, о чем же мы говорили?

– Мне бы хотелось повидаться с Бобом до моего отъезда.

– Вы спешите обратно в Бордо?

– Я сказал – в Лион.

– Ну да, в Лион! Красивый город! Уверен, что Боб будет в отчаянии от того, что упустил возможность встретиться с вами. Он так любит своих друзей по коллежу! Поставьте себя на его место. Товарищи по коллежу – это ведь все порядочные люди. Держу пари, что вы порядочный парень... Как ты думаешь, Люсиль, чем мосье занимается?

– Не знаю.

– Подумай! Я, например, готов побиться об заклад, что он разводит цыплят.

Было ли это сказано случайно? И почему именно цыплят, – ведь так уголовники называют полицейских? Может быть, Дедэ подавал сигнал своим друзьям?

– Я работаю в страховом агентстве, – выдавил из себя Мегрэ, которому ничего другого не оставалось, как вести свою

игру до конца.

Им подали еду. Принесли новую бутылку, которую Дедэ, по-видимому, заказал знаком.

– Вот ведь как тесен мир! Приезжаешь в Париж, и вдруг всплывают туманные воспоминания о старом друге по коллежу, и случайно нападаешь на кого-то, кто дает тебе его адрес. Другие могли бы десять лет искать, особенно если учесть, что ни одна душа в квартале не знает фамилии Ансеваль, так же как и мою. Спросите у хозяина, у Анжелино, который знает меня черт знает сколько лет как облупленного. Вам все скажут – Дедэ. Просто Дедэ. Что ты нюни распустила, Люсиль! Хватит! Мосье может подумать, что ты не умеешь себя вести за столом.

Тот, другой, с носом боксера, молча ел, пил, и время от времени туповатая улыбка появлялась у него на лице, словно бы шуточки владельца гаража доходили до него с некоторым опозданием.

Когда Люсиль поглядывала на маленькие золотые часы, висевшие на цепочке у нее на поясе, Дедэ успокаивал ее:

– Ты успеешь на поезд, не бойся. Он объяснил Мегрэ:

– Сейчас посажу ее в поезд, чтобы она поспела на похороны. Посмотрите только, как все сложилось. Сегодня ее предок загнулся, а я как раз выиграл на бегах. Денег полно. Вот и решил отпраздновать. Да, жаль, Боба нет, чтобы с нами выпить.

– Он в поездке?

– Ты как в воду глядишь, Жюль. В поездке. Но все-таки надо тебе его показать. Люсиль снова разрыдалась.

– Пей, милочка моя! Только так и можно залить горе. Кто бы подумал, что она такая чувствительная? Два часа бьюсь, чтобы ее успокоить. Ведь отцы должны в один прекрасный день покинуть нас, – верно я говорю? Сколько времени, как ты его не видала, Люсиль?

– Замолчи!

– Еще бутылку такого же, Анжелино. А суфле? Скажи хозяину, чтобы он не испортил суфле. За твоё здоровье, Жюль.

Сколько ни пил Мегрэ, его стакан все время оказывался полным – Дедэ наполнял его с угрожающим видом и чокался.

– Как зовут твоего друга, который тебе дал адрес?

– Бертран.

– Какой всезнайка! Не только все порассказал тебе про старину Боба, но даже в гараж тебя послал.

Значит, он уже знал, что кто-то рыскал вокруг гаража по улице Акаций и расспрашивал о нем. Вероятно, он побывал у себя после обеда.

– В какой гараж? – попробовал Мегрэ прикинуться, что он и знать ничего не знает.

– Мне показалось, что ты упоминал о гараже. Разве ты не меня спрашивал, когда пришел сюда?

– Я знал, что Боб и вы – друзья.

– Ну и хитрые же вы там, в Лионе! За твоё здоровье,

Жюль! Давай по-русски! До конца! Вот так! Тебе не нравится?

Боксер в своем углу блаженствовал. Люсиль – та напротив, забывая понемногу о своем горе, казалась встревоженной. Один-два раза Мегрэ перехватил вопрошающий взгляд, брошенный ею на Дедэ.

Что с ним собираются сделать? У владельца гаража – это было совершенно очевидно – имелся какой-то план на этот счет. Он веселился вовсю – правда, весьма своеобразно, без тени улыбки, с каким-то странным лихорадочным блеском в глазах. Иногда он словно искал одобрения во взглядах двух других, как актер, который чувствует себя в полной форме.

«Прежде всего – сохранять присутствие духа!» – говорил себе Мегрэ, которого заставляли опорожнять фужер за фужером.

Он не был вооружен. Сила его и ловкость против такой парочки, как Дедэ и боксер, ровно ничего не значили. И все более отчетливо он сознавал, как затягивается петля вокруг его шеи.

Догадывались ли они, что он имеет отношение к полиции? Вполне возможно. Может быть, Люсиль ходила на улицу Брей и ей там рассказали о настойчивом посетителе, приходившем во второй половине дня? Как знать, может, они именно его и поджидали?

Между тем становилось ясно, что эта игра имеет свои смысл. Дедэ заявил, что денег у него куры не клюют, и похо-

же, что так оно и было: он был странно возбужден, что так характерно для людей его сорта, когда у них набиты карманы.

Бега? Он, вероятно, частенько наведывался туда, но Мегрэ готов был поклясться, что сегодня ноги его там не было.

Что же до слез Люсиль, то, по-видимому, отнюдь не судьба отца заставляла ее проливать их с такой удивительной щедростью. Ибо плакать она начинала всякий раз, как только упоминалось имя Боба.

Было уже десять вечера, а они все еще сидели за столом, и шампанское все пенилось в их бокалах. Мегрэ изо всех сил боролся с опьянением, овладевшим им.

– Жюль, ты ничего не имеешь против, если я позвоню по телефону?

Телефонная будка находилась в левом углу зала, и Мегрэ со своего места мог ее видеть. Дедэ набрал два или три номера, прежде чем дозвонился к тому, кто был ему нужен. Видно было, как двигались его губы, но разобрать слова было невозможно. Люсиль казалась взволнованной. Что же касается боксера, закурившего огромную сигару, тот только глупо улыбался, время от времени дружелюбно подмигивая Мегрэ.

За стеклом телефонной будки Дедэ, казалось, отдавал кому-то распоряжения, медленно повторяя отдельные слова. На его лице не было больше и признака веселья.

– Ты меня извини, старина, но мне очень не хотелось, чтоб

ты упустил Боба.

Люсиль, нервы которой, видимо, были натянуты до предела, снова разразилась рыданиями.

– Это вы Бобу звонили?

– Не совсем. Я просто устроил так, чтобы вам обоим встретиться. Согласен? Ведь это главное, а? Ты же хочешь его повидать, верно?

Вероятно, в этих словах крылось что-то очень остроумное, потому что боксер немедленно пришел в восторг и даже закудахтал от удовольствия.

Неужели они думали, что Мегрэ ни о чем не догадывается? Граф, по-видимому, был мертв. И когда Дедэ обещал Мегрэ устроить им встречу...

– Мне тоже надо позвонить по телефону, – сказал он самым равнодушным тоном.

Невзирая на советы Максима Ле Брэ, он решил позвонить в свой комиссариат: он не решался обратиться в полицию другого квартала. Вероятно, сегодня дежурит Бессон или Колумбани с бригадиром Дюфье, и они, должно быть, играют в карты. Надо только растянуть время, чтобы они успели доехать и остановиться рядом с серой машиной.

Здесь они не осмелятся что-нибудь предпринять против него. В ресторане были посетители, их голоса доносились сюда через перегородку, и, если даже большинство из них принадлежали к тому же миру, что и Дедэ, то ведь могли же быть и другие?

– Кому позвонить?

– Жене.

– Ах, ты привез с собой жену? Ишь ты какой! Слышишь, Люсиль? Жюль человек женатый. Тебе не на что надеяться! За твое здоровье, Жюль! Зачем тебе беспокоиться – Анжелино позвонит вместо тебя... Анжелино!.. В каком отеле остановилась твоя дама?

Официант выжидал и тоже, казалось, наслаждался игрой.

– Это не срочно.

– Ты уверен? Она не будет беспокоиться? Не может ли ей прийти на ум бог знает что и не вздумает ли она поставить на ноги полицию?.. Еще бутылку, Анжелино! Или, пожалуй, не нужно. Лучше коньяку. Уже пора. Да рюмки подай подходящие. Я уверен, что наш друг Жюль обожает коньяк.

В один какой-то момент Мегрэ решил вскочить и броситься к выходу, но тотчас же понял, что ему не дадут добратсья до двери. Оба мужчины наверняка вооружены. И в зале у них, безусловно, имелись если не друзья, то соучастники, а Анжелино, официант, не задумываясь подставит ему ногу.

Тогда Мегрэ вдруг неожиданно для себя ощутил ясное и трезвое спокойствие, несмотря на то что его весь вечер усиленно накачивали шампанским и коньяком. Изредка он поглядывал на часы. Не так давно он нес службу на вокзалах и знал наизубок расписание всех поездов.

Дедэ ведь не ради красного словца упомянул о поезде. Они, должно быть, все трое уезжают. И билеты уже, навер-

ное, у них в кармане. Но время шло, и Мегрэ начал сомневаться в правильности своих предположений. Гаврский поезд, которым можно было поспеть к пароходу, уже десять минут как отошел от Сен-Лазарского вокзала. Поезд на Страсбург отправлялся через каких-нибудь двадцать минут от Восточного вокзала.

Дедэ не из тех, кто будет прятаться в глуши, где его, в конце концов, неизбежно поймают. Его машина стояла наготове у тротуара улицы Тильзит.

Они уезжают без багажа. Наверное, и машину бросят.

– Не пей больше, Люсиль. Я тебя знаю – кончится тем, что тебя вырвет прямо на скатерть, а ведь это не очень-то прилично... Счет, Анжелино! – И, отстраняя жестом Мегрэ, хотя тот и не собирался расплачиваться, он сказал:

– Ни за что! Я же тебе сказал, что это маленькое семейное торжество... Дедэ с гордостью открыл бумажник, набитый тысячефранковыми билетами, даже не взглянув на счет, сунул один из билетов в руку Анжелино и бросил небрежно:

– Ничего не надо!

Он казался крайне уверенным в себе.

– А теперь, детки, пошли. Сначала проводим Люсиль на вокзал, затем отправимся к Бобу. Ты доволен, Жюль? Ты еще держишься на ногах? Наш друг Альбер поможет тебе. Не возражай!.. Альбер, возьми его под руку. Я займусь Люсиль.

Было около двенадцати. В этом конце авеню Де Ваграм горели редкие фонари, бледные круги света заливали лишь

нижнюю часть улицы, около площади Терн. Официант посмотрел им вслед с каким-то непонятным выражением, и не успели они сделать и десяти шагов по тротуару, как он поспешно опустил жалюзи, хотя в зале оставалось еще двое или трое посетителей.

– Держи его покрепче, Альбер. Чтобы он себе портрет не испортил, а не то дружище Боб может его не узнать. Сюда, прошу вас!

Если бы на углу улицы стоял полицейский, Мегрэ позвал бы на помощь, настолько он был уверен в том, что его ждет расправа. Ему слишком многое сказали, слишком многое показали. Он понимал, что с той самой минуты, как он вошел в итальянский ресторан, судьба его была решена.

Но полицейского нигде не было видно. По другую сторону улицы прогуливались какие-то девицы. Повыше, на конечной остановке, стоял пустой трамвай: из окон вырывался желтоватый, мутный свет.

Стрелять его «дружки» не станут, полагал Мегрэ. Им нужно было время для того, чтобы прыгнуть в машину и успеть отъехать до сигнала о тревоге.

Нож? По всей вероятности. Это было в моде. Во всяком случае, Альбер, боксер, старался покрепче держать его за правую руку.

Жаль, что Мегрэ не сумел проткнуть одну из покрышек. Если бы он выждал, пока полицейский отвернется, положение было бы теперь совсем иное.

Через несколько минут пробьет полночь. Оставалось еще два поезда – один в Брюссель, с Северного вокзала, и Вентимильский, с Лионского. Но Вентимиль был слишком далеко.

Госпожа Мегрэ ждала его, сидя за рукоделием, Жюстен Минар играл на флейте в ресторане «Клиши», где на куске картона писали название исполняемой песенки. Удалось ли флейтисту отделаться от Жермен? Мегрэ готов был держать пари, что она сидит в ресторане, а бедняга Минар спрашивает себя, как ему быть дальше.

На улице Тильзит не видно было ни одного прохожего, ни одного фиакра. Только серый автомобиль стоял у тротуара, а Дедэ, усевшись за руль, пытался завести мотор, предварительно усадив в автомобиль Люсиль. Может быть, они задумали отвезти его куда-нибудь подальше, в безлюдное место на берегу Сены или на канал Сен-Мартен, там прикончить и сбросить тело в воду?

Когда Мегрэ наклонился, чтобы сесть в автомобиль, страшный удар обрушился на его голову.

Мегрэ не имел ни малейшего желания умирать, и все же он смирился с этой мыслью. Конечно, он будет защищаться, но шансов на успех у него было очень мало. В левой руке, засунутой в карман, он сжимал связку ключей.

Если бы только мотор не завелся! Но после нескольких неудачных попыток он наконец затарахтел, заработал, машина вздрогнула.

На сиденье лежало кожаное пальто, но Дедэ и не думал

надевать его. Неужели это он будет наносить смертельный удар? А может, боксер, что стоял позади Мегрэ и не выпускал его правой руки?

Развязка близилась, и как знать, не молился ли Мегрэ в эту страшную минуту: «Господи, сделай так, чтобы...»

Вдруг послышались голоса. Двое подвыпивших мужчин во фраках, в черных пальто, держа в руках палки с набалдашниками, мурлыча себе под нос модную песенку, спускались вниз по авеню Де Ваграм.

– Садись, Жюль, садись, дорогой! – сказал Дедэ, явно торопясь.

Мегрэ еще успел обратить на это внимание.

В тот момент, когда он наклонился, чтобы сесть в автомобиль, страшный удар обрушился на его голову. Он инстинктивно пригнулся, что уменьшило силу удара. И, прежде чем потерять сознание, он услышал приближающиеся шаги, голоса, шум мотора... Когда он открыл глаза, он прежде всего увидел какие-то ноги, лакированные туфли, потом – лица, которые в полутьме казались мертвенно-бледными. Ему почудилось, что людей очень много, целая толпа, а потом, когда он немного пришел в себя, то удивился, что вокруг него всего пять человек.

Оба гуляки тоже были здесь, и один из них, у которого хмель еще, видимо, не выветрился, наклонившись над Мегрэ, упорно твердил одно и то же:

– Ну, дружище, уже лучше? Скажи, дружище, лучше?

Как попала сюда цветочная корзина и почему так пахло фиалками? Он попытался приподняться на локте. Гуляка помог ему. Тогда он увидел старую торговку цветами, громко выражавшую свое возмущение:

– Опять эти апаши! Если так будет продолжаться... Рассыльный из гостиницы, мальчуган в красной ливрее, рванулся вперед, крикнув:

– Побегу за лягавыми!

– Уже лучше, дружище?

Мегрэ спросил едва слышно:

– Который час?

– Пять минут первого.

– Мне надо позвонить.

– Непременно, дружище! Сейчас же. Вам принесут телефон сюда. Мы уже послали за ним.

Шляпы на голове у Мегрэ не было. На макушке волосы слиплись в комок. Эта жаба Альбер, по-видимому, стукнул его кулаком американским приемом. Если бы не эти ночные гуляки, они бы его прикончили, а если бы Мегрэ не пригнулся... И он все твердил:

– Мне нужно позвонить.

Он умудрился встать на четвереньки, не замечая, что капли крови падают с головы на мостовую. Один из гуляк воскликнул:

– Он пьян, старик! Вот умора! Он все еще пьян!

– Уверяю вас, мне нужно...

– ...позвонить... Да, да, дорогой... Вы слышите, Арман.

Пойдите же за телефоном...

Какая-то девица с возмущением сказала:

– Вы что, не видите, что он рехнулся? Лучше бы за врачом послали.

– Кто знает врача в этом квартале?

– Есть один, на улице Этуаль.

Но уже показался бегущий вприпрыжку рассыльный из отеля, а перед ним – двое полицейских на мотоциклах. Все расступились. Полицейские нагнулись над Мегрэ.

– Мне надо позвонить... – все повторял он. Удивительное дело. В течение всего вечера он не чувствовал опьянения, а вот теперь язык заплетался и мысли путались. И только одна оставалась ясной, настойчивой.

Он пролепетал, сконфуженный тем, что лежит в униженной позе на земле и не может подняться:

– Я из полиции... Поглядите в моем бумажнике... Квартал Сен-Жорж... Надо тотчас же позвонить на Северный вокзал... Брюссельский поезд... Через несколько минут... У них машина...

Один из полицейских подошел поближе к газовому фонарю и обследовал содержимое бумажника Мегрэ.

– Все верно, Жермен.

– Послушайте... Надо действовать быстро... У них есть билеты... Женщина в черном, со шрамом на щеке... Один из мужчин носит костюм в клетку... у другого нос перебит...

– Жермен, ты пойдешь?

Полицейский участок находился поблизости, на улице Этуаль. Один из полицейских сел на мотоцикл. Мальчишка-рассыльный, который не все расслышал, допытывался:

– Дяденьки, он шпик? Правда?

Мегрэ снова впал в забытье, а один из гуляк, с трудом выговаривая слова, бормотал:

– Я же вам говорю, что он в стельку пьян!

Глава 7

Смех госпожи Мегрэ

Он все пытался оттолкнуть их рукой, но рука была словно чужая. Надо умолить их оставить его в покое... А разве он не умолял? Он уже ничего не помнил. Голова гудела.

Одно ему было ясно: он должен дойти в этом деле до конца. До какого конца? Господи боже! Как люди не понимают! До конца!

Но с ним обращались, как с ребенком, как с больным. Он переживал муки унижения – о нем при нем же говорили вслух без стеснения, будто он ничего не в состоянии понять. Почему? Потому что он лежал, как раздавленное насекомое, на земле? Вокруг него бесконечное множество ног, – ну и что же? Прекрасно! Потом карета «скорой помощи». И он тотчас же понял, что это карета, и стал сопротивляться. Подумашь, уж будто нельзя обойтись без больницы, если тебя стукнули по голове!

Он узнал и мрачные ворота Божона, под сводами которых горела яркая электрическая лампа – свет ее резал глаза. Взад и вперед неторопливо ходили люди. В глазах молодого человека в белом халате Мегрэ прочитал, как ему показалось, глубочайшее презрение ко всему на свете.

Как он сразу не догадался, что это практикант? Медицин-

ская сестра срезала ему волосы на макушке, а практикант в это время нес какую-то околесицу. Сестра была очень мила в своем форменном платье. По тому, как они смотрели друг на друга, нетрудно было догадаться, что, до того как сюда доставили Мегрэ, молодой практикант весьма пылко объяснялся ей в любви.

Мегрэ хотел сдержаться, но от запаха эфира его стошнило.

«Ну и наплевать», – подумал он.

Что ему дают пить? Он отказался. Разве полицейский не сказал им, что он, Мегрэ, тоже полицейский агент, которому поручено важное расследование, секретное расследование?

Никто ему не верил. Во всем виноват комиссар полиции. Ведь это он не хотел, чтобы расследование носило официальный характер! И почему госпожа Мегрэ, подойдя к нему, сдернула с него одеяло и разразилась хохотом?

Это – нервное, прежде с ней такого не бывало. Потом, закрыв глаза, он прислушивался, как она ходила тихонько по комнате, стараясь не шуметь. Разве он мог поступить иначе? Пусть они позволят ему поразмыслить. Пусть дадут ему карандаш и бумагу. Хоть клочок бумаги, неважно какой... Представьте себе, вот улица Шапталь... Она очень коротенькая... Хорошо... Времени чуть больше часа ночи, на улице ни души... Простите, кто-то здесь есть. Это Дедэ за рулем своего автомобиля. Заметьте: Дедэ не выключил мотор. Для этого могут быть две причины. Первая: он остановился

лишь на несколько минут. Вторая: он намеревался тотчас же уехать. Ведь машину, особенно когда прохладно – а ночью в апреле достаточно прохладно, – трудно завести.

Пусть его не перебивают! Дальше. Вот этот квадратик – дом Бальтазаров. Он говорит: Бальтазаров, а не Жандро – так будет правильнее... По существу, это семья Бальтазаров, деньги Бальтазаров, драма Бальтазаров.

Если автомобиль Дедэ стоит у дома, значит, есть причина. Причина в том, что Дедэ привез сюда графа и должен увезти его.

Это очень важно. Не перебивайте... Совершенно незачем класть ему какую-то штуковину на голову и кипятить воду в кухне. Он прекрасно слышит, как кипятят воду на кухне. Все время кипятят воду, и, в общем, это ему надоедает и мешает думать.

А раньше, когда граф посещал Лиз, Дедэ его сопровождал? Вот что важно было бы узнать. Если нет, тогда этот ночной визит – особый визит.

Почему госпожа Мегрэ опять хохочет? Что в этом смешного?..

А Жюстен Минар попал в сети Жермен. Она, наверное, его еще держит в своих лапах, и он не скоро выпутается. Что скажет Кармен? Он ее никогда не видел. Существует масса людей, которых он никогда не видел.

Это несправедливо. Когда человек ведет тайное следствие, он должен иметь право видеть всех людей, видеть их

душу.

Пусть ему вернут карандаш... Этот квадратик – комната. Комната Лиз, разумеется. Неважно, какая в ней мебель. Ни к чему рисовать мебель. Это все усложнит. А вот ночной столик нарисовать надо, потому что в ящике или сверху лежит револьвер.

Теперь дальше. Была Лиз в постели или еще не ложилась? Ждала она графа или не ждала? Если она уже легла, то ей пришлось извлечь револьвер из ящика.

Не сжимайте так голову, черт возьми! Невозможно думать, когда на голову наваливают гири!

Неужели уже наступил день? Не может быть! А это кто? В комнате появился какой-то маленький лысый человечек, которого он знает, но имени вспомнить не может. Мадам Мегрэ говорит шепотом. Ему засовывают какой-то холодный предмет в рот.

Смилуйтесь!.. Ему же надо сейчас выступать перед судом, а он, пожалуй, и слова вымолвить не сумеет. Лиз Жандро будет хохотать. По ее мнению, если ты не член клуба Гоха, грош тебе цена!

Надо сосредоточиться на этом квадрате. Вот кружок – это Лиз. В их семье только женщины наследуют характер старого Бальтазара, отшельника с авеню Дю Буа. Старик сам так утверждал... Кто-кто, а уж он-то в этом разбирался... Тогда почему же она бросается к окну, отбрасывает занавес и зовет на помощь?

Минутку, минутку, господин комиссар... Не забывайте о Минаре, флейтисте, ибо как раз Минар нарушил все планы... Никто еще не успел выйти из дома, когда Минар позвонил в дверь, и пока он вел переговоры с Луи, мужской голос произнес на лестнице: «Живее, Луи!»

И автомобиль Дедэ уехал. Внимание! Он уехал недалеко, только обогнул квартал. Значит, Дедэ ждал кого-то.

Но вот он вернулся. Удовлетворен ли он тем, что увидел, объезжая квартал? Он остановился? Сел ли в автомобиль человек, которого он дожидался?

Черт возьми, пусть его оставят в покое! Он не желает больше пить! С него хватит! Он работает. Вы слышите? Я работаю! Я восстанавливаю все в памяти!

Ему жарко. Он отбивается. Он никому не позволит над ним издеваться, даже собственной жене. Просто до слез обидно. Ему действительно хочется плакать. Совершенно незачем так его унижать. И вовсе не следует презирать его и смеяться над каждым его словом только потому, что он сидит на тротуаре.

Ему больше не разрешат вести следствие. Ведь и это дело ему поручили без особой охоты. Его ли вина, что если хочешь узнать человека поближе, приходится иногда с ним выпить?

– Жюль!

Он отрицательно качает головой.

– Жюль! Проснись... Чтобы их наказать, он не откроет

глаз. Он стискивает зубы. Он хочет, чтобы у него был свирепый вид.

– Жюль, это...

А другой голос говорит:

– Ну же, мой милый Мегрэ!

Он сразу забывает свою клятву. Освобождаясь от тупого напряжения, он словно ударяется теменем о потолок и, поднеся руку к голове, обнаруживает, что она вся забинтована.

– Простите, господин комиссар...

– Приношу свои извинения, что разбудил вас.

– Я не спал.

Жена тоже здесь, она улыбается и делает ему из-за спины господина Ле Брэ какие-то знаки, смысл которых он не понимает.

– Который час?

– Половина одиннадцатого. Сегодня утром я узнал о случившемся.

– Они написали рапорт?

Рапорт на него! Это его оскорбляет. Рапорты он сам умеет писать и прекрасно знает, как это делается:

Этой ночью, в четверть двенадцатого, совершая обход по авеню Де Ваграм, наше внимание привлек... А дальше, наверное, идут такие слова: ...некий субъект, валявшийся на тротуаре и заявивший, что он зовется Мегрэ Жюль-Амедэ-Франсуа... Комиссар был, как всегда, свежевыбрит, одет во все светло-серое, с цветком в петлице. До Мегрэ донесся за-

пах портвейна – он знал, что комиссар выпивает по утрам рюмку-другую этого вина.

– Полиция на Северном вокзале успела задержать их.

Вот так штука! О них он совсем было забыл! Ему сейчас очень хочется повторить любимые слова флейтиста: «Какое это имеет значение».

Правильно. Никто из них не интересуется сейчас Мегрэ: ни Дедэ, ни Люсиль, ни даже боксер, который чуть не убил его «тупым предметом», как, должно быть, говорится в рапорте.

Ему неловко, что он лежит в постели перед своим начальником, и он высовывает ноги из-под одеяла.

– Лежите спокойно.

– Уверяю вас, я прекрасно себя чувствую.

– Врачи тоже так думают. Тем не менее вам необходимы еще несколько дней покоя.

– Ни за что!

У него хотят отнять начатое им дело! Ему все ясно. Нет, он не допустит!

– Успокойтесь, Мегрэ!

– Я спокоен, совершенно спокоен. И я знаю, что говорю.

Ничто не помешает мне подняться.

– Спешить некуда. Я понимаю ваше нетерпенье, но поверьте: что касается вашего следствия, будет сделано все, что вы, найдете нужным.

Он сказал вашего – он ведь человек светский. Ле Брэ машинально закурил сигарету и посмотрел сконфуженно на

госпожу Мегрэ.

– Не стесняйтесь, пожалуйста. Мой муж курит трубку с утра и до вечера, даже в постели.

– Дай-ка мне, кстати, трубку!

– Ты думаешь?

– Разве доктор сказал, что мне нельзя курить?

– Нет, не говорил.

– Тогда в чем же дело?

Она положила на туалетный столик все, что нашла в его карманах, и принялась набивать трубку. Потом протянула ее вместе со спичками.

– Я оставляю вас, – сказала она, исчезая в дверях кухни.

Мегрэ хотелось бы припомнить, о чем он думал ночью. У него сохранились лишь туманные воспоминания, а между тем он чувствует, что значительно приблизился к истине. Максим Ле Брэ уселся на стул. Он чем-то озабочен. И когда его секретарь между двумя затяжками медленно произносит:

– Граф д'Ансеваль умер.

Он, нахмурившись, спрашивает:

– Вы уверены?

– Доказательств у меня нет, но я готов поклясться.

– Умер... как?

– В него стреляли.

– На улице Шапгаль?

Мегрэ утвердительно кивает головой.

– Вы полагаете, это Ришар Жандро?..

Вопрос задан слишком в лоб. Мегрэ еще не может ответить со всей определенностью. Он вспоминает о клочке бумаги, на котором он ставил крестики.

– На ночном столике или в ящике был револьвер. Лиз Жандро через окно звала на помощь. Потом ее кто-то оттащил назад. Наконец, раздался выстрел.

– А какое отношение ко всей истории имеет этот Дедэ?

– Он ждал на улице, за рулем «дион-бутона».

– Он признался в этом?

– Нет никакой надобности в том, чтобы он признавался.

– А женщина?

– Любовница графа, которого называют просто Бобом.

Впрочем, вы это знаете не хуже меня.

Мегрэ очень хотелось бы освободиться от нелепого тюрбана, который сдавливает ему голову.

– Что с ними сделали? – спрашивает он, в свою очередь.

– Пока что они под следствием.

– Что значит – «пока что»?

– Сейчас их обвиняют только в вооруженном нападении на улице. Вероятно, им можно будет инкриминировать и кражу.

– Почему?

– У вышеупомянутого Дедэ обнаружено в карманах сорок девять банкнотов по тысяче франков каждый.

– Он их не украл.

Комиссар, по-видимому, понял, что Мегрэ имел в виду, потому что еще больше помрачнел.

– Вы хотите сказать, что ему их дали?

– Вот именно.

– Чтобы он молчал?

– Да. Дедэ был неуловим весь вчерашний день до самого вечера. Когда он снова всплыл на поверхность, если можно так выразиться, он весь сиял, ему не терпелось истратить часть этих денег, распиравших его карманы. Пока Люсиль оплакивала гибель Боба, Дедэ праздновал свое внезапное обогащение. Я был с ними.

Бедный Ле Брэ! Он никак не может освоиться с переменной, происшедшей с Мегрэ. Он оказался примерно в таком же положении, в каком оказываются родители, которые привыкли считать своего ребенка все еще маленьким и вдруг обнаруживают, что перед ними уже взрослый человек, который умеет рассуждать не хуже их.

А может быть... Глядя на комиссара, Мегрэ начинает чувствовать, что в его забинтованной голове зарождается смутное подозрение, постепенно сменяющееся уверенностью: ему поручили это расследование, полагая, что он не докопается до сути.

Вот как обстояло дело. Господин Ле Брэ-Курсель, светский человек, не желал, чтобы беспокоили другого светского человека, его товарища по клубу, и закадычную подругу его жены, наследницу всех кафе «Бальтазар».

– Проклятый флейтист! Надо же было ему сунуть свой нос в чужие дела.

Удивительно, как все, что имеет отношение к особняку на улице Шапталь, становится предметом живейшего интереса со стороны прессы, широкой публики, судебных заседателей – всех этих мелких лавочников и служащих банков!..

К сожалению, комиссар Ле Брэ не может просто взять да и уничтожить имеющийся рапорт, ему неловко перед своим секретарем.

«Вы понимаете, мой милый Мегрэ...»

Надо соблюдать сдержанность, чрезвычайную осторожность. Никакого скандала. Самое лучшее, если Мегрэ вообще ничего не заподозрит. Тогда через несколько дней, когда он появится в комиссариате, его можно будет встретить со снисходительной улыбкой.

«Пустяки, что там говорить. Не стоит отчаиваться... Вы сделали все, что могли. Не ваша вина, что этот флейтист оказался пустым фантазером и принял воображаемое за действительность. Принимайтесь за работу, старина! Обещаю вам, что первое же серьезное дело будет поручено вам».

А теперь комиссар, конечно, волнуется. Как знать, не сожалеет ли он о том, что Мегрэ, пригнувшись, ослабил силу обрушившегося на него удара? И сколько дней и недель он вынужден будет теперь бездействовать?

Как только этот тихоня сумел все пронюхать?

Ле Брэ покашливает и говорит негромко, нарочито без-

различным тоном:

– Итак, вы обвиняете Ришара Жандро в убийстве.

– Необязательно его. Быть может, стреляла его сестра. А возможно, Луи. Не забывайте, что флейтисту пришлось звонить, а потом долго стучать в дверь и что дворецкий, наконец-то отворивший ему, был в полном параде.

Вот он, луч надежды. Как все было бы великолепно, если бы выяснилось, что стрелял дворецкий!

– Не кажется ли вам последнее предположение наиболее вероятным?

И он покраснел, ибо взгляд Мегрэ, направленный на него, был очень красноречив. Тогда он скороговоркой продолжил:

– Что касается меня, то я охотно представил бы себе такую ситуацию... Слово «охотно» он произнес с излишней горячностью, Мегрэ тут же обратил на это внимание.

– Видите ли, я не знаю, зачем туда приехал граф...

– Он бывал там и раньше, как вам известно.

– Да, вы мне уже однажды говорили об этом. Я был очень удивлен. Граф вращался среди подонков. Его отец, потеряв состояние, сохранил достоинство. Он жил в маленькой квартире в Латинском квартале и всячески избегал людей, с которыми встречался в молодости.

– Он работал?

– По-видимому, нет.

– На какие же средства он жил?

– Продавал кое-какие сохранившиеся вещи: картины, ка-

кую-нибудь старинную табакерку, семейные реликвии. Возможно, некоторые из его друзей, из числа тех, что приезжали когда-то в замок на охоту, посылали ему время от времени немного денег. Что касается Боба, он махнул рукой на все, чем так дорожил отец. Он демонстративно стал появляться в самых низкопробных притонах. Какое-то время служил рассыльным в ресторане «Вуазен» только для того, чтобы ставить в неловкое положение друзей своей семьи, у которых принимал чаевые. В конечном счете он докатился до Люсиль и Дедэ... К чему же я все это говорю?

Мегрэ не пожелал протянуть ему спасательный круг.

– Ах да, вспомнил. По-видимому, в ту ночь он явился к Жандро с неблагоприятной целью.

– Почему вы так думаете?

– Тот факт, что его сопровождал Дедэ, который остался на улице и даже не выключил мотор своего автомобиля, достаточно показателен.

– Между тем в доме его ждали.

– Откуда вам это известно?

– А как вы считаете, пустили бы его в противном случае в комнату к молодой девушке? И почему Луи в такой поздний час был при полном параде?

– Допустим, его ждали, но ведь это еще не доказывает, что он был желанным гостем. Может быть, он действительно предупредил о своем приходе.

– Не забывайте, что все произошло рядом со спальней.

– Пусть так! Я даже готов допустить, что Лиз поощряла его ухаживания. Не нам с вами ее судить. Вот как... – Возможно, между ними что-то и было. Так или иначе, он остался носителем имени д'Ансеваль и его прадеды были хозяевами замка, купленного старым Бальтазаром, одним из их крестьян.

– На внучку коробейника это, конечно, могло произвести впечатление.

– А почему бы и нет? Но ведь могло быть и другое: узнав об образе жизни, который он ведет, у нее могло появиться желание спасти его. Не правда ли, вполне правдоподобная версия?

Почему Мегрэ вдруг пришел в ярость? У него было такое впечатление, будто ему хотят представить все собранные им сведения в кривом зеркале. Ему не нравился и вкрадчивый тон комиссара, который словно заучивал с ним урок.

– Есть еще одно предположение, – тихо произнес он.

– Какое?

– Что мадемуазель Жандро-Бальтазар хотела к своему состоянию прибавить еще и титул. Очень приятно быть владелицей замка д'Ансеваль. Но, может быть, она чувствовала себя там самозванкой? Я тоже провел детство в замке, где мой отец был лишь управляющим. Помню, как унижались богатые выскочки, чтобы добиться приглашения на охоту.

– Вы полагаете, что она хотела выйти замуж...

– За Боба д'Ансеваля. А почему бы и нет?

– Не буду обсуждать этот вопрос, но такое предположение кажется мне более чем смелым.

– Таково мнение ее горничной.

– Вы допрашивали горничную, несмотря на... У него чуть было не вырвалось: «...мои советы». А это должно было означать: «Несмотря на мои распоряжения!»

Но он промолчал, и Мегрэ продолжал:

– Я даже, так сказать, похитил ее. Она в двух шагах отсюда.

– Она вам что-нибудь рассказывала?

– Ничего определенного она не знает, кроме одного, – что мадемуазель Жандро вбила себе в голову мысль стать графиней.

Ле Брэ нетерпеливо махнул рукой. По-видимому, ему было очень неприятно, что кому-то из его круга приходилось отказывать в уважении.

– Допустим. Но это ведь ничего не меняет в ходе событий. Согласитесь, что Боб мог вести себя, как хам.

– Мы не знаем, что происходило в комнате. Нам известно только одно: кто-то стрелял...

– Однако мы приходим к одному и тому же выводу. Человек ведет себя, ну, скажем... вызывающе. Брат девушки находится в доме... так же как и старый слуга Луи. Девушка зовет на помощь. Один из мужчин слышит крик, стремительно взбегает наверх и в порыве справедливого гнева хватается револьвер, который, как вы сами говорите, лежит на ночном

столике.

Казалось, Мегрэ готов согласиться с предположениями своего комиссара. Но, сделав еще одну затяжку из своей трубки, лучшей из всех, какие ему когда-либо приходилось курить, он неторопливо возразил:

– Как бы вы поступили на месте этого человека? Представьте себе, что вы еще держите в руках дымящийся револьвер, как любят писать в газетах. На полу лежит убитый или тяжело раненый человек.

– Если принять гипотезу, что на полу лежит раненый, я бы вызвал врача.

– Этого никто не сделал.

– И отсюда вы выводите заключение, что человек был мертв?

Мегрэ продолжал спокойно развивать свою мысль, словно шел по ее следам.

– И вот раздается стук во входную дверь. Это стучит прохожий, услышавший крики о помощи.

– Допустите на минуту, мой милый Мегрэ, что не очень-то приятно посвящать в свои дела первого встречного.

– На лестничной клетке слышен крик: «Живее, Луи!» Что это означает, по-вашему?

Мегрэ едва отдавал себе отчет в том, что разговором завладел он, что они – он и его начальник – поменялись ролями и что положение последнего становится все более затруднительным.

– Человек мог быть еще в агонии. А может быть, у Лиз был нервный припадок? Не знаю. Полагаю, что в подобных случаях человек теряет самообладание. Но Луи вышвырнул непрошеного гостя на улицу, заехав ему кулаком по физиономии, – продолжал Мегрэ.

– Он поступил не очень-то благородно.

– По-видимому, они не растерялись и сразу сообразили, что тип, которого дворецкий отдубасил, побежит в полицию. Последняя не замедлит явиться к ним за объяснениями.

– Что вы и сделали.

– В их распоряжении имелось некоторое время. Они могли бы сами позвонить в полицию: «Произошло то-то и то-то. Это не преступление, а несчастный случай. Мы вынуждены были защищаться от громилы, угрожавшего нам». Полагаю, что вы действовали бы именно так, господин комиссар.

Как изменилась ситуация от того, что он был здесь, в своей комнате, в своей постели, а не в комиссариате! За обитой дверью кабинета комиссара он не осмелился бы сказать и со-той доли того, что высказал здесь. У него разламывалась голова от боли, но какое это имело значение! Госпожа Мегрэ там, в кухне, должно быть, пришла в ужас, слушая, с какой уверенностью он говорит. Он даже наступал.

– Тем не менее, господин комиссар, именно этого они не сделали. А сделали они вот что. Перенесли куда-то труп или раненого. По-видимому, в одну из комнат, что над конюшнями, – единственное помещение, которое они мне не пока-

зали.

– Это только ваше предположение.

– Основанное на том факте, что, когда я пришел, тела в доме уже не было.

– А что, если Боб ушел сам?

– Тогда у его друга Дедэ не было бы вчера пятидесяти тысяч франков в кармане, и, самое главное, он бы не пытался уехать в Бельгию в обществе Люсиль.

– Возможно, вы и правы.

– Следовательно, милейшие обитатели особняка на улице Шапталь имели в своем распоряжении приблизительно полчаса. Этого им хватило, чтобы все привести в порядок, расставить вещи по местам, устранить все следы преступления. И их осенила почти гениальная мысль: лучший способ свести на нет показания флейтиста – заставить поверить, что его рассказ лишь галлюцинации пьянчуги, и доказать, что в комнате, на которую он указывал, никого нет. Это давало еще одно преимущество. Возможно, у Лиз Жандро, при всем при том, как говорят, разыгрались нервы. Показать ее лежащей в постели и якобы спящей? Представить ее мне и утверждать, что она ничего не слышала? И то и другое было одинаково рискованным. Ее затолкнули в комнату служанки, которая, к счастью, в ту ночь была в отъезде. Разве какой-то там жалкий полицейский разберется в таких тонкостях? Достаточно будет сказать, что она отсутствует, что она в своем замке в Ньевре. Ничего не слышали! Ничего не видали! Выстрел?

Где? Когда? Люди, которые ночью шатаются по улицам, частенько не очень-то отдают себе отчет в происходящем. А утром кто посмеет в чем-нибудь обвинить Жандро-Бальтазаров?

– Как вы суровы, Мегрэ!.. – Ле Брэ, вздохнув, поднялся. – Но, возможно, вы и правы. Я тотчас отправлюсь переговорить с шефом Сыскной.

– Вы думаете, это необходимо?

– Если действительно имело место убийство, в чем вы меня в конце концов убедили... – Господин комиссар! – обратился к нему Мегрэ, и голос его звучал почти умоляюще.

– Слушаю вас.

– Не обождете ли вы немного, ну хотя бы одни сутки?

– Только сейчас вы укоряли меня в том, что я не начал действовать раньше.

– Уверяю вас, я могу подняться. Посмотрите.

И, невзирая на протестующие жесты Ле Брэ, он сбросил с себя одеяло и встал на ноги, смущенный тем, что стоит перед своим начальником в одной сорочке.

– Это мое первое дело... – И я приношу вам свои поздравления по поводу усердия, которое вы... – Если вы сейчас поставите в известность Сыскную, то это дело перейдет в группу шефа и они сами доведут его до конца.

– Вероятно. Прежде всего, если Боб был убит, надо разыскать его тело.

– Поскольку речь идет о мертвом, то он может обождать.

Не правда ли?

Они снова поменялись ролями, и теперь уже смеялся комиссар, отвернувшись в сторону.

Мегрэ, еще минуту назад такой властный, сейчас, в ночной сорочке с красной вышивкой по воротнику, был похож на большого ребенка, которого хотят лишить обещанного удовольствия.

– Мне совершенно ни к чему эта штукавина. Он попытался сорвать бинты с головы.

– Я могу выйти и закончить расследование сам. Дайте мне только разрешение допросить Дедэ и Люсиль, особенно Люсиль. Что они говорят?

– Сегодня утром, когда дежурный комиссар допрашивал Дедэ, тот спросил: «Жюль умер?» Я полагаю, речь шла о вас.

– Если завтра в это время я ничего не добьюсь, можете передавать дело в Сыскную.

Госпожа Мегрэ приоткрыла дверь, напуганная их громкими голосами, и застыла на месте, увидев мужа на ногах.

В этот момент позвонили в дверь. Она пошла открывать, Мегрэ и комиссар слышали, как она с кем-то шепталась на лестнице.

Когда она вернулась одна, Мегрэ спросил:

– Кто это?

Она бросила на него красноречивый взгляд, которого он не понял, и, так как он продолжал настаивать, ей пришлось признаться:

– Музыкант.

– Ну, я пошел, – сказал Ле Брэ. – К сожалению, я не могу найти подходящий повод для отказа.

– Простите, господин комиссар. Я хотел бы еще... Принимая во внимание тот оборот, который приняли события, принимая во внимание также и то обстоятельство, что делом будет заниматься Сыскная, не позволите ли вы мне, если возникнет необходимость, обратиться к мадемуазель Жандро?

– Полагаю, что вы сделаете это умело? Будьте, однако, очень осторожны.

Мегрэ сиял. Он услышал, как захлопнулась дверь, и начал одеваться. Но тут в сопровождении госпожи Мегрэ в комнату вошел Жюстен Минар. У музыканта был жалкий, взволнованный вид.

– Вы ранены?

– Пустяки.

– У меня дурные вести.

– Говорите же.

– Она удрала.

Мегрэ чуть не прыснул со смеху – до того растерянное лицо было у флейтиста.

– Когда?

– Вчера вечером или, вернее, нынче ночью.

Свой рассказ о побеге Жермен он закончил словами!

– Что мы делаем дальше?

Глава 8

Один молчит, другой говорит слишком много

– Надень, пожалуйста, теплое пальто, прошу тебя, сделай это для меня, – настаивала госпожа Мегрэ.

В то время у него было два пальто: теплое черное, с бархатным воротником, – он носил его уже три года, – и легкий прорезиненный короткий плащ, который он купил себе совсем недавно и о котором мечтал с самой юности.

Мегрэ подозревал, что, когда они вдвоем выходили из дому, жена успела шепнуть Минару на ухо: «Главное, не оставляйте его одного!»

Может быть, она в душе и подсмеивалась немного над флейтистом, но была к нему искренне расположена, находя его воспитанным, кротким и безобидным.

Серые тучи медленно заволакивали небо. Судя по всему, пойдет проливной теплый дождь – первый за последние десять дней, и тяжелое пальто Мегрэ так намокнет, что от него будет разить мокрой псиной.

Свой котелок он держал в руке – надеть его на голову нельзя до, тех пор, пока с нее не снимут повязку. Минар проводил его на бульвар Вольтера к доктору, от которого Мегрэ добился только одного: тот наложил более легкую повязку.

– Вам действительно необходимо идти в город? – Доктор протянул ему коробочку с желтыми пилюлями. – На тот случай, если вы почувствуете головокружение.

– Сколько я могу их принять?

– Четыре или пять за сегодняшний день. Не больше. Я предпочел бы видеть вас в постели.

Мегрэ не знал, что делать с музыкантом. Он не хотел обижать его, отсылать домой, хотя теперь он больше не нуждался в его услугах. Намекнув, что ему поручается весьма серьезное дело, он послал Минара на улицу Шапталь.

– Напротив дома, который вам известен, расположен небольшой ресторан «Старый кальвадос». Я бы хотел, чтобы вы оттуда понаблюдали за тем, что происходит у Жандро.

– А если вы себя плохо почувствуете?

– Я буду не один.

Минар расстался с ним лишь у дверей тюрьмы, на набережной Орлож. В тот момент Мегрэ был еще полон веры в себя и поэтому даже с наслаждением вдыхал запах мрачной подворотни. Все здесь было омерзительно, грязно. Сюда каждую ночь полицейские свозили всех подозрительных, какие попадались им на улицах города, весь богатый урожай нищеты, подобранной во время облав.

Он вошел в дежурку Сыскной, в которой пахло казармой, и спросил, может ли его принять комиссар. Ему казалось, что на него как-то странно смотрят. Но он не придал этому значения. По-видимому, решил он, секретаря из квартал-

ного комиссариата здесь считают личностью весьма заурядной.

– Присаживайтесь.

Здесь было трое полицейских: один писал, а двое других сидели без дела. Кабинет комиссара был рядом, но никто и не подумал пойти доложить ему, что его спрашивают, никто не обращал на Мегрэ никакого внимания: с ним обращались так, словно бы он не имел ни малейшего отношения к полиции. Все это так сковывало его, что он даже не решался закурить.

Спустя четверть часа он осмелился спросить:

– Комиссара нет?

– Занят.

– Где люди, которых подобрали сегодня ночью? Проходя по коридору, он никого не увидел в большом зале, куда обычно заталкивали «дичь».

– Наверху.

Он не стал просить разрешения подняться туда. Наверху был отдел антропометрии. Всех задержанных выстраивали в ряд, как в школе. Раздевшись, они становились друг другу в затылок. Их осматривали, записывая особые приметы, после чего, разрешив им одеться, их фотографировали, измеряли, снимали отпечатки пальцев.

Неужто Дедэ, стоя в хвосте вместе с бродягами и карманниками, продолжал хорохориться?

Позднее, когда Мегрэ стал работать в группе шефа, он по-

лучил право ходить по всему зданию.

– Вы уверены, что комиссар все еще занят? Прошло уже более получаса с тех пор, как он пришел сюда. Ему показалось, что все трое обменялись насмешливыми взглядами.

– Надо дождаться, пока он позвонит.

– Но он ведь не знает, что я его жду. А у меня важное поручение. Надо предупредить его.

– Вы, кажется, из квартала Сен-Жорж?

И один из полицейских, тот, который писал, посмотрел на документ, лежавший на его столе:

– Жюль Мегрэ?

– Да.

– Придется обождать, старина. Ничем не могу вам помочь.

Из кабинета комиссара не доносилось ни звука. Прошло уже более часа, когда наконец появился комиссар, но вовсе не из кабинета, а с улицы.

– Вы секретарь Ле Брэ?

Наконец-то им займутся. Довольно ему сидеть на скамейке, как просителю!

– Вы были, кажется, ранены?

– Пустяки. Я хотел бы...

– Знаю. Вы хотите допросить некоего Дедэ. Мне кажется, он уже спустился... Жерар, проверьте. Если он там, приведите его ко мне в кабинет. – И к Мегрэ:

– Входите, пожалуйста. Я предоставлю в ваше распоряже-

ние мой кабинет.

– Мне нужно также допросить женщину.

– Хорошо. Скажете бригадиру.

Разве в этом было что-то необычное? Мегрэ представлял себе все несколько иначе, но пока он еще был совершенно спокоен.

Просто он не знал еще здешних порядков, и потому все это производило на него такое впечатление.

Полицейский ввел Дедэ и вышел; комиссар последовал за ним, прикрыв за собой дверь.

– Ну, Жюль?

Владелец гаража с улицы Акаций был в том же клетчатом костюме.

С него только сняли, согласно существующим правилам, галстук и отобрали шнурки от ботинок, что придавало ему неряшливый вид. Мегрэ нерешительно уселся за стол комиссара.

– Я рад, что вас не слишком изувечили, – сказал Дедэ. – Можете проверить у этих приятелей: первое, о чем я спросил, когда меня сюда доставили, что с вами.

– Так вы знали, кто я?

– Еще бы!

– А я, – сказал Мегрэ просто, – я знал, что вы это знаете.

– Вы что же, не понимали, что вам морду набьют? А если бы с вами разделались по-настоящему?

– Садись.

– Ладно. Не возражаю, чтобы вы обращались ко мне на «ТЫ».

Мегрэ знал, что здесь принято именно такое обращение с подследственными, но еще не привык к этому.

– Мне еще многое известно, и я полагаю, что мы с тобой сумеем договориться.

– Сомневаюсь, – сказал Дедэ.

– Граф погиб.

– Вы думаете?

– В ночь с пятнадцатого на шестнадцатое ты возил графа в своем «дион-бутоне» на улицу Шапталь и дожидался его, не выключая мотора.

– Не припоминаю.

– В одной из комнат открылось окно, женщина закричала, и раздался выстрел. Тогда ты уехал в сторону улицы Фонтен. Объехал вокруг квартала. Довольно долго стоял на улице Виктор-Массэ, затем еще раз проехал по улице Шапталь, чтобы узнать, не вышел ли Боб.

Дедэ смотрел на него, безмятежно улыбаясь.

– Продолжайте, – сказал он. – Нет ли у вас сигаретки? Эти свиньи отобрали у меня все, что было в карманах.

– Я курю только трубку. Ты знал, зачем граф явился в тот дом.

– Говорите, говорите.

– Ты понял, что случилось недоброе. Назавтра в газетах ты ничего не нашел. Граф не возвращался. На следующий

день тоже.

– Очень интересно.

– Ты снова пришел на улицу Шапталь – ничего нового. Затем, догадавшись, что произошло, ты отправился к Ришару Жандро. Не домой, конечно, а в контору.

– Что же я сказал этому субчику?

– Что за приличную сумму, ну, скажем, за пятьдесят тысяч франков, ты согласен молчать. Ведь зная, зачем Боб ходил на улицу Шапталь, ты знаешь, почему его убили.

– Все?

– Да, все.

– Что вы мне предлагаете?

– Ничего. Говорить.

– Что вы хотели бы, чтобы я сказал?

– Граф был знаком с Жандро. Он неоднократно бывал в гостях у молодой девушки. Он был ее любовником?

– Вы его когда-нибудь видели?

– Нет.

– Если бы вы его видели, вы бы не задавали таких вопросов. Конечно, был.

– Скажи, они хотели пожениться?

– Знаете, вы мне нравитесь. Я как раз говорил об этом Люсиль: «Жаль, что он полицейский!» Что за мысль пришла вам в голову – стать лягавым. Это при вашем-то сложении и при том, что вы не бездельник!

– Ты предпочитаешь тюрьму?

– Чему?

– Если ты будешь говорить, возможно, тебе и простят шантаж Ришара Жандро.

– Вы думаете, он будет жаловаться?

– Простят и попытку убийства, жертвой которой я стал.

– Послушай, Жюль. Шансы у нас с тобой неравные. Утри слюни, не лезь из шкуры вон – у меня от этого просто в животе заурчало. Ты славный парень. Может случиться, что мы еще встретимся и разопьем вместе бутылочку. Но здесь – мы не на равных. Наивная ты душа. Тебя обведут вокруг пальца – и глазом не моргнешь.

– Кто?

– Какая разница! Хочу тебе только сказать одно: Боб был шикарный тип. У него были свои взгляды на жизнь. Он не мог без отвращения смотреть на некоторые хари. Но он не способен был на подлость. Вбей себе это в башку.

– Он умер.

– Возможно. Я ничего не знаю. А если я кое-что и знаю, так это никого не касается. А теперь по-товарищески скажу тебе: брось! Понял? Брось, Жюль! Мне нечего больше сказать. Все эти фокусы – не для тебя. Допустим, что это выше нашего понимания – и твоего и моего. Я ничего не знаю, ничего не видел, ничего не слышал. Пятьдесят тысяч франков? Сколько понадобится, я буду повторять, что выиграл их на бегах. А что касается того, что мне отсюда не выбраться, – посмотрим.

Говоря это, он как-то странно улыбнулся.

– А теперь, если ты не законченный негодяй, не слишком приставай к бедняжке Люсиль. Она действительно любила своего Боба. Ты можешь понять это? Можно быть последней девкой и любить своего дружка. Оставь ее в покое, и, как знать, может, я тебя еще когда-нибудь отблагодарю. Все.

Он поднялся и пошел к двери.

– Дедэ! – позвал его Мегрэ, поднявшись вслед за ним.

– Все. Могила. Больше ни одного слова ты от меня не услышишь. – И Дедэ открыл дверь. – Мы закончили, – сказал он с насмешливой улыбкой полицейским.

Бригадир спросил у Мегрэ:

– Привести женщину?

Она отказалась сесть и все время стояла у стола.

– Вам известно, при каких обстоятельствах погиб Боб?

Она вздохнула:

– Я ничего не знаю.

– Он был убит в одном доме на улице Шапталъ.

– Вы думаете?

– Он был любовником одной девушки.

– Я не ревнива.

– Почему вы не хотите говорить?

– Потому что мне нечего сказать.

– Если бы вы знали, что Боб жив, вы не уехали бы в Бельгию.

Она молчала.

– Почему вы не хотите отомстить за Боба? Она закусила губу и отвернулась.

– Вы предпочитаете несколько банковских билетов приговору его убийце?

– Вы не имеете права так говорить.

– Тогда говорите вы.

– Я ничего не знаю.

– А если я помогу вам?

– Я ничего не скажу.

– С вами здесь уже кто-нибудь говорил?

Наконец он начал кое-что соображать. Если его заставили так долго ждать, то вовсе не потому, что комиссар был занят. Помещение судебного отдела соединялось со зданием на Набережной Орфевр.

Подвергался ли Дедэ всем процедурам наверху? Проходила ли Люсиль медицинский осмотр? Вряд ли.

Но зато кто-то из Сыскной наверняка их допрашивал.

Когда Мегрэ пришел сюда, прошло уже более часа, как Ле Брэ покинул бульвар Ришар-Ленуар.

Не хотелось верить, но разве сам Дедэ не намекнул Мегрэ, что его надули?

Он вышел из комнаты, и ему показалось, что он перехватил улыбки на лицах полицейских. Как бы случайно в этот самый момент ему повстречался возвращавшийся к себе комиссар.

– Ну как, дружище? С успехом? Они заговорили?

– Что вы собираетесь с ними делать?

– Пока не знаю. Жду распоряжений.

– От кого?

– Сверху, как обычно.

– Благодарю вас.

Когда он очутился на набережной, пошел дождь. Мегрэ вдруг охватило отчаяние, еще немного – и он готов был отнести комиссару заявление об отставке.

«Наивная ты душа», – сказал ему владелец гаража с оттенком жалости.

И это ему, который так мечтал победителем прийти в этот дом! А вышел он оттуда с низко опущенной головой, с комком в горле!

Он вошел в пивную «Дофин», где всегда можно было встретить одного-двух инспекторов с Набережной Орфевр, заходивших сюда пропустить рюмочку. Он знал их в лицо, но для них он был личностью ничем не примечательной.

Сначала, в надежде, что это его несколько взбодрит, Мегрэ проглотил пилюлю, которую дал ему врач, затем выпил залпом рюмку вина.

Вот они. Небрежно развалившись на стульях, они чувствуют себя здесь как дома, обмениваются новостями. Как же, они ведь в курсе всего, что происходит в Париже!

Хотелось ли Мегрэ по-прежнему быть одним из них или он уже начинал понимать, что мнение, которое он себе создал о полиции, несколько превратно.

После второй рюмки он было совсем уже собрался отправиться к своему высокому начальнику и покровителю, Ксавье Гишару, и высказать ему все, что думает.

Его надули. Ле Брэ выудил из него все сведения, которыми он располагал. Кабриолет ждал его у дверей, и он, наверно, приказал везти себя прямо на Набережную Орфевр. Ему-то, уж безусловно, не пришлось дожидаться приема.

«Мой секретарь просто взбесился. Он может наделать уймуплуpestей, довести дело до скандала».

Как знать, может быть, он обратился выше, к префекту полиции, например, или даже к министру внутренних дел?

А ведь вполне вероятно, что и министр внутренних дел был одним из сотрапезников Жандро!

Если это дело оставили за Мегрэ – да еще с такими предостережениями, – то только для того, чтобы он свернул себе на нем шею. Теперь он был в этом уверен.

«Хотите допросить Дедэ? Почему же нет? Пожалуйста, друг мой».

Только раньше они как следует обработали этого самого Дедэ. Кто его знает, чего ему только не наобещали, лишь бы он молчал? А своего добиться было не трудно. Ведь у него уже не первая судимость.

«Наивная ты душа...»

Они втоптали в грязь его веру, осквернили его полицию. Его не задевало то, что они украли у него успех. Чувство его куда глубже, оно скорее походило на разочарование, постиг-

шее влюбленного.

– Гарсон!

Он хотел было заказать третью рюмку, потом раздумал, расплатился и вышел, преследуемый ощущением, что четверо из тех, что сидели с ним за столиком, проводили его ироническими взглядами.

Он понимал, что все время будет наткаться на обман. Что ему оставалось? Отправиться к флейтисту. Ибо единственным козырем в его игре был флейтист. Именно о Жюстене Минаре Ле Брэ распорядился в первый же день собрать все сведения.

Стоит только Мегрэ выйти из себя, как все сочтут, что это от удара, которым его наградил кривоносый боксер.

Он вскочил в проходящий автобус и остался стоять на площадке, угрюмо вдыхая запах мокрой псины, исходивший от его пальто. Его бросило в пот. Может быть, у него жар?

На улице Шапталль Мегрэ сделал небольшой круг, вспомнив о Помеле, хозяине «Старого кальвадоса», – он тоже смотрел на него покровительственно.

Как знать, может, все они правы? Может быть, он просто заблуждался на счет себя и нет у него никаких способностей к службе в полиции?

Между тем он отлично знал, что бы он сделал, будь у него руки развязаны! В этом доме, на который он смотрел с тротуара, он обшарил бы все закоулки, поговорил бы со всеми обитателями – и все стало бы для него ясно, он раскусил

бы их всех, начиная от старого Бальтазар» до Лиз Жандро и Луи.

То, что произошло в ночь с пятнадцатого на шестнадцатое, отнюдь не самое главное – это лишь завершающий этап. Если бы он мог прочесть их мысли, ему было бы легче восстановить путь, который привел к развязке.

Но дом на авеню Дю Буа – крепость, двери которой закрыты для него. Малейшая опасность вызывает немедленно защитную реакцию. Дедэ заставляют молчать, а Люсиль – отказать от желания отомстить за своего Боба.

Он поймал себя на том, что говорит сам с собой вслух. Пожав плечами, он толкнул дверь ресторанчика.

Жюстен был здесь. Он стоял у стойки с рюмкой в руке, словно заменяя Мегрэ при встрече с Помелем. Последний не проявил никакого удивления, увидев нового посетителя.

– И мне то же, – заказал Мегрэ.

Дверь была широко распахнута. Дождь редел, сквозь мелкую сетку капель уже проглядывало солнце. Мостовая еще блестела, но чувствовалось, что скоро она высохнет.

– Так я и думал, что вы еще придете, – сказал хозяин. – Меня удивляет только одно: почему вы не вместе с этими деятелями.

Мегрэ живо обернулся к Жюстену Минару, который смущенно, словно в нерешительности, вымолвил:

– В доме много народа. Они прибыли с полчаса назад.

Машин на улице не было. Гости, наверно, приехали на из-

возчиках.

– Кто?

– Я их не знаю. Думается, судейские. Там и какой-то господин с седой бородой, и молодой чиновник. Может, прокурор с секретарем?

Судорожно сжимая рюмку, Мегрэ спросил:

– Еще кто?

– Понятия не имею.

Деликатный Жюстен не хотел огорчать Мегрэ, и тогда Помель пробурчал вместо него:

– Ваши коллеги. Не из комиссариата. С Набережной. Одного из них я узнал.

Бедняга Минар! Он не знал, куда девать глаза. В общем, получалось, что Мегрэ его надул. Выходит, он только делал вид, что ведет следствие. А теперь выясняется, что он, Мегрэ, здесь ни при чем, что его даже не сочли нужным поставить в известность о том, что они собираются делать.

Вот и получается, что Мегрэ надо, не откладывая в долгий ящик, вернуться домой, сесть за стол и написать заявление об отставке, а потом лечь в постель. Голова у него горела как в огне. Хозяин катал в ладонях бутылку кальвадоса. Мегрэ утвердительно кивнул головой.

Плевать! Его обманули по всем статьям. Они правы. Он наивная душа, ребенок. Дедэ прав.

Двое людей копали в саду землю.

– Жермен тоже там, – прошептал Минар. – Я заметил ее

в окне.

Черт возьми! И она тоже. Впрочем, это в порядке вещей. Она далеко не умна, но, как у всех женщин, у нее есть нюх. Она поняла, что не к тем примкнула, что Мегрэ и его флейтист всего лишь пешки в чужой игре.

– Я пошел! – решительно сказал Мегрэ, ставя свою рюмку на стойку.

Опасаясь, что смелость ему изменит, он ускорил шаг. Когда он очутился у открытых ворот, он увидел двух людей, копавших землю в саду. У двери, которая вела в дом, стоял дежурный инспектор.

– Я сотрудник квартального комиссариата, – сказал ему Мегрэ.

– Надо обождать.

– Чего?

– Чтобы эти господа закончили работу.

– Но ведь я вел следствие.

– Возможно. Но у меня есть указания, старина.

Еще один с Набережной Орфевр!

«Клянусь, если я когда-нибудь буду иметь отношение к Сыскной полиции, – пообещал себе Мегрэ, позабыв уже о своем намерении подать заявление об отставке, – никогда не стану выказывать пренебрежения к беднякам из комиссариата».

– И прокурор здесь?

– Все здесь.

– Мой комиссар тоже?

– Я его не знаю. Какой он из себя?

– В сером пиджаке. Высокий, худощавый, с узкими светлыми усиками.

– Не видал.

– Кто приехал с Набережной?

– Комиссар Бародэ.

Очевидно, это тот, чье имя чаще всего мелькает в газетах. В глазах Мегрэ это был человек, достойный всяческого уважения. Лицо его всегда гладко выбрито, а пронизательные глаза, кажется, смотрят сразу во все стороны.

Полицейский нехотя, словно оказывая снисхождение, отвечал на вопросы.

– Ришар Жандро дома?

– Какой он?

– Темный, с длинным кривым носом.

– Есть такой.

Значит, Жандро либо не пошел, как обычно, в контору, либо срочно вернулся оттуда.

В этот самый момент у дома остановилась карета. Из нее вышла молодая женщина и бросилась к дверям, у которых стояли Мегрэ и инспектор.

Мегрэ она не заметила.

– Мадемуазель Жандро, – едва слышно произнесла она.

Инспектор торопливо бросился открывать дверь, объяснив потом своему коллеге:

– У меня были указания.

– Ее ждали?

– Мне просто велели пропустить ее.

– Вы видели хозяина особняка?

– Он сейчас как раз с этими господами. Вы знакомы с делом?

– Немного, – ответил Мегрэ, стараясь не показать, что он понимает всю унижительность своего положения.

– Говорят, это был грязный тип.

– Кто?

– Тот, которого кокнул слуга.

Мегрэ смотрел на него, открыв рот от удивления.

– Вы уверены?

– В чем?

– Что Луи... – Не знаю я никакого Луи. Я слышал только обрывки разговора. Единственное, что я знаю, – не допускать скопления людей.

Один из землекопов, по-видимому тоже имеющий отношение к полиции, появился в воротах; тот, который остался в саду, был, вероятно, одним из здешних слуг. У первого руки были в грязи, к подошвам тоже прилипли комки грязи, лицо его выражало брезгливость и отвращение.

– Смотреть на него тошно! – обронил он на ходу. Перед ним открыли дверь, и он исчез в доме. За тот короткий миг, пока дверь была приоткрыта, Мегрэ успел заметить в холле Лиз Жандро и ее брата. Остальные, из прокуратуры, находи-

лись, по-видимому, в одном из салонов. Двери были закрыты.

– У вас здесь назначено свидание, что ли? – спросил полицейский у переминавшегося с ноги на ногу Мегрэ.

– Сам не знаю.

На глазах у него навернулись слезы. Никогда еще он не чувствовал себя таким униженным.

– Сдается мне, они больше всего боятся журналистов. Потому и принимают такие меры предосторожности. Самое смешное, что у нас в семье все пьют кофе «Бальтазар». Вот уж не думал, что в один прекрасный день... Из дома, как видно, часто куда-то звонили – до них то и дело доносились телефонные звонки, отбои.

– Если вас послал ваш комиссар, я могу пойти сказать ему, что вы ждете.

– Не стоит.

Инспектор пожал плечами. Он уже ничего не мог понять, особенно когда заметил, что Мегрэ глотает пилюлю.

– Захворали?

– Вы не знаете, как это началось?

– Что именно?

– Вы были сегодня на Набережной Орфевр?

– Да. Я как раз собирался на облаву в квартал Ля Виллет. Комиссар Бародэ обрабатывал в это время одного типа.

– Маленький, в клетчатом костюме?

– Да. Хитрый, видать, парень.

– Бародэ звонил комиссару?

– Нет. Его вызвал к себе главный. Пока он ходил, я караулил парня. Занятный тип! Он просил закурить, да у меня не было.

– А потом?

– Когда мосье Бародэ вернулся, он снова закрылся с этим субчиком в клетчатом костюме, сказав нам, чтоб мы были наготове.

– Кто мы?

– Ну, из опергруппы... Нас было трое, кроме комиссара. Двое других сейчас в доме. Того, который копал, звать Барьер, месяц назад он был ранен при задержке поляка с улицы Коленкур.

Мегрэ ловил каждое слово. Перед ним возникла комната на Набережной Орфевр, полицейские, дружелюбно покровительственное «ребятки», с которым Бародэ обращался к своим подчиненным.

Почему же с ним так поступили? Разве он допустил какую-нибудь оплошность? Или не сумел взяться за дело? Или был недостаточно осторожен?

Уходя с бульвара Ришар-Ленуар, комиссар Ле Брэ, казалось, дал ему свободу действий. А сам бросился на Набережную Орфевр! Может, он и сюда пожаловал?

– Значит, дворецкий признался?

– Вроде бы так. Рожа у него, во всяком случае, мерзкая.

– Я больше ничего не понимаю.

– А почему вам кажется, что вы должны что-нибудь понимать?

Это был, быть может, первый урок скромности, преподанный Мегрэ. Инспектору, надо думать, уже перевалило за тридцать. Он обладал тем спокойствием, тем безразличием, которое присуще людям, много повидавшим. Он покуривал свою трубку, даже не пытаясь прислушиваться к тому, что происходило в доме.

– Во всяком случае, это куда лучше, чем облава на участке Ла Виллет. Бог знает, сколько бы она отняла времени... У тротуара остановился автомобиль. Молодой врач с темной бородкой поспешно вышел из машины, держа в руке чемоданчик. Мегрэ узнал его по фотографиям, которые часто печатались в газетах.

То был доктор Поль, судебный врач, почти знаменитость.

– Где все?

– Здесь. Пожалуйста, доктор. Труп в саду. Но прежде всего вы, наверное, захотите повидать прокурора?

Все, кроме Мегрэ, беспрепятственно проникали в святая святых. Ему ничего не оставалось, как терпеливо ждать под сводами подворотни.

– Вот увидите, – сказал инспектор, – вся эта история займет в газетах не более трех строк.

– Почему?

– Потому!

И вечером в «Пресс» действительно можно было про-

честь:

«В ночь с 15 на 16 этого месяца в особняк семьи Жандро-Бальтазар на улице Шапталь проник грабитель. Дворецкий Луи Вийо, пятидесяти шести лет, уроженец Ансеваля, Ньевр, убил его наповал выстрелом из револьвера, попав прямо в сердце».

А Мегрэ в это время лежал с температурой 39, госпожа Мегрэ не знала, как ей избавиться от флейтиста, ни на шаг не отходившего от больного и более чем когда-либо напоминавшего всем своим видом приبلудного пса.

Глава 9

Завтрак в деревне

Так продолжалось три дня. Сначала он надеялся, что и в самом деле серьезно заболел и что это подействует на их совесть. Но когда он на следующее утро с величайшей опаской открыл глаза, то обнаружил у себя всего-навсего обыкновенный насморк.

Тогда он схитрил. Даже перед собственной женой было неловко валяться с насморком, и он застонал, раскашлялся, стал жаловаться на боль в груди.

– Я тебе поставлю горчичник, Жюль. У тебя может разыгаться бронхит.

Она была по-прежнему жизнерадостна и весела. Нежно ухаживала за ним. Нянчилась с ним, как с маленьким ребенком. Однако ему казалось, что она кое о чем догадывается.

– Входите, мосье Минар, – донесся до него ее голос из передней. – Нет, ему не хуже. Только попрошу вас не очень его утомлять.

Значит, она тоже вступила в игру.

– Какая температура? – спросил обеспокоенный флейтист.

– Пустяковая.

Госпожа Мегрэ предусмотрительно не назвала ее, ибо

цифра была несколько ниже тридцати семи.

Она обожала всякие микстуры, горчичники, любила варить бульоны, сбивать гоголь-моголи. Ей нравилось также тщательно задергивать шторы, создавая в комнате приятный для глаз больного полумрак, и ходить на цыпочках, приоткрывая время от времени дверь в его комнату, чтобы проверить, спит ли он.

Бедняга Минар, он уже больше не нужен! Мегрэ даже сердился на себя за это чувство. Он ведь очень к нему привязался. И приятно было бы доставить ему удовольствие.

Каждое утро Минар являлся к девяти-десяти утра. Он даже не звонил, а только скребся в дверь, тихо-тихо, чтобы не потревожить Мегрэ – вдруг тот еще спит. Потом, пошептавшись с госпожой Мегрэ в передней, входил, топтался на пороге, а затем робко приближался к постели.

– Нет, нет, не подымайтесь! Я только пришел узнать, как дела. У вас нет для меня никаких поручений? Я был бы счастлив... Речь шла уже не о том, чтобы выслеживать преступников. Он готов был на любые услуги. Он и госпоже Мегрэ предлагал свою помощь.

– Может быть, вы позволите мне сходить за продуктами? Я прекрасно справлюсь, вот увидите.

В конце концов он «всего на минутку» присаживался на краешек стула у окошка и застывал в такой позе на долгие часы. Если у него спрашивали, как поживает его жена, он поспешно откликнулся:

– Какое это имеет значение!

Он снова приходил после обеда, уже во фраке, перед тем как отправиться на работу, так как теперь он играл на балах где-то на бульваре Сен-Мишель, и играл уже не на флейте, а на корнет-а-пистоне, отчего вокруг губ у него оставался розовый след.

Ле Брэ тоже каждое утро присылал дежурного из комиссариата справляться о здоровье Мегрэ. Это очень разочаровало консьержку – она, правда, считала своего жильца государственным чиновником, но никак не думала, что он имеет отношение к полиции.

– Комиссар просил вас хорошенько следить за собой, ни о чем не беспокоиться. Все в порядке.

Мегрэ поглубже закапывался в мягкую постель. Он хотел уйти в себя, замкнуться. Он еще не знал тогда, что это станет его излюбленным приемом, к которому он будет нередко прибегать в минуты отчаяния и затруднений.

Но успокоение не приходило. Мысли его не приобретали ясности, они путались, как в лихорадке. Он медленно проваливался в полузабытье, и действительность изменялась, смешиваясь с воспоминаниями детства. Все здесь помогало этому: тени и свет в комнате, цветы на обоях, запахи, доносившиеся из кухни, бесшумные шаги госпожи Мегрэ... Он восстанавливал все события с самого начала, расставлял всех участников, как шахматные фигурки на доске: старый Бальтазар, Жандро-отец, Лиз и Ришар, Луи, Жермен, юная слу-

жанка Мари.

Он передвигал их взад-вперед, потом смешивал все в одну кучу. Затем наступала очередь Ле Брэ, который выходил из квартиры Мегрэ на бульваре Ришар-Ленуар, садился в кабриолет и бросал кучеру: «Набережная Орфевр».

Был ли он на «ты» с высоким начальством, с Ксавье Гишаром? С этой минуты все приобретало особую остроту. Что говорил Ле Брэ Гишару в его просторном кабинете, в котором Мегрэ довелось побывать дважды и который был для него самым священным местом на земле?

«Мой секретарь – тот молодой человек, которого вы мне рекомендовали, – занимается сейчас одним расследованием. Я не мог иначе поступить и вынужден был поручить дело ему. Полагаю, он натворит немало глупостей».

Сказал ли он именно так? Вполне возможно. Ле Брэ был прежде всего светским человеком. Он ежедневно по утрам занимался фехтованием в клубе Гоха, бывал на приемах, присутствовал на всех премьерах и показывался на скачках в светло-сером парадном костюме.

А Ксавье Гишар? Тот был другом отца Мегрэ и происходил из той же среды. Он жил не в долине Монсо, а в тесной квартирке Латинского квартала, уделяя больше времени своим книгам, чем прекрасным дамам.

Нет, он не способен ни на свинство, ни на компромисс!

Между тем он вызывал к себе Бародэ. Какие указания он дал последнему?

Ну, а если даже все было именно так – разве это доказывает, что Мегрэ допустил какую-нибудь ошибку? Пускай он еще не успел закончить следствие! Не знал, кто выстрелил в графа. Не знал также, почему стреляли в него. Но он бы все распутал.

Он сознавал, что проделал за короткий срок большую работу. Не зря так испугался комиссар!

Что же все это означает?

Газеты больше не упоминали о деле.

Тело Боба, должно быть, отправили в морг для вскрытия.

Мегрэ снова видел себя на улице Шапталъ, позади всех этих господ, которые не обращали на него никакого внимания. Бародэ, который не знал его в лицо, принимал его, по видимому, за кого-нибудь из домашних. Прокурор, судья и секретарь суда полагали, что он один из людей Бародэ. Только Луи бросал на него насмешливые взгляды. Вероятно, он был осведомлен о его деятельности через Жермен.

Все это было унизительно, приводило в отчаяние. Моментами, закрыв глаза, расслабленный теплом постели, он рисовал себе план идеально проведенного следствия.

«В следующий раз я поступлю так-то и так-то...»

На четвертый день ему вдруг надоело быть больным, и, еще до прихода флейтиста, он поднялся, умылся холодной водой, тщательно побрился, снял повязку с головы.

– Ты идешь на работу?

Он ощутил потребность вновь вдохнуть воздух комисса-

риата, сесть за свой черный стол, оглядеть жалких посетителей, жмущихся на скамейке у побеленной стены.

– Что мне сказать Жюстену? Теперь флейтиста звали просто Жюстеном, как друга семьи, как дальнего родственника.

– Если хочет, пусть придет за мной к часу дня, вместе позавтракаем.

Он не надел на ночь наушники, и ему пришлось подкручивать кончики усов горячими щипцами для завивки волос. Большую часть пути он прошел пешком, окунувшись в оживленную суету бульваров, и вся его злость растаяла в утренней весенней свежести.

Зачем ему думать об этих людях? О Жандро, засевших в своей крепости. О старике, чей характер наследуют в его роду только женщины. Об истории с завещанием. Зачем ему интересоваться, к кому перейдут по наследству все кафе «Бальтазар»?

Ибо он понимал, что дело не только в деньгах. Решался вопрос, кто станет обладателем пакета акций, кто возглавит, наконец, фирму. Лиз, Ришар? Тот, кто получит состояние старого Бальтазара, получит могущество и власть.

Подумать только! Молодая девушка, забыв о своих двадцати годах, мечтает о директорском кресле точно так же, как мечтала о нем ее покойная мать.

Ему, Ришару, стать всемогущим хозяином или ей, Лиз, всемогущей хозяйкой?

Пусть сами разбираются!

Ей-богу, они так и сделали! Но как быть с мертвецом, по которому никто не плакал, не считая девицы с авеню Де Ваграм?

Он вошел в комиссариат, поздоровался за руку со своими коллегами.

– Бертран отправился к вам узнать, как вы себя чувствуете.

Он не доложил о себе комиссару, молча уселся на свое место, и только в половине одиннадцатого, когда Ле Брэ открыл свою обитую войлоком дверь, он увидел Мегрэ.

– Вы пришли, Мегрэ? Так зайдите же ко мне! Ему очень хотелось держаться непринужденно.

– Присаживайтесь. Я не уверен, что вы разумно поступили, так рано поднявшись с постели. Я хотел предложить вам отпуск для восстановления здоровья. Не думаете ли вы, что несколько дней в деревне пойдут вам на пользу?

– Я чувствую себя совершенно здоровым.

– Тем лучше, тем лучше! Кстати, как вы могли убедиться, вся эта история уладилась. Впрочем, я вас поздравляю, вы были, оказывается, недалеко от истины. Как раз в тот день, когда я приходил вас проведать, Луи позвонил в полицию.

– По собственному желанию?

– Признаюсь, я ничего толком не знаю. К тому же это не имеет ровно никакого значения. Главное, он признался. По-видимому, он догадывался, что ведется следствие, и понимал, что доберутся до правды.

Мегрэ, опустив глаза, упорно рассматривал письменный стол, и на лице его не отражалось никаких чувств. Ощущая неловкость, комиссар продолжал:

– Он, минуя нас, обратился непосредственно в префектуру. Вы читали газеты?

– Да.

– Конечно, правда была несколько приукрашена. Дань необходимости, со временем вы это поймете. Есть случаи, когда скандал недопустим, когда голая правда приносит больше вреда, чем пользы. Поймите меня правильно. Мы оба знаем, что граф проник в дом отнюдь не как грабитель. Может быть, его там ждали. Лиз Жандро была расположена к нему. Я употребляю это слово в лучшем его смысле. Не забывайте, что она родилась в замке д'Ансеваль, что обе семьи связывают определенные узы. Боб был человеком отчаянным. Он скатывался все ниже и ниже с непонятным неистовством. Почему не предположить, что она пыталась направить его на путь истинный? Таково мнение моей жены, которая хорошо знает характер Лиз. Но не в этом дело. Был ли он пьян в ту ночь, как это с ним довольно часто случалось? Держал ли он себя вызывающе? Луи весьма скуп на подробности. Его привлекли крики и шум. Когда он вошел в комнату, Боб и Ришар Жандро сцепились в схватке, и ему показалось, что он увидел нож в руке графа.

– А нож нашли? – негромко спросил Мегрэ, по-прежнему уставившись на стол.

Казалось, он упорно разглядывает какое-то пятнышко на полированной поверхности.

– Не знаю. Следствие вел Бародэ. В силе остается все та же версия – на ночном столике лежал револьвер, и Луи, защищая своего хозяина, выстрелил. А теперь скажите, мой юный друг, к чему бы привел скандал? Публика не приняла бы правды. Мы живем в такое время, когда определенные слои общества находятся уж очень на виду. На карту была поставлена честь мадемуазель Жандро, ибо речь шла бы главным образом о ее чести. Так или иначе, это типичный случай самообороны.

– Вы уверены, что стрелял дворецкий?

– В деле имеется его признание. Подумайте только, Мегрэ, как реагировали бы некоторые газеты, каковы были бы последствия этого дела для молодой девушки, которую у нас нет оснований обвинять ни в чем, кроме как в некоторой... м-м-м... экспансивности...

– Понимаю.

– Мадемуазель Жандро уехала в Швейцарию. Нервы ее не выдержали такой перегрузки, и она, вероятно, пробудет за границей несколько месяцев. Луи оставлен на свободе за отсутствием состава преступления. Его единственная ошибка заключается в том, что, потеряв голову, он, вместо того чтобы немедленно во всем признаться, закопал труп в саду.

– Он один его закапывал?

– Поставьте себя на место Ришара Жандро. Я вижу, вы все

еще сомневаетесь. Но в конце концов вы поймете. Бывают случаи, когда мы не вправе...

– ...поступать согласно велениям совести? Тогда Ле Брэн снова стал сух и высокомерен, более высокомерен, чем когда-либо.

– Мне не в чем упрекнуть свою совесть, – отрезал он, – хотя я имею основания полагать, что она у меня не менее щекотлива, нежели у любого из вас. Вы молоды, Мегрэ, очень молоды, и это единственная причина, по которой я не могу на вас обижаться.

Было около двенадцати, когда в комиссариате зазвонил телефон.

Инспектор Бессон снял трубку и обратился к Мегрэ:

– Это вас. Все тот же тип. Он звонит уже в третий раз, и всегда в одно и то же время.

Мегрэ взял трубку.

– Алло! Жюль?

Он узнал голос Дедэ.

– Ну как дела? Лучше? Уже работаете? Скажите, у вас есть время позавтракать со мной?

– К чему?

– Это уж мое дело. С того самого дня мне охота свезти вас позавтракать в деревню. Не бойтесь. Я приеду за вами на своей колымаге. Но только я буду стоять не у комиссариата, а на углу улицы Фонтен, потому что я не очень-то люблю такие заведения, как ваше. Идет?

Бедняга Жюстен, опять ему не повезло!

– Скажите ему, что меня вызвали по срочному делу. Увидимся с ним сегодня вечером или завтра утром.

Через четверть часа он сел в серый «дион-бутон».

Дедэ был один.

– Скажите, что вам больше по вкусу? Как насчет жареного пескаря? Давайте раньше на минуточку остановимся у ворот Майо и пропустим по одной.

И они зашли в бар, где Дедэ заказал два абсента.

Он был весел, но глаза его сохраняли серьезность. На нем был все тот же серый костюм в клеточку, ботинки желтовато-зеленого цвета и ярко-красный галстук.

– Еще по одной? Нет? Ну, как хотите. Сегодня у меня нет никаких оснований вас спаивать.

И они покатали сначала по дороге, потом выехали на берег Сены, по которой скользили рыбацкие лодочки, и вот наконец у самой воды увидели маленькую харчевню с садом за домом и сетями, натянутыми перед верандой для просушки.

– Густав,образи-ка нам обед на славу. Начнем с жареных пескарей. – И, обращаясь к Мегрэ, объяснил:

– Он сейчас закинет сеть, и мы получим их прямо живехонькими. – Затем снова к хозяину:

– Ну, а еще что ты нам предложишь?

– Не желаете ли петуха в розовом «божелэ»?

– Ладно, давай петуха.

Дедэ чувствовал себя здесь как дома. И в кухню зашел, и

в погреб спустился, откуда вернулся с бутылкой белого лурского вина.

– Это стоит всех аперитивов мира. А пока, в ожидании жареного пескаря, набейте свою трубку, и потолкуем. – Он почувствовал необходимость объяснить:

– Знаете, почему я так хотел встретиться с вами? Потому что вы мне нравитесь. Вы не такой негодяй, как все эти типы там у вас.

Он тоже будет приукрашивать правду, – Мегрэ это отлично знал. Люди такого сорта, как Дедэ, страшные болтуны, и это часто их губит. Они так довольны собой, что почти всегда испытывают необходимость говорить о своих темных делишках.

– Где Люсиль? – спросил Мегрэ, который полагал, что и она примет участие в завтраке.

– Хотите – верьте, хотите – нет, но она действительно больна. Видите ли, эта девушка по-настоящему любила Боба. Она дала бы разрезать себя за него на мелкие куски. Вся эта история убила ее. Она не хотела ни за что покинуть улицу Брей – там, видите ли, все ей напоминает о нем. Вчера я уговорил ее поехать в деревню и сам отвез туда. Я потом поеду к ней. Ну, пока хватит! Может быть, еще когда-нибудь вернемся к этому.

Он закурил сигарету, медленно пуская дым через нос. Вино искрилось в стаканах, под легким ветерком колыхалась молодая травка в саду. Видно было, как хозяин, стоя в своем

ялике, готовится закинуть сеть.

– Полагаю, что вы из любопытства заглянули в мое досье и убедились, никаких мокрых дел за мной не числится. Всякие там пустяки. Два раза схлопотал по шесть месяцев и поклялся, что с меня хватит. – Он пил для храбрости. – Газеты читали?

И так как Мегрэ утвердительно кивнул головой, он продолжал:

– Вы бы посмотрели на Люсиль! Она стала белее бумаги. Хотела во что бы то ни стало пойти и выдать всех сообщников. Я ее успокоил. «Что это даст?» – говорил я. Запачкать они его запачкали, так ведь? Если бы мне где-нибудь в таком месте, где нет лягавых, попался бы этот тип с кривым носом, ну, тот, Ришар, клянусь, я бы ему с удовольствием все кости пересчитал. Он швырнул пятьдесят тысяч франков и думает, что кум королю. Так вот! Между нами, хоть вы и из полиции, а я вам скажу: с ним еще счета не кончены. Рано или поздно, но в один прекрасный день мы еще с ним встретимся. Подлецы разные бывают. Но таких, как этот, я просто не выношу. А теперь расскажите о себе.

– Мне не дали закончить следствие, – выдавил из себя Мегрэ.

– Знаю. И мне платят за то, что я это знаю.

– Они вам приказали молчать?

– Они мне сказали, чтоб я держался в стороне, и в убытке я не останусь.

Это означало, что на все проделки Дедэ они закрывают глаза, что ему простят удар, который чуть было не отправил Мегрэ на тот свет, что не станут доискиваться, откуда взялись сорок девять тысяч франков, обнаруженные в его бумажнике.

– Особенно меня разозлил трюк с дворецким. Вы этому верите?

– Нет.

– Слава богу! А не то я перестал бы вас уважать. Надо же было найти кого-нибудь, кто выстрелил, так пусть им будет слуга. А кто, по-вашему, выкинул этот фортель? Здесь мы можем говорить начистоту, верно? Да, учтите, если вы попытаетесь воспользоваться тем, что я вам тут сказал, я поклянусь, что рта не раскрывал... Полагаю, что это девушка.

– Таково и мое мнение... – С той разницей, что у меня есть все основания так полагать. Утверждаю, что если она и кокнула Боба, так по ошибке. Кого она хотела угробить, так это братишку. Потому что они ненавидят друг друга так, как только могут ненавидеть в таких семьях. Вы не знали Боба, а жаль. Это был самый шикарный парень на свете. Он мог там такое натворить!.. Но злости в нем не было, доложу я вам. Он был выше этого. Он так их презирал, что и смотреть на них не хотел. Когда девчонка стала увиваться вокруг него... – Когда это началось?

– Осенью. Не знаю, кто ее надоумил. Она узнала, что Боба можно встретить после бегов, часов около пяти, на танцваль-

ке, на авеню Де Ваграм.

– И она туда пошла?

– Еще бы! Даже без вуалетки. Сказала ему, кто она такая, что живет в замке д'Ансеваль, что интересуется им, что будет счастлива принять его у себя.

– Он ухаживал за ней?

– А как же, ведь она сама набивалась. Он ее даже водил в отель на улицу Брей – вы его знаете. Чтобы посмотреть, до чего она может дойти, понимаете? Да, он был отличный парень. Красавец. Ну, а она такая, что только удовольствия ради в отель не пойдет. От Люсиль он ничего не скрывал. Если бы она ревновала ко всем!.. А вот и пескари. Интересно, понравятся они вам?..

Он умел говорить и есть в одно и то же время и не ограничивал себя ни в том, ни в другом, равно как и не пренебрег второй бутылочкой, поставленной перед ним.

– Не старайтесь понять. Сам Боб, который был куда хитрее вас и меня, вместе взятых, – не подумайте только, что я говорю это, чтоб вас обидеть, – сколько времени потратил, пока разобрался, что к чему. Что его удивляло, так это ее желание выйти за него замуж. Она ему все условия изложила. Само собой, работать ему не придется, ежемесячно будет получать столько-то на мелкие расходы и все прочее. А он и ухом не повел. Он понимал, что ей чертовски хочется стать графиней. Есть такие люди. Они сначала покупают замок. Потом покупают знатное имя бывшего владельца. Вот

как мне объяснял Боб.

Он посмотрел Мегрэ в глаза и, довольный произведенным впечатлением, сказал, как отрезал:

– Так вот, дело было совсем не в этом! Он грыз хрустящих пескарей, время от времени поглядывая на Сену, по которой медленно проплывали катера, начинавшие гудеть за несколько сот метров до шлюза.

– Не пытайтесь понять. И не ищите. Боб, когда узнал, просто ахнул. Хотя и знал историю этой семейки назубок. Знаете, кто надоумил ее насчет брака? Старик!

Он торжествовал.

– Признайтесь, что ради такой новости стоило поехать завтракать в Буживаль. Вам приходилось слышать о старой мумии, которая завещала свой дом со всеми картинами государству, чтобы там устроили музей? Хотите посмеяться, так слушайте дальше. Заметьте, я тоже не все знаю. Да и Боб знал не все до конца. Оказывается, старик, который начал с того, что шатался с мешком по деревням, мечтал о внуках и правнуках благородного происхождения. Знаете, что я думаю? Это должна была быть его месть, потому что, оказывается, Ансевали к нему не слишком ласково относились. Они продали ему свой замок и фермы. Скромненько отбыли, но ни разу не захотели пригласить его ни пообедать, ни даже позавтракать. Тогда он в своем завещании поставил условия, которые взволновали всю семью. Его дочь еще была жива, когда он умер. Миллионеры, они не такие уж дураки, имей-

те в виду. Старик все предусмотрел. После смерти дочери акции должны были быть поделены на две части: пятьдесят один процент – молодой барышне, сорок девять процентов – кривоносому. Оказывается, очень важно, что большинство голосов, как они говорят, будут принадлежать барышне. Я не очень-то во всем этом разбираюсь. Пошли дальше. Раздел должен был произойти, когда ей сравняется двадцать один год.

– То есть в будущем месяце.

– Да... Вот именно. Из песни слова не выкинешь. Так на чем мы остановились? Вспомнил! Так вот, была еще одна загвоздка. Если наша девица выйдет замуж за одного из Ансевалей, она получает все акции с обязательством выплачивать своему братишке ежемесячное пособие с его части наследства. Это означает, что никакого отношения ко всем этим кафе «Бальтазар» и к замку он больше иметь не будет. Бальтазары и Жандро стали бы Ансевалеями, и род их восходил бы к крестоносцам. Боб был очень сведущ в таких вот делишках, и вы себе представить не можете, как он гоготал.

– Он согласился?

– За кого вы его принимаете?

– Как же он обо всем узнал?

– Через братика. Вот послушайте, как глупо человек может попасться. Жандро с кривым носом тоже вовсе не дурак. Он не хочет, как его отец, проводить все свое время в клубах и бегать за служанками с улицы Мира. Он хочет быть хозя-

ином.

– Начинаю понимать.

– Быть не может! Даже Боб и тот не сразу понял. Кривоносый попросил его прийти к нему в контору. Говорят, что она похожа на ризницу: всюду старинная мебель, все стены отделаны резным деревом, а на одной из них – портрет старика от пола до самого потолка. Он смотрит с него как живой, в глазах – насмешка. Откровенно говоря, мне из всей семейки нравится только старик. Боб говорил, что такого хитрого пройдохи он в жизни своей не встречал. Ну конечно, это было сказано ради красного словца. Боб его и не встречал вообще, потому что тот давно умер. Дальше – больше. Братец выкладывает ему все, как есть. Спрашивает Боба, собирается ли тот жениться на его сестре. Боб отвечает, что никогда не имел такого намерения. Тогда тот ему говорит, что он совершает ошибку, – это, мол, будет выгодное дельце для всех. А почему, спрашивается, это будет выгодно для всех? Да потому, что Ришар Жандро подсыплет денег мужу своей сестры. Столько денег, сколько тот захочет. При одном условии: чтобы он таскал его сестру по белу свету, развлекал ее и отбил у нее вкус к коммерции... Теперь вы поняли?.. Боб отвечает, что к такой работе у него нет призвания. Тогда этот гад с кривым носом заявляет, что тем хуже для него, что ему это может очень дорого обойтись... Подумать только, вы меня чуть в тюрьму не упекли за пятьдесят кусков, которыми я разжился у этого кривоносого подлеца!

Аромат поданного к столу петуха в винном соусе заглушил на некоторое время благоухание цветущих деревьев и запахи реки. Дедэ с аппетитом приступил к еде.

– Хлебните-ка этого «божелэ» и признайтесь, что не стоило сажать меня на тюремную похлебку и лишить себя тем самым такого завтрака. А?.. Знаете, что было в портфеле у этой рожи? Я говорил вам, что Боб был шикарный парень, но не святой, отнюдь... Ему, как и многим другим, тоже случилось время от времени сидеть на мели. С самого детства он был знаком с разными там богачами. И иногда, смеха ради, подделывал их подписи на векселях и прочих других штуковинах. В этом ничего такого особенного не было. Люди даже никуда не обращались с жалобами, и часто все устраивалось как нельзя лучше. Так вот, эта гадина, черт его знает каким образом, скупил целую коллекцию таких бумажонок. «Если вы не женитесь на моей сестре, я вас разоблачу. Если, женившись, вы немедленно не отправитесь вместе с ней куда глаза глядят, я вас тоже разоблачу» – так он говорил Бобу. Зверь! Страшный зверь. Почище старика! Клянусь вам. Боб очень жалел, что напоролся на девчонку и влип в эту историю. Что касается мамзели, то она страшно торопилась. Она хотела идти под венец сейчас же, немедленно, не дожидаясь двадцати одного года. Она его забрасывала письмами, телеграммами. Назначала ему свидание за свиданием. Иногда он шел, иногда не шел. Чаще всего не шел, и тогда она приезжала за ним на улицу Брей, поджидала его на углу, не думая

о том, за кого ее принимают... Люсиль ее хорошо знала... – Когда вы отвезли Боба на улицу Шапталъ пятнадцатого ночью... – Он решил покончить со всем, плюнуть им в лицо, сказать и ей и ее братцу, что не продается.

– Он просил вас подождать его?

– Не то чтобы просил, но полагал, что задержится ненадолго... Крылышко или ножку? Вы бы взяли грибков. Гюстав собирает их на холме и сам маринует.

Мегрэ великолепно себя чувствовал, и «божелэ» после сухого белого было очень кстати.

– Как вы думаете, зачем я вам все это рассказываю?

– Не знаю.

– Нет, знаете.

– Пожалуй.

Во всяком случае, он догадывался. У Дедэ было тяжело на душе – совсем нюни распустил, как сказал бы он сам, – слишком тяжело, чтобы молчать. С Мегрэ он ничем не рисковал.

Но гордиться Дедэ было нечем. Этот завтрак он затеял, для того чтобы очистить свою совесть. Ему хотелось показать мерзость других и самому предстать в лучшем свете.

Завтрак в Буживале надолго запомнился Мегрэ. Воспоминание о нем помогало ему впоследствии воздерживаться от безрассудных решений и скоропостижных выводов.

– Что произошло там, наверху, я не знаю. Мегрэ тоже не знал, но теперь ему было куда легче строить предположе-

ния. Надо было только выяснить, собирался ли Ришар Жандро провести этот вечер дома? Может быть, он должен был остаться в клубе или где-нибудь в другом месте?

А может быть, – это ведь было в его характере – сам Боб попросил Ришара подняться к сестре? Почему бы и нет?

Хотя бы для того, чтобы выложить им обоим, что он о них думает.

«Во-первых, я не женюсь...»

Мегрэ, которому никогда не приходилось встречаться с Бобом, начинал уже создавать себе четкое представление о его характере и даже внешности.

«Во-вторых, у меня нет никакого желания продавать имя, которое я не даю себе труда носить...»

Ведь если в районе площади Терн и на ипподроме кто-то и звал его графом, то все равно все были уверены, что это прозвище, и представления не имели о его настоящем имени.

Может быть, Лиз Жандро чересчур яро заступалась за свою попорченную честь? Может быть, брат вышел из себя?

«Вы-то уж заткнитесь! Я расскажу вашей сестре о той комбинации, которую вы придумали».

Хватило ли у него времени? Или тот сразу набросился на него?

Миллионы людей, которые пили кофе «Бальтазар», точно так же, как госпожа Мегрэ, клеивали в альбомы картинки с изображением всех видов растений и цветов, и думать не

думали о том, что их утренний кофе был поводом для драки, разыгравшейся в одной из комнат особняка на улице Шап-таль. Гнусной драки, к отголоскам которой прислушивался слуга за дверью, по-видимому, мужчины схватились мертвой хваткой. Возможно, они катались по полу.

Был ли вооружен Ришар Жандро? Он из тех людей, которые способны наносить удар из-за угла.

– Мне думается, стреляла девчонка. Не со зла. Просто голову потеряла. Она, может быть, сначала бросилась к окну звать на помощь, да ее оттащили. А может, окно было открыто и раньше? Что-то не заметил... Видите ли, я полагаю, что она в конце концов по-настоящему влюбилась в Боба. Ведь такое не скроешь. Сначала-то она все это из деловых соображений, а потом попала на удочку. Он ведь был не похож на всех этих мороженных судаков, с которыми ей приходилось встречаться... Когда она увидела, сдается мне, что Боб падает и брат ее пытается нанести ему удар исподтишка, она потеряла голову и выстрелила. К несчастью, она не умела целиться. И угодила в Боба, да еще в самое сердце... Что, если заказать еще бутылочку? Оно же совсем легкое, это вино. Вот так-то, старина!

Когда я увидел чудака, который пытался достучаться к ним, я уехал, потом опять вернулся, но никого уже не было. Тогда я предпочел смыться. Мы посоветовались с Люсиль. Все надеялись, что Боб вернется или хотя бы даст знать, в какую он угодил больницу. В конце концов я отправился к

Жандро в контору. Вот почему я знаю, как выглядит старик. Он тотчас же раскошелился – жалко, я не содрал с него сто тысяч вместо пятидесяти. Свора мерзавцев! Вы свалились нам на голову как раз в тот момент, когда мы собрались прятать концы в воду. Согласитесь, что было бы глупо дать себя поймать... Ваше здоровье, старина! Они все устроили как нельзя лучше для себя. Я уже начинаю понемножку свыкаться с этой мыслью. Но меня просто тошнит, когда я вижу на улице их грузовые фургоны, запряженные откормленными битюгами... Хозяин! Кофе нам, только не «Бальтазар».

Пришлось, однако, выпить бальтазаровское – другого не оказалось.

– До чего все гадко! – процедил Дедэ сквозь зубы. – Хорошо, что можно будет отсидеться в деревне.

– С Люсиль?

– Она вроде не против. У нас есть пятьдесят тысяч франков или около того. Я всегда мечтал открыть бистро на берегу реки, такое, к примеру, как это, где посетителями будут мои дружки-приятели. Только трудно найти такое местечко – надо ведь, чтобы оно было неподалеку от ипподрома. Завтра пошатаюсь вокруг Мэзон-Лафита. Я и Люсиль туда отвез и там спрятал. – Он вдруг сконфузился и поспешил добавить:

– Не подумайте, что мы стали добропорядочными буржуа.

Так прошла целая неделя. Каждое утро по звонку Мегрэ

входил в кабинет комиссара и представлял ему дневной рапорт. Каждое утро Ле Брэ открывал рот, словно собирался что-то сказать, но потом отворачивался.

Они не обменивались ни словом, кроме служебных разговоров. Мегрэ стал более серьезен и менее подвижен, хотя и не располнел. Он даже не утруждал себя улыбкой и прекрасно отдавал себе отчет в том, что был для Ле Брэ постоянным живым укором.

– Скажите, голубчик... Это было в начале мая.

– ...когда у вас экзамены?

Экзамены по тому самому предмету, которым он занимался в ночь, когда в его жизнь ворвался флейтист, заявившийся в полицейский комиссариат, чтобы сообщить о расквашенном носе.

– На следующей неделе.

– Надеетесь преуспеть?

– Надеюсь.

Он продолжал оставаться холодным, сухо официальным.

– Гишар говорил мне, что вы мечтали поступить в Сыскную.

– Да, было такое.

– А теперь?

– Сам не знаю.

– Мне кажется, там вы будете больше на месте. Я, конечно, вами очень дорожу, однако постараюсь вам помочь в этом деле.

Мегрэ, у которого перехватило дыхание от волнения, не проронил ни слова. Он все еще сердился. По существу, он не смог простить случившегося им всем – и комиссару, и Жандро, и людям из Сыскной, и, может быть, даже самому Гишару, к которому в глубине души испытывал почти сыновнее почтение.

Однако если бы Гишар... Он понимал, что в конечном счете правыми окажутся они. Скандал ни к чему бы не привел. При всех обстоятельствах Лиз Жандро была бы оправдана.

И что же?

Не к самой ли жизни он предъявлял претензии и не заблуждался ли он, не желая этого понять?

Он не хотел выкупа. Он не желал хоть чем-нибудь быть обязанным комиссару Ле Брэ.

– Дождусь своей очереди, – наконец проговорил он. На завтра же его вызвали на Набережную Орфевр.

– Все еще сердитесь, мой мальчик? – спросил его главный, кладя руку ему на плечо.

Он не сумел удержаться и почти с вызовом, как мальчишка, бросил:

– Это Лиз Жандро убила Боба.

– По всей видимости.

– Вы в это верите?

– Я подозреваю. Ради ее брата Луи не пошел бы на такой риск.

Окна кабинета выходили прямо на Сену. Буксиры тащили за собой целую вереницу барж и сигналили, прежде чем пройти под мостом. Трамваи, автобусы, извозчики, такси безостановочно катили по мосту Сен-Мишель, а на тротуарах пестрели женщины в ярких платьях.

– Присаживайтесь, старина.

Урок, преподанный ему в этот день отцовским тоном, нельзя найти ни в одном из учебников по научной криминалистике.

– Вы поняли? Наша задача – приносить как можно меньше ущерба. Чему бы это разоблачение могло послужить?

– Правде.

– Какой правде?.. – И высокое начальство заключило:

– Можете закурить трубку. С понедельника вы приступите к работе – инспектором в группе комиссара Бародэ.

Мегрэ не подозревал, что в один прекрасный день, спустя двадцать лет, он снова встретится с Лиз, которая будет носить аристократическую итальянскую фамилию мужа. И что она примет его в той же неизменной конторе Бальтазаров, о которой он знал со слов некоего Дедэ, и что он, наконец, увидит портрет старика, висящий на том же месте.

«Господин комиссар...»

Это он, Мегрэ, комиссар.

«Считаю лишним просить вас о сохранении тайны...»

Сюртэ в это время уже переименовали в Сыскную полицию.

И речь пойдет о том, что на административном языке называется «следствие в семейных интересах».

«К сожалению, у моей дочери характер отца...»

Что касается ее самой, то она была спокойна и холодна, как старый Бальтазар, портрет которого, во весь рост, висел на стене за креслом.

«Она дала себя увлечь одному бессовестному человеку, который увез ее в Англию, где добился разрешения на брак. Необходимо любой ценой...»

Да, тогда он не знал, что ему доведется еще раз держать честь семьи Бальтазар в своих руках... Ему было двадцать шесть лет, и ему не терпелось сообщить жене новость: «Я поступаю в опергруппу шефа».

Но ему не удалось тотчас же осуществить свое желание. На улице его ждал Жюстен Минар.

– Плохие новости?

– Хорошие. Меня засватали.

Флейтист разволновался, он был даже более взволнован, чем сам Мегрэ.

– Вы покидаете комиссариат?

– С завтрашнего дня.

– Выпьем?

И они отправились в пивную «Дофин», в двух шагах от Набережной Орфевр. Инспекторы из Сыскной, сидевшие здесь, не знали этих двух мужчин, которые то и дело чокались и казались необыкновенно счастливыми. Спустя

несколько дней они познакомятся – во всяком случае с одним из них. Мегрэ станет их коллегой. Он будет заходить сюда как к себе домой, гарсон будет называть его по имени и знать, что ему подать.

Домой он вернулся на взводе. Десять раз они провожали друг друга, флейтист и он, от одного угла улицы до другого.

– Твоя жена... – возражал Мегрэ.

– Неважно. Какое это имеет значение?

– Сегодня тебе не надо дудеть в свою дуделку?

– В какую дуделку?

Поднимаясь по лестнице, он здорово шумел. Открыв дверь, серьезно заявил:

– Приветствуй нового инспектора из группы шефа!

– Где твоя шляпа?

Проведя рукой по голове, он убедился, что позабыл где-то шляпу.

– Таковы все женщины! И заметь, заметь, прошу тебя, потому что это весьма важно... весьма важно, ты слышишь?.. Вовсе не благодаря комиссару... Они уже давно ко мне присматривались, а я и понятия не имел. Знаешь, кто мне об этом сказал?.. Сам шеф... Он мне сказал... Я не могу повторить все, что он мне сказал, но он просто, как отец... Отец, понимаешь ты...

Тогда она принесла ему комнатные туфли и приготовила крепкий кофе.